

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 4 • 2019 • ИЮЛЬ–АВГУСТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Гусакова А.В. Влияние «внешнего фактора» на распространение культов святых в средневековом Уэльсе (на примере культов св. мучениц Гвенфреви и Тегиук)	3
Хрулева И.Ю., Мохова О.А. Религиозная полемика эпохи первого «Великого Пробуждения» в Британской Америке и создание колледжа Нью-Джерси (1746)	18
Озерова А.С. Детские годы провинциального польского шляхтича в XIX в.	36
Марней Л.П., Чернов С.Л. Торжественные и праздничные дни Российской империи и Царства Польского середины — второй половины XIX в.	55
Лукоянов И.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и изменения в механизмах внешней политики России.	65
Савинова А.Г. Проект Средиземноморского пакта в политике министра иностранных дел Франции Луи Барту (февраль–октябрь 1934 г.)	83
Латышева О.Ю. Средневековая литературная традиция в жизни современной Исландии	98
Дородных С.А. Образ лошади в тагарском искусстве	124
Белявская О.С. «Никольские находки» III–VII вв. в лесостепном Предурале.	144
Чуркина Д.А. Декорация Зала Месяцев палатцо Скифанойя: к истории изучения и восприятия	160

И.Д. Ковальченко: Человек. Ученый. Профессор. Научные чтения к 95-летию со дня рождения	188
--	-----

CONTENTS

G u s a k o v a A.V. The role of the “external factor” in the Spread of the Cults of Saints in medieval Wales (cases of the cults of St. Martyr’s Gwenfrewi and Tegiwc)	3
K h r u l e v a I.Yu., M o k h o v a O.A. Religious Debates of the First Great Awakening in British America and the Foundation of the College of New Jersey (1746).	18
O z e r o v a A.S. Children’s Years of the 19th-century Provincial Polish Gentry	36
M a r n e y L.P., C h e r n o v S.L. Solemn Days and Holidays of the Russian Empire and the Kingdom of Poland in the Mid — Second Half of the 19th Century	55
L u k o y a n o v I.V. The Russo-Turkish War 1877–1878 and Changes in the Mechanisms of Russian Foreign Policy.	65
S a v i n o v a A.G. The draft of the Mediterranean Pact in the Politics of the Foreign Minister France Loui Barthou (February–Octo- ber 1934).	83
L a t y s h e v a O.Yu. Medieval Literary Tradition in the Life of Present- Day Iceland	98
D o r o d n y k h S.A. The Horse Image in Tagar Art	124
B e l j a v s k a y a O.S. The Third–Seventh-century «Finds from Nikol’s- koye» at Forest-steppe Cisurals.	144
C h u r k i n a D.A. The Decoration of the Hall of the Months in Palazzo Schifanoia: History of Research and Perception.	160
<hr/>	
I.D. Kovalchenko: Man. Scientist. Professor Scientific Readings, dedicated to the 95th Anniversary	188

А.В. Гусакова*

**ВЛИЯНИЕ «ВНЕШНЕГО ФАКТОРА»
НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТОВ СВЯТЫХ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ УЭЛЬСЕ (НА ПРИМЕРЕ
КУЛЬТОВ СВ. МУЧЕНИЦ ГВЕНФРЕВИ И ТЕГИУК)**

A.V. Gusakova

**THE ROLE OF THE “EXTERNAL FACTOR”
IN THE SPREAD OF THE CULTS OF SAINTS
IN MEDIEVAL WALES (CASES OF THE CULTS
OF ST. MARTYRS GWENFREWI AND TEGIWC)**

Аннотация. Ключевое воздействие на рост популярности того или иного святого зачастую оказывает «внешний фактор» — поддержка, оказываемая культу извне, как со стороны местных властей, так и правителей соседних регионов. В центре внимания настоящей статьи — истории жизни и мученичества двух святых дев, сохранившиеся в житии св. Беуно, культ которого в средневековом Уэльсе был вторым по популярности после св. Давида Валлийского. Основные события их жизней во многом совпадают: обе девушки происходили из знатного рода, обеим отрубили головы, обе были воскрешены и обращены к монашеской жизни св. Беуно. Однако традиции их почитания в дальнейшем развивались по-разному: мощи одной из них, св. Гвенфреви, в XII в. были перевезены из места упокоения святой, небольшого прихода Гвитерин на севере Уэльса, в аббатство Шрусбери, а церкви, освященные в ее честь, можно было найти даже в приграничных английских графствах, в то время как другая, св. Тегиук, фактически осталось безвестной даже в «родной» стране. В определении роли «внешних сил», не связанных с местной монашеской общиной, в развитии узколокальных валлийских культов и состоит задача настоящего исследования. Схожесть «начальных данных» историй обеих святых позволяет при сравнении оставить их за его рамками, сосредоточив внимание на факторах, воздействующих на культ извне. В первом случае интерес, проявленный английским духовенством к малоизвестной валлийской святой, способствовал распространению ее популярности далеко за пределы места возникновения изначального культа.

* Гусакова Анна Викторовна, младший научный сотрудник, Музей археологии Москвы

Gusakova Anna Viktorovna, Junior Research Fellow, Museum of Archaeology of Moscow

+7-910-706-49-67; purawallia@mail.ru

Во втором случае именно отсутствие поддержки со стороны светских властей не позволило св. Тегиук стать известной за пределами своего прихода. Проблемы церковной организации на территории валлийских королевств, культов валлийских святых, а также связанных с ними текстов начали подниматься в научной литературе сравнительно недавно. Их решение в дальнейшем добавит новые черты к портрету национальной идентичности современных валлийцев.

Ключевые слова: культы святых, генеалогии святых, агиография, валлийская церковь, история Уэльса. св. Беуно.

Abstract. The growth of the popularity of a saint is often influenced by the “external factor” — the cult is provided support from outside, both from the local authorities and the rulers of neighbouring regions. This article focuses on the life and martyrdom of two holy virgins, presented in the vita of Saint Beuno, whose cult in medieval Wales was the second most popular after Saint David’s of Wales. The main events of their lives coincide in many ways: both girls came from noble families, both had been decapitated, both were raised from the dead and turned toward monastic life by Saint Beuno. However, the traditions of their veneration subsequently evolved in different ways. The relics of one of them, Saint Gwenffrewi, in the 12th century were moved from the resting place of the saint, a small parish of Gwytherin in northern Wales, to Shrewsbury Abbey, and churches consecrated in her honour could be found even in the bordering English counties, while the other, St. Tegiwc, in fact, remained unknown even in the “native” country. The aim of this study is to elucidate the role of “external forces” that are not related to the local monastic community in the development of very local Welsh cults. The similarity of the “initial data” in the stories of both saints allows us to leave them outside the scope of the comparative analysis, focusing on the factors affecting the cult from the outside. In the first case, the interest shown by the English clergy in the little-known Welsh saint contributed to the spread of her popularity far beyond the place where the original cult appeared. In the second case, it was precisely the lack of support from the secular authorities that prevented Saint Tegiwc from becoming known outside the parish. It is relatively recently that the topics concerning the organization of the church on the territory of the Welsh kingdoms, the cults of the Welsh saints, as well as the texts linked with them have been addressed in the historiography. The future clarification of these issues will add new values to the portrait of the national identity of the modern Welsh.

Keywords: cults of saints, genealogies of saints, hagiography, Welsh church, history of Wales, St. Beuno.

* * *

Как и ныне живущие люди, святые одного региона были связаны друг с другом сетью разнообразных отношений: семейными узами, ученичеством, обращением, жизнью в одной обители, совместными странствиями, свидетельством одних и тех же чудес. На примере

Британских островов можно убедиться, что никто из них никогда не существовал в отрыве от общества. Генеалогические источники демонстрируют хитросплетения родственных связей: не только меж собой, образуя феномен «святых семейств», когда все дети одного патриарха становились святыми¹, но и с представителями многих светских знатных родов (так, например, св. Давид приходился дальним родственником Кунедде ап Эдерну, полулегендарному правителю V в.²). Агиографические тексты наполнены ссылками на взаимоотношения одних святых покровителей острова с другими. Однако далеко не всегда подобные сюжеты присутствуют в агиографических нарративах. Гораздо чаще такие «ссылки» односторонни: встречаясь лишь в более «молодых» житийных текстах, они были призваны связать намечающуюся традицию с уже устоявшейся, укрепить положение культа «нового» святого через связь с тем, чья святость и авторитет не подвергались сомнению.

Представляется возможной и другая ситуация, когда крупный культ порождает более мелкие, посвященные персоналиям, упоминаемым в нарративах «главного» святого. В этом случае можно говорить о том, что первичный культ таким образом расширяет границы своего влияния, так как зоны распространения вторичных культов могут смещать его географические рамки. Примеры подобной практики встречаются в традициях двух наиболее значимых в Уэльсе святых — Давида и Беуно.

Возникнув достаточно рано, традиции почитания св. Беуно, в числе немногих культов бриттского происхождения, уже в IX в. фиксируются источниками за пределами Уэльса. В дальнейшем они стали главенствующими для целой сети вторичных культов, распространивших влияние святого вплоть до границ Валлийской марки. Будучи популярным уже в раннем Средневековье, св. Беуно сыграл не последнюю роль в развитии взаимоотношений с церковью представителей королевских домов Поуиса, Гвинедда и Дехейбарта. Зародившийся как локальный, к XIV в. его культ в своем политическом значении вышел на общеваллийский уровень и сравнялся по влиянию с почитанием св. Давида³.

¹ Одно из самых известных в валлийской традиции — семейство Брихана Брихейниога, правителя королевства Брихейниог; разные триады упоминают его в качестве родоначальника группы святых вместе с Кунеддой Вледигом и Кау или же Кунеддой и Иосифом Аримафейским.

² Bowen E. G. The settlements of the Celtic saints in Wales. Cardiff, 1954. P. 14.

³ В современной исторической науке возрождается интерес к культу этого валлийского святого. См., например: Sims-Williams P. Buchedd Beuno: the Middle Welsh Life of St. Beuno. Dublin, 2018.

Несмотря на раннее происхождение культа, подтверждаемое источниками, основной житийный нарратив св. Беуно дошел до нас в составе четырех довольно поздних рукописей: MSS Oxford Jesus College 119, Llanstephan 27, Llanstephan 4 и Peniarth 15. Наиболее ранняя из них, MS Oxford Jesus College 119 (также известная как «Книга Анахорета»), датируется 1346 г., прочие были созданы в промежутке между последней четвертью XIV и первой четвертью XV в. Все рукописи имеют южное происхождение и представляют собой сборники популярных в Уэльсе религиозных и околонаучных трактатов, а также избранных произведений историко-романтического толка. Версия жития, дошедшая до нас в составе указанных манускриптов, является переводом на валлийский язык, предположительно выполненным с несохранившегося латинского оригинала. Отмечая очевидное сходство копий, можно предположить, что все они имели общий источник и развивались в рамках одной традиции.

При более детальном изучении персоналий, упомянутых в тексте жития св. Беуно, можно сделать интересное наблюдение: среди сюжетов, оригинальных в контексте данного нарратива, присутствуют две чрезвычайно схожие истории — святых дев Гвенфреви (в англ. варианте — Унифред) и Тегиук. Обе происходили из знатного рода, погибли мученической смертью, после чего были воскрешены св. Беуно и пожелали посвятить свою дальнейшую жизнь Церкви. Сходство историй обеих святых отметила еще Элисса Хенкен, но дальнейшего развития в ее работах этот сюжет не получил. Не останавливаясь на этом отдельно, она посчитала такое дублирование одним из авторских приемов агиографа, с помощью которого он хотел вызвать дополнительный интерес у читателей⁴. Между тем такое предположение выглядит несколько поверхностным. Рассмотрев вопрос более подробно, можно заметить, что, несмотря на внешнее тождество, различий между этими двумя случаями не меньше, чем сходств. Работа исключительно с традицией св. Беуно позволяет сделать лишь самые общие наблюдения, но стоит отступить на шаг в сторону, уделив внимание другим источникам, и перед нами развернется совершенно иная картина: при внешнем сходстве сюжетов почитание святых имело очевидно разные корни и в дальнейшем развивалось совершенно по-разному. Необходимо выявить причину, по которой культ Гвенфреви приобрел широкую известность даже за пределами Уэльса, способствуя привлечению внимания населения приграничных английских территорий к фигуре св. Беуно, в то время как Тегиук даже в «родном» регионе осталась практически неизвестной.

⁴ Henken E. Traditions of the Welsh saints. Cambridge, 1987. P. 78.

Отправной точкой почитания племянницы Беуно, святой девы Гвенфреви (валл. *Gwenfrewi*), могло быть появление в житии святого сюжета, центральной фигурой которого она являлась: в один из дней, когда родители девушки отправились в церковь, а она осталась дома одна, их владения посетил король; видя красоту девушки, он потребовал, чтобы она стала его любовницей. Гвенфреви обманула его, выбралась из дома и побежала в сторону церкви. Обнаружив это, король в гневе погнался за ней и отрубил ей голову. Когда закончилась месса, из церкви вышли родители девушки и св. Беуно, который, увидев, что произошло, взмолился Богу и приставил голову девушки на место, после чего Гвенфреви встала живой и здоровой. Там же, где пролилась ее кровь, забил целебный источник⁵.

Как отмечает Баринг-Гулд, уже в XII в. культ святой девы четко фиксировался на севере Уэльса, в Холивелле и Гвитерине⁶. Очевидно, к этому времени он уже был вполне устоявшимся, имея собственные часовни и нарративы. Это, в свою очередь, говорит о том, что от «главенствующего» культ Гвенфреви отделился достаточно давно, к этому времени будучи уже самостоятельным. Его истоки могли находиться в недошедших до нас версиях жития св. Беуно, более ранних, чем сохранившиеся. Отсутствие рукописей делает также жизнеспособной версию, что святая изначально была объектом самостоятельного культа, который не являлся следствием почитания Беуно: сохранившиеся копии ее агиографического нарратива древнее. Однако помимо жития, имеющего позднее происхождение, существуют другие, более ранние, свидетельства культа Беуно: упоминания его имени в «Мартирологе Таллахта» (IX в.)⁷, генеалогическом трактате “*Bonedd y Saint*” (валл. «благородное происхождение святых»), самая ранняя из сохранившихся копий которого датируется началом XIII в., хотя сам текст значительно старше: по мнению Уэйд-Эванса, он был составлен в XII в.⁸ С ним не согласен другой крупный исследователь валлийских генеалогий — Питер Бартрум: согласно его теории, материал родословных был собран в одно целое еще в начале XI в.⁹, а земельные дарения правителей северного

⁵ *Wade-Evans A. W. Vitae sanctorum Britanniae et genealogiae.* Cardiff, 1944. P. 18–19.

⁶ *Baring-Gould S., Fisher J. The Lives of the British Saints: The Saints of Wales and Cornwall and Such Irish Saints as Have Dedications in Britain.* Vol. 3. London, 1911. P. 196.

⁷ *The Martyrology of Tallaght from the Book of Leinster and MS. 5100-4 in the Royal Library, Brussels / Ed. R. I. Best and H. J. Lawlor.* London, 1931. P. xxii.

⁸ *Wade-Evans A. W.* Op. cit. P. xvii.

⁹ *Bartrum P.C. Late additions to “Bonedd y saint” // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodoryon.* London, 1959. P. 77.

королевства Гвинедд в пользу основного центра почитания Беуно, аббатства Клинног Фавр (также расположенного на территории Гвинедда) совершались в IX–X вв.¹⁰

В отличие от Беуно, имя Гвенфреви не упоминается в генеалогиях (хотя из житийной традиции известно, что она приходилась ему племянницей, будучи дочерью сестры святого — Гвенло). Вероятно, такая ситуация объясняется тем, что усиление культа пришлось на время, когда тексты генеалогий уже окончательно утвердились. Основным источником сведений о ней — агиографическая традиция. С севера Уэльса происходит наиболее ранний из двух дошедших до нас вариантов жития этой святой — анонимная “*Vita Sanctae Wenefredae*” (British Library, MS Cotton Claudius A. v, конец XII в.). Согласно одной из версий, она была создана недалеко от Базингверка одним из местных монахов¹¹. Нарратив включает в себя деталь традиции, очевидно, утраченную в житии самого Беуно: в благодарность за спасение Гвенфреви обещала святому каждый год присылать ему плащ своей работы, и плащ тот никогда не промокал под дождем¹².

Вне Уэльса крупнейшим центром почитания Гвенфреви стало Шрусберийское аббатство, куда в 1138 г. из Гвитерина были перенесены мощи святой¹³ (следует уточнить, что это была уже вторая попытка англичан получить в свое распоряжение реликвию: первая состоялась в правление Генриха I Боклерка, и, хотя разрешение на перенос было дано не только местными правителями, но и епископом Бангора, дело приостановилось в связи со смертью Генриха¹⁴). Такой интерес к валлийской святой мог объясняться происхождением аббата из местечка Даунинг, расположенного недалеко от святыни Холивелла, а также тем, что Шрусбери, конкурируя с другими известными обителями, было заинтересовано в приобретении как можно большего количества реликвий, пусть даже принадлежащих местночтимым святым.

Здесь спустя некоторое время Робертом из Шрусбери было создано второе житие, датируемое 1140–1167 гг. Сам автор в прологе признается, что не видел первого жития: он создал текст на основе как письменных (под которыми, возможно, имелись ввиду какие-то

¹⁰ Miller M. The saints of Gwynedd. Woodbridge, 1979. P. 22–38.

¹¹ Baring-Gould S., Fisher J. Op. cit. Vol. 3. P. 186.

¹² Rees W. J. Lives of the Cambro British Saints. Llandovery, 1853. P. 519.

¹³ Baring-Gould S., Fisher J. Op. cit. Vol. 3. P. 190.

¹⁴ Bartlett R. Cults of Irish, Scottish and Welsh saints in twelfth-century England // Britain and Ireland 900–1300: Insular Responses to Medieval European Change / Ed. B. Smith. Cambridge, 2004. P. 79.

материалы из обителей Базингверка и Гвитерина), так и устных источников — сложившейся к тому моменту народной традиции¹⁵. Версия жития, рассказанная Робертом, более пространна, текст обильно дополнен комментариями автора и вставками из популярных церковных нарративов. Этот текст начинается с восхваления св. Беуно¹⁶ и пересказывает уже упомянутые в предыдущем житии эпизоды с отрубанием головы¹⁷ и дарением плаща¹⁸, однако это делается более подробно. Несколько последующих версий жития Гвенфреви в основном строились на основе первых двух¹⁹. К XV–XVI вв. относится появление переводов жития святой девы на валлийский язык.

Следующим важным шагом стало проведение празднеств в честь святой сначала архиепископом Кентерберийским Томасом Арунделом в 1398 г., а затем его преемником Генри Чичеле в 1415-м²⁰. Вскоре после этого в Сарумский бревиарий были включены девять чтений, повествующих в числе прочего о том, как св. Беуно приобщил свою племянницу к церкви²¹, а также история об отсечении головы, ставшая центральным сюжетом ее жития²².

В позднем Средневековье появляется целый пласт поэтических источников, прославляющих святую деву, а вместе с ней и ее наставника: ей были посвящены поэмы валлийцев Йеуана Бридидд Хира, Сиона ап Хивела, Тудура Аледа, Йоло Гоха, а также стихотворение анонимного автора «Колодец святой Гвенфреви в Холивелле» (конец XVI — начало XVII в.), происходившее с северо-востока Уэльса²³.

Рост популярности Гвенфреви также фиксируется по географии святых мест: ее памяти были посвящены церкви в Холивелле, где располагался ее святой источник, уже тогда привлекавший множество паломников, и в Гвитерине, колодец в Вулстоне (северо-запад Шропшира), а также часовни в Манатоне и Бранскомбе (Девон). Показательно, что последняя изначально принадлежала другому святому, после 1415 г. сменив прежнего покровителя на св. Гвенфре-

¹⁵ Acta sanctorum Novembris / Eds. C. de Smedt, G. van Hooff et J. de Backer. T. I. Parisiis, 1887. P. 708.

¹⁶ Ibid. P. 709.

¹⁷ Ibid. P. 711–714.

¹⁸ Ibid. P. 718.

¹⁹ Baring-Gould S., Fisher J. Op. cit. Vol. 3. P. 186.

²⁰ Ibid. P. 193.

²¹ Breviarii ad usum insignis ecclesiae Sarum / Eds. F. Procter, C. Wordsworth. F. III. Cantabrigia:, 1886. P. 989.

²² Ibid. P. 991.

²³ Medieval Welsh Poems to Saints and Shrines / Ed. B.J. Lewis. Dublin, 2015. P. 92.

ви²⁴. В пользу неизменной популярности валлийской святой среди англичан говорит сообщение Адама из Аска о пешем паломничестве в Холивелл и Гвтерин, которое в 1416 г. совершил Генрих V²⁵, а также строительство новой часовни над источником Холивелла в первой половине XV в., инициированное по приказу Маргарет Бофорт, матери Генриха VII²⁶.

Расцвет почитания святой девы пришелся на XIV–XV вв., немало опережая пик популярности «главенствующего» святого. Анализируя полученные данные, можно с уверенностью утверждать, что культ Гвенфреви, рано отделившись от культа Беуно, тем не менее, оставался тесно с ним связан на всем на протяжении своего развития. Сюжет с отсечением головы и последующим воскрешением святой девы, будучи одним из многих, содержащихся в житии св. Беуно, стал основой новой традиции и нового культа. Помимо этого, через тексты, содержащие историю Гвенфреви, до нас дошли детали, не сохраненные оригинальной традицией, но вошедшие в народную культуру: «Сухой плащ» (валл. *gassulsych*) стало традиционным прозвищем Беуно (наиболее раннее упоминание, принадлежащее непосредственно его традиции фиксируется в начале XIV в. в одном из списков “*Bonedd y Saint*”²⁷).

Второй интересующий нас персонаж, упоминаемый в житии Беуно, — св. Тегиук (валл. *Tegiwc*): она была дочерью Инира, правителя Гвента. Однажды к его двору пришел юноша, и девушка полюбила его. После свадьбы супруги отправились в другую страну, и в пути юноша по наущению дьявола ночью отсек жене голову, после чего отправился дальше. Об этом узнал св. Беуно, который воскресил девушку и обратил ее к служению Богу. Место ее смерти также было отмечено источником²⁸.

В данном случае речь идет о святой, поминаемой в крайне малом количестве источников: у Тегиук не было собственного жития и отдельных, посвященных только ей церквей²⁹. Единственное топографическое свидетельство об этой святой — источник на границе Пе-

²⁴ *Baring-Gould S., Fisher J. Op. cit. Vol. 3. P. 193.*

²⁵ *The Chronicle of Adam Usk, 1377–1421 / Ed. and trans. C. Given Wilson. New York, 1997. P. 262.*

²⁶ *Baring-Gould S., Fisher J. Op. cit. Vol. 3. P. 195.*

²⁷ *Phillimore E.G.B. A Fragment from Hengwrt MS. No. 202 // Y Cymmrodor. 1886. Vol. VII. P. 134.*

²⁸ *Wade-Evans A.W. Op. cit. P. 20.*

²⁹ *Baring-Gould S., Fisher J. The Lives of the British Saints: The Saints of Wales and Cornwall and Such Irish Saints as Have Dedications in Britain. London: The Honourable Society of Cymmrodorion. 1913. Vol. 4. P. 218.*

нарта в приходе Клиннога, тот самый, который, по легенде, возник на месте ее гибели. Чтобы разобраться в причинах столь ограниченной известности, следует вернуться к истокам образа. Присутствующее в тексте жития Беуно указание на отца Тегиук, Инира Гвента, наводит на мысль о ее изначально южном происхождении.

Небольшое королевство Гвент, расположенное на юго-востоке Уэльса, фиксируется источниками уже с VI в. Со временем название стало фигурировать в текстах не в качестве обозначения королевства, а лишь некоего исторического региона³⁰. В отличие от Гвинедда, во все века своего существования имевшего довольно стабильное ядро, юг Уэльса, состоящий из нескольких небольших королевств, демонстрировал тенденцию к постоянному перекраиванию политических границ: уже с VII в. некоторые правители стремились распространить свое влияние на соседние территории, путем женитьбы или захвата объединяя два королевства в одно. К VIII в. в регионе начала преобладать династия Меурига ап Теудрика, правившая землями Гвента и соседнего Гливисинга³¹. Ее могущество длилось вплоть до X в., прежде чем его не начали расшатывать новые претенденты на власть в южном Уэльсе.

Характерной чертой южных королевств было разделение власти между братьями и кузенами, правящими одновременно. Это обстоятельство значительно затрудняет работу с генеалогическими источниками, которые часто представляли собой не семейное древо определенной династии, а последовательность правления ее членов. Так было и в объединенных Гвенте и Гливисинге, до того как в начале X в. власть сосредоточилась в руках Моргана ап Овайна³². Существование такого политического обычая подтверждается «Жизнью короля Альфреда» (IX в.): валлийский каноник Ассер пишет, что в переговорах с Альфредом Вессекским одновременно участвовали короли Гвента Брочфаел и Фернфаел, а также король Гливисинга Хивел ап Рис³³. При этом Хивел считался кем-то вроде верховного короля, властвовавшего над всей территорией юго-востока. Очевидно, в политическом союзе двух королевств преобладал именно Гливисинг. Со времени правления Моргана Старого он стал также известен как Морганнуг³⁴.

³⁰ *Davies W.* Wales in the Early Middle Ages. Leicester, 1982. P. 91.

³¹ *Ibid.* P. 93.

³² *Ibid.* P. 102.

³³ Asser's Life of King Alfred, together with the Annals of St Neots, erroneously ascribed to Asser / Ed. W.H. Stevenson. Oxford, 1904. P. 66.

³⁴ *Davies W.* Op. cit. P. 102.

Спустя совсем немного времени, в середине X в., эта линия также прерывается, и начинается период коротких правлений: в 950 г. Нови ап Гуриад объявил себя королем Гвента. В этом качестве ему наследовали сын и внуки³⁵. Однако уже в 1015 г. королем Гвента назывался некий Эдвин ап Гуриад при одновременном правлении в Гливисинге Риддерха ап Йестина. Завершает ряд пришельцев Гриффид ап Ллевелин, король Гвинедда, в середине XI в. присоединивший юго-восток к своим владениям на севере Уэльса. Во всей этой политической чехарде потомки Моргана Старого продолжали оставаться у власти, именуя себя королями Морганнуга. Тот же титул, согласно свидетельствам «Книги Лландаффа», использовали и потомки Риддерха ап Йестина, апеллируя к своему владычеству над Гвентом³⁶.

Одновременно с внутренней усобицей над объединенным королевством Гвента и Гливисинга нависла внешняя угроза: на восточных границах Уэльса набирали силу нормандские бароны. Уже к 70-м гг. XI в. благодаря усилиям Уильяма Фитц-Осберна, получившего от Вильгельма титул графа Херефорда, большая часть земель королевства Гвент оказалась под контролем новых завоевателей. К концу века оно окончательно исчезает с политической арены, оставляя после себя лишь традиционный топоним.

Параллельно усиливалось административное давление на валлийские диоцезы. К XI в. большинство из них оказались под влиянием Кентербери, на валлийские кафедры все чаще назначались английские и французские священники. Со времени открытия Уильямом Фитц-Осберном приорства в Чипстоу в 1070 г. большинство монастырей на территории Уэльса основывались не представителями местных родов, а пришлым англо-французским населением, что кардинальным образом сказалось на развитии и распространении местных культов: валлийский «пантеон» был значительно разбавлен «пришлыми» святыми³⁷.

Скудность источниковой базы, а также запутанность политической и генеалогической истории раннесредневекового Гвента значительно усложняют процесс хронологической локализации возникновения образа Тегиук. Судя по генеалогическим источникам, она принадлежала к группе праведников, связанных с Иниром, куда также входили святые Мадрун и Кейдио, его жена и сын³⁸. Эти имена в тексте памятника появляются лишь со второй половины XIII в.:

³⁵ Ibid. P. 103.

³⁶ Ibid.

³⁷ Bartlett R. Op. cit. P. 78.

³⁸ Bartrum P. C. Early Welsh Genealogical Tracts. Cardiff, 1966. P. 61.

сначала только Мадрун — в рукописи NLW, Peniarth MS 16, затем они вместе — в Peniarth MS 45 (первая половина XIV в.) и Peniarth MS 27 (последняя четверть XV в.)³⁹. Относительно общей традиции это происходит довольно поздно. Тегиук впервые встречается в одной из поздних копий "Bonedd", Peniarth MS 127, приписываемой Томасу ап Йеуану ап Дейкусу и датированной началом XVI в.⁴⁰ Хронологически ей предшествуют как минимум две рукописи, содержащие списки жития св. Беуно, что в целом затрудняет определение первоисточника образа.

Тесная связь вышеупомянутых святых наводит на мысль, что группа, сконцентрированная вокруг образа Инира, могла быть династической. Это предположение могло бы подтвердиться сведениями о появлении церквей, освященных в их честь, чудесах на местах почитания, паломнических путешествиях и дарах местных правителей. Однако для раннего Средневековья источники, фиксирующие подобное, не сохранились, а в XII–XIII вв. представлена совершенно иная ситуация: правители постнормандского юго-востока, Гламоргана и Гвинлуга, даруют земли и привилегии монастырям регулярных орденов, распространившихся в регионе с приходом завоевателей. Основными получателями подобных грантов были основанное в 1147 г. Робертом, графом Глочестером цистерцианское аббатство Маргам⁴¹ (на его долю приходится порядка 59 хартий, изданных в начале XII — начале XIII вв.⁴²), аббатство Нит конгрегации Савиньи, основанное в 1130 г. Ричардом де Гранвиллем и его женой Констанс⁴³ (4 хартии, изданные в первой половине XII — начале XIII в.⁴⁴), бенедиктинский монастырь Голдклифф, основанный в 1113 г. Робертом де Шандос⁴⁵ (9 хартий, изданных в середине XII — начале XIII в.⁴⁶), а также Гластонбери (2 хартии, изданные в середине XII — начале XIII в.⁴⁷). Смена курса в сторону поддержки общеевропейских орденов обусловила усиление роли общехристианских культов. Уже

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ *Wade-Evans A.W. Bonedd y Saint, G* [From Peniarth MS. 127, pp. 43 ff, c. 1510] // *Revue Celtique*. 1933. Vol. L. P. 372.

⁴¹ *Cowley F.G. The monastic order in South Wales 1066–1349*. Cardiff, 1977. P. 271.

⁴² *The Acts of Welsh Rulers, 1120–1283* / Ed. H. Pryce. Cardiff, 2005. P. 259–320.

⁴³ *Binns A. Dedications of monastic houses in England and Wales 1066–1216*. Woodbridge, 1989. P. 159.

⁴⁴ *The Acts of Welsh Rulers*. P. 257–287.

⁴⁵ *Binns A. Op. cit.* P. 98.

⁴⁶ *The Acts of Welsh Rulers*. P. 661–675.

⁴⁷ *Ibid.* P. 660, 665.

к XIII в. мы не находим здесь никаких следов почитания «святого семейства» правителя Гвента. Как и в большинстве приграничных валлийских земель, немало местных раннесредневековых культов было подавлено волной, пришедшей вместе с Вильгельмом Завоевателем.

Однако в нашем случае можно предположить, что традиции почитания, если они действительно были, угасли еще раньше, во времена борьбы знатных семейств за контроль над королевствами юго-востока. Вплоть до появления нормандцев политическая власть в регионе постоянно переходила из рук в руки. Многочисленные генеалогические трактаты, указывая происхождение правителей крупнейших королевств, никак не проясняют обстоятельства прихода к власти: ввиду предельной краткости формулировок не всегда понятно, откуда появляется тот или иной деятель, в каких отношениях он состоит с предыдущим правителем. Это, в свою очередь, ставит перед нами серьезный вопрос: сколько же династий сменилось в Гvente до окончательного завоевания этих земель баронами Марки? Если допустить, что Мадрун, Кейдио и Тегиук действительно были династическими святыми, не ограничилось ли их почитание временем правления потомков Инира?

В “*Bonedd y Saint*” помимо «святой» части семьи упоминается человек, непосредственно наследующий Иниру в качестве правителя Гвента, — его сын Иддон⁴⁸. Известно о нем немного: помимо генеалогического материала и жития св. Беуно он упоминается в двух «лошадиных» «Триадах острова Британия»⁴⁹ и хартиях «Книги Лландаффа» (как один из правителей, совершивших дарение в пользу епархии)⁵⁰. Неизвестно, насколько валлийские генеалогии, представляющие собой перечни родовой или властной преемственности, соответствовали действительности, но совершенно ясно, что к X в. правители объединенного королевства Гвента и Гливисинга перестали упоминать в них Инира. Родословные из манускрипта (British Library, Harleian MS 3859), датируемого X в., возводят происхождение правителя Гливисинга к Меуригу ап Теудрику, выделяя линию Гвента, отходящую от основного рода после Иудхайла ап Морканта⁵¹. При этом род не возводится ни к Иниру, ни к Иддону. Генеалогии из Harleian 3859 вторит материал из Jesus College MS 20,

⁴⁸ *Bartrum P. C.* Early Welsh Genealogical Tracts. P. 61.

⁴⁹ *Trioedd Ynys Prydein: The Triads of the Island of Britain / Ed. R. Bromwich.* Cardiff, 2014. P. 111, 192.

⁵⁰ *Davies W.* The Llandaff Charters. Aberystwyth, 1979. P. 106.

⁵¹ *Bartrum P.* Op. cit. P. 12.

датированный XIV в. (хотя, по мнению Рейчел Бромвич, представленные орфографические формы большинства имен более характерны для древневаллийского языка, бывшего в употреблении до начала XIII в.⁵²)⁵³. Похожая ситуация наблюдается и в генеалогии “Achau Brenhinoedd a Thywysogion Cymru” (валл. «Происхождение королей и князей Уэльса»), скопированной из несохранившегося до наших дней манускрипта Hengwrt MS 33 (предположительно начала XV в.⁵⁴)⁵⁵.

Это позволяет сделать предположение, что Иддон мог быть последним королем из этой семьи, и мы имеем дело либо с другой ветвью того же рода, либо с новой династией, пришедшей к власти в скором времени после его смерти. Учитывая вероятность и того, и другого, можно с уверенностью сказать, что если ранний культ действительно существовал, его почитание завершилось вскоре после ухода от власти потомков Инира.

На этом фоне особенно удивителен внезапный всплеск интереса к гвентским святым на севере Уэльса: в начале XIV в. в Гвинедде фиксируются церкви, освященные в честь св. Кейдио в Кейдио (Уч Конви, Ллин)⁵⁶ и св. Мадрун в Траусфинидде (Уч Конви, Дунодинг)⁵⁷. Спустя почти два с половиной века появится еще одна — св. Кейдио в Родегейдио (Англис, Аберфрау)⁵⁸. Хронологически это соотносится с очередным взлетом популярности культа св. Беуно.

Очевидное господство последнего в регионе послужило причиной заметного интереса к сюжетам, составляющим повествование о его жизни и служении. Так, в Гвинедде, вдалеке от места своего происхождения, возникли очаги почитания гвентских святых — не только Тегиук, непосредственно упомянутой в житии Беуно, но и ее ближайших родичей, известных по “Bonedd y Saint” — Кейдио и Мадрун. Однако, не имея длительной местной традиции, политической или какой-либо иной связи с северным королевством, эти культы не располагали необходимыми ресурсами для роста и развития. Напрямую этому способствовало и положение дел в Гвенте, где к концу Средневековья отсутствовали признаки активного почитания семейства Инира. Не поддерживаемая никакими силами извне, св. Тегиук целиком и полностью оказалась зависима от внимания,

⁵² Ibid. P. 41.

⁵³ Ibid. P. 45.

⁵⁴ Ibid. P. 77.

⁵⁵ Ibid. P. 105.

⁵⁶ Miller M. Op. cit. P. 33.

⁵⁷ Ibid. P. 35.

⁵⁸ Ibid. P. 23.

уделяемого ей в соответствии с ее ролью в житии св. Беуно. Можно сказать, что она находилась в гораздо более уязвимом положении, чем св. Гвенфреви, популяризации образа которой послужил интерес, проявленный братией Шрусберийского аббатства.

Сравнивая оба случая — святой девы, образ которой, вероятно всего, изначально являлся порождением более крупного культа, и другой, чей образ был связан с целой группой южноваллийских святых, но оказался оторван от своей «исторической родины», можно прийти к выводу, что, несмотря на первое впечатление, между ними нет практически ничего общего. В развитии культов обеих роковую роль сыграла внешняя сила, никак не связанная с их общим покровителем и духовным наставником: перенесение мощей св. Гвенфреви из Гвитерина в Шрусбери явилось отправной точкой в распространении ее славы далеко за пределы Уэльса, закономерным итогом чего стало особое почитание, оказываемое представителями утвердившегося на английском троне дома Тюдоров по отношению к местночтимой валлийской святой. Св. Тегиук же, напротив, не хватило той необходимой поддержки, которая позволила бы ей отделиться от житийного нарратива св. Беуно и сделала бы ее культ самостоятельным. Нелегкие перипетии политической и династической судьбы королевства Гвент, одним из первых павшего под натиском нормандских баронов, лишили его той почвы, на котором он мог бы закрепиться.

References

Baring-Gould S., Fisher J. *The Lives of the British Saints: The Saints of Wales and Cornwall and Such Irish Saints as Have Dedications in Britain*. Vol. 3. London: The Honourable Society of Cymmrodorion, 1911. 509 p.

Baring-Gould S., Fisher J. *The Lives of the British Saints: The Saints of Wales and Cornwall and Such Irish Saints as Have Dedications in Britain*. Vol. 4. London: The Honourable Society of Cymmrodorion, 1913. 480 p.

Bartlett R. *Cults of Irish, Scottish and Welsh Saints in Twelfth-Century England // Britain and Ireland 900–1300: Insular Responses to Medieval European Change* / Ed. by B. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 67–86.

Bartrum P.C. *Early Welsh Genealogical Tracts*. Cardiff: University of Wales Press, 1966. 228 p.

Bartrum P.C. *Late additions to “Bonedd y saint” // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodoryon*. London: The Honourable Society of Cymmrodorion, 1959, pp. 76–98.

Binns A. *Dedications of Monastic Houses in England and Wales 1066–1216*. Woodbridge: Boydell Press, 1989. 225 p.

Bowen E.G. *The Settlements of the Celtic Saints in Wales*. Cardiff: University of Wales Press, 1954. 175 p.

- Cowley F.G. *The Monastic Order in South Wales 1066–1349*. Cardiff: University of Wales Press, 1977. 318 p.
- Davies W. *The Llandaff Charters*. Aberystwyth: The National Library of Wales, 1979. 206 p.
- Davies W. *Wales in the Early Middle Ages*. Leicester: Leicester University Press, 1982. 263 p.
- Henken E. *Traditions of the Welsh Saints*. Cambridge: D.S. Brewer, 1987. 368 p.
- Miller M. *The Saints of Gwynedd*. Woodbridge: Boydell Press, 1979. 132 p.
- Rees W.J. *Lives of the Cambro British Saints*. Llandovery: William Rees, 1853. 656 p.
- Sims-Williams P. *Buchedd Beuno: the Middle Welsh Life of St Beuno*. Dublin: Dublin Institute for Studies, 2018. 234 p.
- Wade-Evans A.W. *Vitae sanctorum Britanniae et genealogiae*. Cardiff: University of Wales Press Board, 1944. 356 p.

Поступила в редакцию
19 июня 2018 г.

И.Ю. Хрулева, О.А. Мохова*

**РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛЕМИКА ЭПОХИ
ПЕРВОГО «ВЕЛИКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ»
В БРИТАНСКОЙ АМЕРИКЕ И СОЗДАНИЕ
КОЛЛЕДЖА НЬЮ-ДЖЕРСИ (1746)**

I.Yu. Khruleva, O.A. Mokhova

**RELIGIOUS DEBATES OF THE FIRST
GREAT AWAKENING IN BRITISH AMERICA
AND THE FOUNDATION OF THE COLLEGE
OF NEW JERSEY (1746)**

Аннотация. В статье рассматривается религиозная полемика «новых» и «старых огней» эпохи первого «Великого Пробуждения» и история создания колледжа Нью-Джерси (современного Принстона). Первое «Великое Пробуждение» охватило все британские колонии в Северной Америке в 1730–1750-е гг. и протекало параллельно с просветительским движением, оказав значительное влияние на все аспекты жизни колоний — религию, политику, идеологию, образование. Впервые жители колоний, исповедующие различные религиозные взгляды, пережили общий духовный подъем, сильнейшее эмоциональное потрясение. Ничего, подобного «Великому пробуждению», по своим масштабам и степени воздействия на общество, колонии прежде не видели. Оно стало первым движением в американской истории, носившим по-настоящему межколониальный характер, способствуя формированию в Британской Америке единого религиозного и отчасти идеологического пространства. Первые американские колледжи создавались исключительно как учреждения по подготовке священников, поэтому неслучайно теологическая полемика «старых» и «новых огней» затронула преподавателей и студентов Гарвардского и Йельского колледжей. Особый отклик проповеди

* *Хрулева Ирина Юрьевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Khruleva Irina Yur'yevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-925-316-3033; irinakhruleva@mail.ru

Мохова Ольга Анатольевна, аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Mokhova Olga Anatolyevna, PhD Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-963-608-6147; mevola@mail.ru

«новых огней» находили у колониальной молодежи; неудивительно поэтому, что многие студенты Гарварда и Йеля оказались активными участниками многотысячных собраний верующих под открытым небом. Дух соперничества, религиозное многообразие и веротерпимость, вызванные «Великим Пробуждением», привели к утверждению нового типа колледжей. В отличие от Гарварда и Йеля, поддерживаемых светскими и церковными властями колоний, в новых условиях религиозного плюрализма ни один из новых колледжей не получил финансовую поддержку колониального правительства. К концу колониального периода светские начала в преподавании усиливались, в то время как связь колледжей с конкретной деноминацией ослабевала; полное религиозное единообразие уступило место более либеральной духовной политике, даже в Гарварде и Йеле. Созданный в 1746 г. колледж Нью-Джерси стал компромиссом — между сторонниками и противниками «Великого Пробуждения», между различными деноминациями, между принципами религиозного и светского образования.

Ключевые слова: «Великое Пробуждение», новоанглийский пуританизм, американские университеты, Принстон, «новые огни», североамериканские колонии.

Abstract. The article discusses the religious polemic of the “New Lights” and “Old Lights” of the First Great Awakening era and the foundation of the College of New Jersey (present-day Princeton). The First Great Awakening swept all the British colonies in North America in the 1730–1750s and evolved concurrently with the Enlightenment movement. It had a significant impact on all the aspects of the life of the colonies — religion, politics, ideology, education. For the first time, the inhabitants of the colonies, who held various religious views, experienced general spiritual uplift, the strongest emotional shock. The colonies had not yet seen anything like the Great Awakening in the scale and degree of its influence on the society. It became the first movement in American history that had a truly intercolonial character and contributed to the formation of a single religious and ideological space in British America. The first American colleges were established exclusively as institutions for the preparation of priests, and therefore it is no coincidence that the theological debates between the “Old” and “New Lights” affected teachers and students at Harvard and Yale colleges. The sermons of the “New Lights” received a special response from the colonial youth. It is not surprising that many Harvard and Yale students were active participants in mass gatherings of thousands of the believers in the open. The spirit of rivalry, religious diversity and tolerance generated by the Great Awakening led to the establishment of a new type of colleges. Unlike Harvard and Yale, supported by the secular and ecclesiastical authorities of the colonies, none of the new colleges under the new conditions of religious pluralism received financial support from the colonial government. Secular principles in teaching intensified towards the end of the colonial period, while the link of colleges with any particular denomination weakened. Complete religious uniformity gave way to a more liberal spiritual policy, even at Harvard and Yale. Established in 1746, the College of New Jersey

was a compromise between the supporters and opponents of the Great Awakening, various denominations, and ideas of religious and secular education.

Keywords: Great Awakening, New England Puritanism, American universities, Princeton, “New Lights”, North American colonies.

* * *

«Великое Пробуждение» (Great Awakening), религиозное движение, охватившее американские колонии во второй трети XVIII в., стало знаковым рубежом в развитии американских колледжей. Протестантизм в целом и пуританизм в особенности оказали значительное влияние на отношение жителей Британской Америки к образованию. Для пуритан знание обладало особой ценностью, поскольку их учение предполагало, что каждый из них должен быть непосредственно знаком с текстами Священного Писания. Этим объясняется и повышенный процент грамотных среди жителей Новой Англии, оплота пуританизма в Северной Америке, и быстрое, спустя всего лишь несколько лет с момента появления колонии, создание первого высшего учебного заведения — Гарвардского колледжа (1636 г.). При этом каждый колледж создавался как оплот того или иного протестантского течения: первые два новоанглийских высших учебных заведения были конгрегационалистскими, в среднеатлантических колониях пальма первенства принадлежала пресвитерианам, основавшим в 1746 г. колледж Нью-Джерси. Ко времени Американской революции почти у каждой протестантской деноминации был свой собственный колледж¹.

¹ Несмотря на то что проблематике Первого «Великого Пробуждения» в Британской Америке посвящен значительный массив исследовательской литературы, тема связи религии и образования в США до сих пор остается сравнительно малоизученной. Среди наиболее авторитетных работ по данной теме см.: *Bell J.B.* The Making of an Eighteenth-Century American Anglican Clergyman // *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*. Vol. 106. 1994. P. 82–111; *Cremis L.A.* American Education. The Colonial Experience, 1607–1783. New York, 1970; *Fraser J.W.* The Great Awakening and New Patterns of Presbyterian Theological Education // *Journal of Presbyterian History*. Vol. 60. N 3. Fall 1982. P. 189–208; *Gambrell M.L.* Ministerial Training in Eighteenth Century New England. New York, 1937; *Greene E.B.* The Anglican Outlook on the American Colonies in the Early Eighteenth Century // *American Historical Review*. Vol. 20, N 1. Oct. 1914. P. 64–85; *Haver C.S.* The Reaction of Yale to the Great Awakening, 1740–1766. Ph.D. diss. University of Texas at Austin, 1977; *Hoever J.D.* Creating the American Mind: Intellect and Politics in the Colonial Colleges. Lanham, Maryland, 2007; *Humphrey D.C.* Colonial Colleges and English Dissenting Academies: A Study in Transatlantic Culture // *History of Education Quarterly*. Vol. 12. 1972. P. 184–197; *Maitland D.J.* Puritans and University Reform // *Journal of Presbyterian History*. Vol. 43. 1965. P. 100–123; *McAneer B.* College Founding in the American Colonies, 1745–1775 // *The Mississippi Valley Historical Review*. Vol. 42, N 1. Jun. 1955. P. 24–44; *Miller G.H.* A Contracting Community: American

Сторонники «Великого Пробуждения» среди американского духовенства призывали прихожан восстановить личный контакт с Богом, пытались спровоцировать у них внутреннее обновление посредством переживания личного религиозного опыта, обретения божественной благодати. Для того чтобы помочь мирянам достичь этого состояния, они прибегали к более живой и эмоциональной манере чтения проповеди. Поскольку зачастую свидетельством «обновления» становилось неадекватное поведение прихожан во время проповеди (плач, конвульсии, обмороки), многие колониальные священнослужители с неодобрением восприняли эти новшества. В ответ сторонники «Великого Пробуждения» выдвинули против них обвинения в том, что те не испытывали сами такого обновления, поэтому не понимают его значимости и, следовательно, недостаточно квалифицированы для проповедования. Это привело к тому, что во всех деноминациях колонисты, как духовенство, так и паства, разделились на сторонников и противников «Великого Пробуждения», соответственно на «новых» и «старых огней». Принадлежность к тому или иному лагерю стала играть гораздо большее значение для колонистов, нежели принадлежность к определенной конфессии. Это способствовало укреплению межколониальных связей, побудило колонистов интересоваться тем, что происходит в соседней колонии. Вклад в развитие связей также внесло возникшее во время «Великого Пробуждения» явление «странствующих проповедников» (англ. *itinerancy*), т. е. священнослужителей, которые не хотели быть пасторами в одном приходе, а «странствовали» с проповедями по всей Британской Америке, желая донести свои идеи и тем самым спасти как можно больше людей.

Поскольку теологические разногласия между сторонниками и противниками «Великого Пробуждения» включали в себя, в том числе, и вопрос требований, предъявляемых к кандидатам в священнослужители, очень быстро встал практический вопрос получения пасторами должного образования. Поэтому конфликт не мог не затронуть и существовавшие на тот момент колледжи — Гарвард и Йель.

Необходимо отметить, что в XVII–XVIII вв. вопрос высшего образования был тесно связан с религией. Первые американские колледжи создавались исключительно как учреждения по подготовке священнослужителей, что отмечалось в одном из первых американских памфлетов: «Главной нашей заботой стало распространение и

Presbyterians, Social Conflict and Higher Education, 1730–1820. Ph.D. diss. University of Michigan, 1970; *Tucker L.L.* The Church of England and Religious Liberty at Pre-Revolutionary Yale // *The William and Mary Quarterly*. Vol. 17. N 3. Jul. 1960. P. 314–328.

передача знания потомкам, дабы не оказалось неграмотным духовенство в церквях, когда наши теперешние пасторы обратятся в прах»².

Библия виделась колонистам основным источником знания. Специфику такого отношения замечательно иллюстрирует высказывание одного из известных американских богословов того времени Коттона Мезера: «Те знания, которыми обладают многие, — всего лишь мешочек с золотом на шее утопающих, что тянет их глубже, в обжигающую пучину озера огненного, горящего серою, однако знание Господа Иисуса Христа спасительно»³.

Поэтому неудивительно, что в учебной программе первых американских колледжей главное место отводилось преподаванию богословия. Остальные предметы также служили религиозным целям: древние языки позволяли студентам читать богословские тексты в оригинале, а ораторское искусство и логика были незаменимы для развития навыков чтения проповедей, занимавших центральное место в пуританской церковной службе. Простота стиля пуританских проповедей вовсе не являлась следствием недостаточного образования. Новоанглийские пуританские проповеди отличались четкой логической структурой, а смысловое наполнение менялось в зависимости от общего контекста, обстоятельств и целевого назначения той или иной проповеди. В Новой Англии проповедь вышла далеко за рамки теологического и литературного жанра. Как отметил авторитетный американский исследователь Д. Бурстин, «она стала здесь общественным институтом, воплотившим сущность пуританской идеологии, средством ритуального приложения теологии к задачам построения общества, преодоления трудностей и решения задач, выдвигаемых повседневной деятельностью»⁴.

Более того, долгом колледжа было не только дать знания, но и привить будущим священнослужителям определенные моральные принципы. Поэтому официальные правила поведения в колледже регламентировали учебный процесс, предписывали посещать службы, читать Библию, а также служили для студентов, которые поступали в колледж в возрасте 14–16 лет, своеобразным «моральным компасом»,

² *Anonymous*. *New Englands First Fruits*. London, 1643. P. 23.

³ *Mather C.* *Addresses to Old Men, and Young Men, and Little Children*. Boston, 1690. P. 11. Этой библейской метафорой автор ссылается на книгу откровения Иоанна Богослова, 19:19-20, на сцену, когда Христос одержал победу, бросив в серное озеро антихриста и лжепророка.

⁴ *Бурстин Д.* *Американцы: Колониальный опыт*. М., 1993. С. 21. Более подробно о специфике пуританской проповеди см.: *Хрулёва И.Ю., Волкова Е.С.* Роль проповеди в духовной и общественно-политической жизни пуританской Новой Англии XVII–XVIII вв. // *Вестник Литературного института им. А.М. Горького*. 2015. № 1.

провозглашая обязанность уважать старших, избегать лжи, лености, злых насмешек, пустословия и неприличных жестов⁵.

Таким образом, каждый колледж считал себя оплотом истинных знаний; поэтому, когда разгорелся конфликт между сторонниками и противниками «Великого Пробуждения», профессура колледжей постаралась сделать все возможное, чтобы оградить будущее поколение священнослужителей от влияния так называемых «новых огней», или «странствующих проповедников».

Однако первоначально руководство колледжей даже одобрило тот духовный подъем, который вызывали проповеди сторонников «Великого Пробуждения». Бенжамин Франклин отмечал в «Автобиографии»: «Поразительно было наблюдать, как переменились нравы наших прихожан. Раньше многие из них относились к религии равнодушно или с пренебрежением, теперь же казалось, все поголовно уверовали в Бога, и вечером, проходя по улице, было слышно, как чуть ли не в каждом доме поют псалмы»⁶. Поэтому многим «странствующим проповедникам», среди которых такие известные фигуры, как Джордж Уитфилд⁷ и Гилберт Теннент⁸, было разрешено выступать перед студентами.

Проповеди сторонников «Великого Пробуждения» были в какой-то степени похожи на театральное действо и резко отличались от традиционных, «казавшихся очень сухими, неинтересными и непоучительными»⁹. Один из современников так описывал проповедь Гилберта Теннента: «Очевидно, он не беспокоился о том, чтобы радовать взгляды слушателей формальным жестом, уши их — безупречной дикцией, а вкусы — изысканным стилем; он воздействовал непосредственно на их сердца и совесть, разоблачая их губительные заблуждения, показывая им их множественные, скрытые, лицемерные отклонения от религии, лишая их того иллюзорного приюта, в

⁵ Statutes of Harvard (c. 1646) // Education in the United States: a Documentary History / Ed. by S. Cohen. Los Angeles, 1974. P. 659.

⁶ Франклин Б. Автобиография // Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. Франклин У. Автобиография. Кревекер, Сент Джон де. Памфлеты. М., 1987. С. 443.

⁷ Английский священник, в будущем — один из основателей методизма. Начиная с осени 1739 г. Уитфилд почти год путешествовал по североамериканским колониям, привлекая множество слушателей. Он проповедовал перед всеми деноминациями без исключения, наиглавнейшей своей задачей считая духовное обновление прихожан. Уитфилд провел в Йельском колледже три дня (24–26 октября 1740 г.), в Гарварде прочитал лекцию 24 сентября 1741 г.

⁸ Теннент провел в Нью-Хейвене (Йеле) неделю и прочитал за это время 17 проповедей.

⁹ Франклин Б. Указ. соч. С. 435.

котором они находили комфорт»¹⁰. Неудивительно, что такие проповеди нашли живой отклик среди студентов.

Однако «странствующие проповедники», которые посетили Гарвард и Йель, отзывались о состоянии колледжей далеко не лестно: Дж. Уитфилд заявил, что «их Свет превратился в Тьму»¹¹, а еще чуть позже отметил, что «насколько я понял, благочестия в Гарварде не больше, чем в наших [английских] университетах... Дисциплина отсутствует, а у студентов и преподавателей в моде плохие книги»¹². Г. Теннент призвал остерегаться «современных фарисеев», скрывающих свои мертвые сердца под маской учености, утверждая, что те, кто не испытал на себе нисхождение святого духа, не намерены и не способны выполнить свой долг¹³.

Вскоре радикализм и зачастую казавшаяся неадекватной эмоциональность «странствующих проповедников» привели к изменению позиции руководства колледжей. Острой критике подвергался новый стиль религиозной жизни с такими ее проявлениями, как «падения, конвульсии, истерические выкрики»¹⁴.

К тому же вдохновленные идеями «Великого Пробуждения» студенты начали подвергать сомнению способность своих преподавателей выполнять долг священнослужителя, организовывали совместные проповеди, собирались в холлах для обсуждения вопросов веры. Один из старейших преподавателей Гарварда Генри Флинн записал в своем дневнике, что «многие студенты были глубоко обеспокоены за свои души, сначала тронутые проповедью мистера Уитфилда, затем — мистера Теннента и других... Они молились вместе, распевали псалмы и вели совместные обсуждения, читали хорошие книги, такие как “Руководство к Христу” Стоддарда и “Искренне обращенный” Шеппарда. <...> Один [студент] утверждал, что видел дьявола в облике медведя, подходящего к его кровати. Другие разражались смехом, говоря о Судном дне; кто-то делал это во время молитвы, предписывая это дьявольскому искушению; некоторые пребывали в испуге...». При этом преподаватель отмечал, что «у многих, а может даже и у всех, были благие намерения. <...> Мы, как наставники, должны пред-

¹⁰ Цит. по: *Cremin L. A. Op. cit. P. 317.*

¹¹ The Letter from Reverend Mr. Whitefield to the Students of Harvard College in Cambridge and Yale College in New-Haven // *The Great Awakening: Documents on the Revival of Religion, 1740–1745 / Ed. by R.L. Bushman. New York, 1970. P. 38.*

¹² *Whitefield G. Journals (1741). London, 1960. P. 42.*

¹³ *Tennent G. The Danger of an Unconverted Ministry. Philadelphia, 1740. P. 90.*

¹⁴ *Caldwell J. The Nature, Folly, and Evil of Rash and Uncharitable Judging. Boston, 1742. P. 28.*

упреждать любые искажения, которые могут возникнуть из-за этого дела, должны быть начеку, чтобы не случилось зло, и молиться за нас и за них, молиться, чтобы работа благодати могла совершаться, чтобы зло было искоренено и добро поощряемо»¹⁵.

Вскоре после визита известных проповедников ректор Йельского колледжа Томас Клэп начал предпринимать шаги, чтобы восстановить порядок в учебном заведении. Осенью 1741 г. он закрыл колледж для проповедей «странствующих проповедников», позднее — отчислил третьекурсника Дэвида Брейнерда, приверженца «Великого Пробуждения». Формальной причиной послужило то, что в частном разговоре с друзьями Брейнерд якобы нелестно отзывался об одном из учителей колледжа, утверждая, что «у него не больше божественной благодати, чем у стула»¹⁶. Отчисление Д. Брейнера было с неодобрением воспринято колонистами и студентами из-за того, что, принимая подобное решение, ректор основывался на информации, полученной от местной жительницы, которая в свою очередь узнала обо всем со слов другого студента. Впоследствии Клэп отчислил еще двух студентов, братьев Дж. и Э. Кливлендов, за то, что они посетили проповедь двух «странствующих священнослужителей», Соломона и Элиши Пейнов¹⁷, хотя студенты в это время находились на каникулах, более того, у них имелось разрешение родителей.

Томас Клэп не ограничился этим и попытался оградить от тлетворного влияния «Великого Пробуждения» не только собственно студентов, но и всех жителей колонии. Собравшиеся в ноябре 1741 г. в г. Гилфорде священнослужители проголосовали за серию подготовленных Клэпом постановлений, которые после их одобрения Генеральной Ассамблеей Коннектикута приобрели силу закона в мае 1742 г. Новый закон запрещал священнослужителям читать проповеди в чужих приходах, за исключением случаев, когда их присутствие было одобрено пастором этого прихода. За нарушение этого закона предусматривалось наказание: «странствующий проповедник» лишался всех привилегий, даруемых ему статусом священнослужителя, включая денежное содержание¹⁸.

¹⁵ Цит. по: *Quincy J.* The History of Harvard University. Vol. 2. Cambridge, 1840. P. 44–45.

¹⁶ *Edwards J.* An Account of the Life of the Late Reverend Mr. David Brainerd. Boston, 1749. P. 20.

¹⁷ *Clap T.* The Judgement of the Rector and Tutors of Yale-College Concerning Two of the Students Who Were Expelled, Together with the Reasons of It. Connecticut, 1745. P. 3.

¹⁸ An Act for Regulating Abuses and Correcting Disorders in Ecclesiastical Affairs // The Great Awakening: Documents on the Revival of Religion, 1740–1745. P. 59.

Однако ситуация внутри Йельского колледжа продолжала накаляться. Непослушание студентов и постоянные диспуты с преподавателями и друг с другом мешали учебному процессу. Многие студенты, которые еще не получили ученую степень и, следовательно, не имели права проповедовать, «самовольно ходили днями и ночами по Нью-Хейвену, а иногда и по другим городам, проповедуя и наставляя в похожей манере, что и странствующие священнослужители»¹⁹.

Это привело к беспрецедентной мере — в марте 1742 г. Т. Клэпу пришлось закрыть колледж и распустить всех студентов по домам. Была создана экстренная комиссия по делам Йеля, которая отметила, что «много усилий было приложено, чтобы посеять предубежденность в умах студентов относительно наших церковных установлений, чтобы убедить их отступить от той модели проповедования и поклонения Богу, которая установлена законами нашей колониальной администрации». Поскольку такое положение «может служить помехой процветанию религии и благочестия нашего общества», комиссия настоятельно призвала ректора и учителей к тому, чтобы уберечь студентов от влияния и ошибок, навязываемых «незнакомцами и иностранцами»²⁰.

Воспользовавшись обеспокоенностью священнослужителей, Томас Клэп добился утверждения нового устава Йеля, который, кстати, действует и поныне. Новый устав даровал колледжу беспрецедентную степень независимости от законодательного собрания Коннектикута. Отныне ректор стал именоваться президентом Йельского колледжа и вошел в состав попечительского совета. По верному замечанию биографа Томаса Клэпа, власть ректора в тот момент в Йеле была настолько высока, что ее можно было описать в духе высказывания Людовика XIV: «Колледж — это я»²¹. Вскоре Томас Клэп ввел новые законы, упорядочившие правила поведения студентов, определившие полномочия президента и учителей, в полной мере отразившие желание Клэпа контролировать каждый аспект жизни колледжа и не допустить никаких отклонений. В качестве примера можно привести текст 3-й главы нового устава, в котором закреплялось право президента и учителей входить в комнаты студентов после девяти часов утра, чтобы убедиться

¹⁹ The Governor's Commission // The Great Awakening and American Education, a Documentary History / Ed. by D. Sloan. New York, 1973. P. 135–136.

²⁰ Ibid.

²¹ Tucker L. Puritan Protagonist: President Thomas Clap of Yale College. North Carolina, 1962. P. 267.

в том, что они находятся там и учатся²² (§2). Кроме того, законы подтверждали религиозную ортодоксальность колледжа: студенту грозило отчисление за «отрицание того, что Священное Писание или любая из его частей является Словом Божьим», за виновность в ереси или любом заблуждении, впрямую опровергающем основы христианской веры» (гл. 4, §2). Также студентам было запрещено писать или публиковать клевету на президента, попечителей или учителей, «прямо или косвенного говорить, что они лицемеры, об их приверженности плотским удовольствиям или называть их неблагодарными» (гл. 4, §12).

Т. Клэп занимал практически все существующие тогда административные посты: был деканом для студентов, возглавлял профессорский состав, был директором по благоустройству колледжа, суперинтендантом зданий и территорий, отвечал за связи с общественностью, а также являлся главным библиотекарем (он и еще один учитель лично обработали более 2500 книг из библиотеки Йеля, пронумеровав каждую вручную; создали три руководства по каталогам)²³.

Если противостояние руководства Йельского колледжа со сторонниками «Великого Пробуждения» затронуло прежде всего вопросы административного устройства и нового устава колледжа, то Гарвард оказался в эпицентре теологической дискуссии «новых» и «старых огней». В декабре 1744 г. вышло коллективное заявление президента, профессоров и учителей Гарварда, которые выступили с защитой колледжа от критики Уитфилда. Прежде всего, они обвинили проповедника в «энтузиазме» — под этим они понимали «человека, действующего либо под влиянием снов, либо в соответствии с внезапными видениями, воздействующими на его разум, которые он воспринимает как проявление Божьего духа»²⁴. Это был выпад против одного из главных положений учения Уитфилда — о том, что каждый человек должен получить личный религиозный опыт, пройти самостоятельное духовное возрождение. Преподаватели Гарварда отметили, что нет доказательств тому, будто эти воздействия ниспосланы Богом, что их наличие не согласуется с Разумом и От-

²² Yale laws, 1745 // *Education in the United States: a Documentary History* / Ed. by S. Cohen. P. 674.

²³ *Tucker L.* Op. cit. P. 70–73.

²⁴ *The Testimony of the President, Professors, Tutors and Hebrew Instructor of Harvard College in Cambridge, against the Reverend Mr. George Whitefield, and His Conduct.* Boston, 1744. P. 4.

кровением, ниспосланном Богом в его Слове, поэтому очень опасно поддаваться им, ведь они могут быть происками злого Духа. Можно отметить в этом пассаже свидетельство влияния века Просвещения, века разума²⁵. Очевидно, просветительские идеи уже начали проникать в американские колонии. Здесь Гарвард скорее выступает как носитель идей космополитизма, присущих большому портовому городу Бостону, противопоставляя себя религиозному энтузиазму обычных людей, следовавших за Уитфилдом.

Также авторы охарактеризовали Уитфилда как «неблагожелательного, склонного к осуждению, ехидного человека»²⁶, подкрепляя свои выводы цитатами из опубликованных дневников Уитфилда и других его сочинений. «Самой злостной и клеветнической ложью» авторы назвали высказывания проповедника о колледжах²⁷, отмечая, что в своих оценках Уитфилд ссылается на мнение каких-то «самых праведных священнослужителей», однако те праведные священнослужители, с которыми он общался, не могли такого говорить, поскольку входили в состав преподавателей или попечителей Гарварда и сами устанавливали все правила и следили за их выполнением.

Еще один броский эпитет — «вводящий в заблуждение людей» — касался сбора Уитфилдом пожертвований на сиротский приют. Обвинения состояли в следующем: он заставил людей поверить, что будет непосредственным руководителем приюта, между тем за четыре года пребывания в Америке он практически не бывал там, доверив это дело человеку, о котором они и не слышали, когда вносили деньги, человеку, «который лишь немногим лучше квакера»²⁸. При этом стоит отметить, что пожертвования на приют были достаточно щедрыми; как отметил Генри Флинт в своем дневнике: «Безусловно, его приют

²⁵ Тема взаимовлияния протестантизма и Просвещения многогранна и неоднозначна, современные исследователи активно используют термин «протестантское Просвещение». Однако и оно крайне неоднородно, поэтому можно утверждать, что и Уитфилд, и его оппоненты испытали мощное влияние идеологии Просвещения, однако «существовало много полемизирующих друг с другом вариантов Просвещения». (George Whitefield: Life, Context, and Legacy / Eds. G. Hammond, D. Ceri Jones, Oxford, 2016. P. 66. См. также: *Fiering N. The First American Enlightenment: Tillotson, Leverett, and Philosophical Anglicanism // New England Quarterly*. 54:3. 1981. P. 307–44; *May H.F. The Enlightenment in America*. New York, 1976; *Enlightenment and Religion: Rational Dissent in Eighteenth-Century Britain* / Ed. by K. Haakonssen Cambridge, 1996; *Rasmussen D. C. The Pragmatic Enlightenment: Recovering the Liberalism of Hume, Smith, Montesquieu, and Voltaire*. Cambridge, 2013).

²⁶ The Testimony of the President, Professors, Tutors and Hebrew Instructor... P. 8.

²⁷ Ibid. P. 10.

²⁸ Ibid. P. 12.

в Джорджии выиграет за счет этого [многочисленных проповедей], поскольку известно, что он уже собрал денежные пожертвования почти в 25000 фунтов, не включая сюда другую помощь»²⁹.

Уитфилд поспешил ответить на претензии в памфлете от 23 января 1745 г., утверждая, что состояние колледжей было именно таким, как он описал, и приводя в доказательство слова из проповеди Гарвардского ректора Эдвара Холиока от 28 мая 1741 г., восклицавшего: «Как потускнело золото, изменилось золото наилучшее! Мы оставили первую нашу любовь: и хотя религия все еще в моде у нас, однако очевидно, что сила ее значительно угасла»³⁰.

Красноречиво высказался он в защиту критикуемых преподавателями «странствующих проповедников»: «Как я имею право проповедовать, так и... люди, будучи христианами и жителями Новой Англии в частности, имеют право пригласить и слушать. Если кафедры будут закрыты, то, слава Богу, поля открыты, и я могу уйти из стана»³¹.

На этом диспут не прекратился. С очередным опровержением доводов Уитфилда выступил в апреле 1745 г. один из гарвардских профессоров богословия, д-р Вигглсворт. Можно отметить, что наличие в Гарварде профессора богословия, чей авторитет позволял дискутировать на равных с известным проповедником, является еще одним свидетельством высокого уровня развития колледжа, его зрелости³². На обвинения Уитфилда в том, что «учителя не знают, что творится на сердце у их учеников», он отвечал так: «Испытать и свое собственное сердце не просто, но неизвестно, является ли нашей обязанностью познание душ других. Ведь Сын Божий сказал: “Я есмь испытующий сердца и внутренности”, и считаете ли Вы, что учителям надобно вмешиваться в Его прерогативу?»³³. Далее преподаватель задался вопросом, к чему хорошему приведет публичная

²⁹ Цит. по: *Quincy J.* Op. cit. P. 43.

³⁰ A Letter to the Rev. the President, and Professors, Tutors, and Hebrew Instructor, of Harvard-College in Cambridge; in Answer to a Testimony Publish'd by Them against the Reverend Mr. George Whitefield, and His Conduct. Boston, 1745. P. 12. Уитфилд приводит цитату из Плача Иеремии, 4:1 и отсылает своих читателей к Откровению Иоанна Богослова, 2:4.

³¹ *Ibid.* P. 22. Отсылка к Исходу, 33:7: «Моисей же взял и поставил себе шатер вне стана, вдали от стана, и назвал его скинией собрания; и каждый, ищущий Господа, приходил в скинию собрания, находившуюся вне стана».

³² *Geiger R. L.* The History of American Higher Education: Learning and Culture from the Founding to World War II. Princeton, 2014. P. 32.

³³ *Wigglesworth E.* A Letter to the Reverend Mr. George Whitefield, by Way of Reply to His Answer to the College Testimony against Him and His Conduct. Boston, 1745. P. 29.

клевета в отношении руководства и преподавателей колледжей, в чем будет польза религии, если родители не отпустят своих отпрысков в колледж³⁴.

Чуть ранее, 25 февраля 1745 г. к Гарварду присоединились преподаватели Йеля в опубликованной ими Декларации, где они обвинили Уитфилда и других «странствующих проповедников» в коварном замысле заменить большинство проповедников новыми священнослужителями, настроенными благожелательно к Уитфилду. Средством для осуществления этой цели являлось внушение пастве, чтобы она повернулась против своих приходских священнослужителей, каждого из которых «странствующие проповедники» клеймили как «полузверя-полудьявола» из-за того, что он не был обращен через религиозный опыт³⁵. Авторы Декларации видели в кампании очернения колледжей, проводимой Уитфилдом, часть этого плана, поскольку при дискредитации действующих учебных заведений местные кафедры заполняют не их выпускники, а «странствующие проповедники» и иностранцы³⁶. Еще одним источником нового поколения священнослужителей являлись частные семинарии, находящиеся, по словам Теннента, «на попечении у способных и опытных христиан». Согласно авторам Декларации, Уитфилд и его сторонники оказали пагубное влияние на студентов нынешних колледжей, внушая, что можно послушаться своих наставников. Многие из студентов подверглись влиянию религиозного энтузиазма, из-за чего некоторые были отчислены и лишены возможности получить ученую степень, а некоторые подались в заведение, называемое «Пастушеским шалашом»³⁷.

«Пастушеский шалаш» (Shepherd's Tent³⁸) являлся первым опытом создания сторонниками «Великого Пробуждения» учебного заведения, полностью отвечавшего их представлениям о надлежащем образовании. Главной целью была подготовка так называемых «обращенных» священнослужителей. Основателями этой «школы» считаются Джеймс Дейвенпорт, Тимоти Аллен и Элеазар Уилок. Все они были выпускниками Йельского колледжа, активными участниками «Великого Пробуждения», за что и были наказаны: Дж. Дэвенпорта

³⁴ Ibid. P. 31–32.

³⁵ The Declaration of the Rector and Tutors of Yale-College in New-Haven, against the Reverend Mr. George Whitefield, His Principles and Designs. Boston, 1745. P. 4–6.

³⁶ Ibid. P. 10.

³⁷ Ibid. P. 12.

³⁸ Под пастухами понимались священнослужители, которые ведут свою паству к знанию Божию.

выслали из Коннектикута, Т. Аллена отстранили от проповедывания в его приходе, а Э. Уилоку запретили читать проповедь в Йеле³⁹.

Первоначальный успех нового учебного заведения свидетельствует, что сторонники «Великого Пробуждения» добились некоторого успеха в своих нападках на Йель и Гарвард, и репутация последних пострадала: «представлялось опасным отправлять молодежь в колледж, этот источник испорченности, где как учителя, так и ученики плотски мыслят и являются необращенными, таким образом, получение образования там ведет к гибели»⁴⁰. Большинство учащихся новообразованного учебного заведения составляли студенты Йеля, сменившие альма-матер, хотя установить точное их число ввиду недостаточности источников не представляется возможным⁴¹.

Поскольку основой критики в адрес существующих колледжей являлось обвинение в том, что они выпускают «необращенных» священнослужителей, создатели «Пастушеского шалаша» сделали акцент на обучении «жизненной религии». Обучение под руководством Т. Аллена сводилось к совместным молитвам, которые должны были вызвать у студентов религиозный опыт внутреннего обращения к Богу. Много внимания уделялось воспитанию того, что Уитфилд называл «практической святостью», призванной сделать из студентов «великих святых»⁴².

Тем не менее, на практике стала понятна несостоятельность таких идей. Всеобщее осуждение, в том числе со стороны самих ривайвелистов, вызвало происшествие, когда студенты на волне религиозного энтузиазма после прочитанной Дж. Дэвенпортом проповеди провели публичное сожжение книг, которые они посчитали «еретическими». К таким книгам они причислили и проповеди известных и уважаемых новоанглийских священнослужителей — Инкриза Мезера, Бенжамин Колмана, Чарлза Чонси. В этот список попала даже одна из проповедей сторонника «Великого Пробуждения» Джонатана Парсонса, который всего лишь призывал священнослужителей не бросаться в крайности⁴³. Сожжение книг было призвано символизировать, как души умерших авторов этих книг горят в адском пламени, и под-

³⁹ Warch R. The Shepherd's Tent: Education and Enthusiasm in the Great Awakening // American Quarterly. Vol. 30. N 2. Summer, 1978. P. 181.

⁴⁰ Boston Evening Post. July 3, 1749.

⁴¹ Warch R. Op. cit. P. 185.

⁴² Цит. по: Tyerman L. The Life of the Reverend George Whitefield. Vol. 1. London, 1877. P. 495.

⁴³ Warch R. Op. cit. P. 191.

разумевалось, что такая же судьба ожидает ныне живущих авторов, если они не покаются⁴⁴.

После резкой критики, обрушившейся прежде всего со страниц газет, популярность «Пастушеского шалаша» практически сошла на нет. Этот отрицательный пример стал своеобразной лакмусовой бумажкой, показавшей, что полный отказ от традиционных методов образования невозможен, и заставившей искать некие альтернативные решения, более умеренного характера.

Примером успешной деятельности сторонников «Великого Пробуждения» по созданию собственных учебных заведений стало открытие в 1746 г. колледжа Нью-Джерси. Ситуация в среднеатлантических колониях на тот момент была для этого достаточно сложной. С одной стороны, свой собственный колледж должен был способствовать увеличению престижа колонии и воспрепятствовать оттоку талантливых людей, уезжавших на обучение в Гарвард и Йель. С другой стороны, религиозный плюрализм колоний, хотя и способствовал некоей терпимости деноминаций по отношению друг к другу, препятствовал созданию колледжа. Каждая из деноминаций стремилась, как минимум, сохранять свое влияние, а ничто не могло так повысить популярность какой-нибудь из них (и, соответственно, умалить значение всех прочих), как основание собственного учебного заведения. Поэтому любая инициатива, исходящая от одного вероисповедания, неизменно встречала сопротивление всех остальных.

Пресвитерианам удалось на время забыть о разногласиях «новых» и «старых огней» и определиться с кандидатурой руководителя нового учебного заведения: им стал известный пресвитерианский проповедник Джонатан Дикинсон. Значительную роль в создании колледжа Нью-Джерси сыграл один из самых известных «странствующих проповедников» эпохи «Великого Пробуждения» Гилберт Теннент, который к 1746 г. во многом пересмотрел свои взгляды, отказавшись от крайностей, чему немало поспособствовал отрицательный пример Дж. Дэвенпорта⁴⁵.

Колледж Нью-Джерси поистине стал компромиссом — между сторонниками и противниками «Великого Пробуждения», между различными деноминациями, между принципами религиозного и светского образования. Во-первых, его основателям пришлось отказаться от идеи колледжа как оплота определенной деноминации. Они пообещали, что возможность обучаться в колледже будет у всех

⁴⁴ Boston Evening Post. Apr. 11, 1743.

⁴⁵ Tennent G. A Letter to Jonathan Dickinson // Pennsylvania Gazette. February 1742.

христиан без исключения⁴⁶. Тем не менее, на протяжении XVIII в. многие критики отмечали, что провозглашенные принципы религиозной терпимости на практике было невозможно соблюдать, ведь в поселениях, где располагался колледж, были только пресвитерианские церкви⁴⁷. Тем не менее, если судить по сочинениям Джонатана Дикинсона, его желание даровать религиозную свободу было вполне искренним. Защищая проводимую колледжем политику религиозной открытости, он апеллировал к терминам Просвещения: «Это естественное право каждого, в котором нельзя никому отказать»⁴⁸.

Во-вторых, чтобы привлечь столь необходимое финансирование со стороны предпринимательских слоев колонии создателям колледжа пришлось подчеркнуть его «гражданский» характер, обозначив своей задачей подготовку не только священнослужителей: «Хотя нашим стремлением является создать семинарию для обучения священнослужителей, мы также надеемся, что она послужит средством воспитания людей, которые окажутся полезными в других профессиях, требующих специального образования, и станут как гордостью церкви, так и государства. Поэтому мы предлагаем настолько всеохватывающий план образования, какой в наших силах»⁴⁹. Демократизации колледжа также поспособствовала низкая плата за обучение⁵⁰, которая открывала доступ туда для средних слоев населения, что способствовало их дальнейшему продвижению по карьерной лестнице: «С неопровержимым доказательством того, что вы с отличием закончили обучение в Нассау-Холле⁵¹, вы будете без дополнительных вопросов, будь то о своей семье, состоянии, бизнесе или намерениях, оценены в 10 000£»⁵².

Следовательно, характер колледжа в целом стал более светским. Теперь к основополагающим принципам колледжа, помимо религии, добавился еще один — наука. Поэтому главной заботой преподавателей и руководства колледжа было «развить разум учеников во

⁴⁶ Charter of the College of New Jersey // Education in the United States... P. 685.

⁴⁷ *McAneer B.* College Founding in the American Colonies, 1745–1775 // The Mississippi Valley Historical Review. Vol. 42. N 1. Jun. 1955. P. 37.

⁴⁸ Цит. по: *Le Beau B.F.* Johnathan Dickinson and the Formative Years of American Presbyterianism. Lexington, Kentucky, 1997. P. 184.

⁴⁹ Цит. по: *Wertenbaker T.J.* Princeton, 1746–1896. New Jersey, 1946. P. 19.

⁵⁰ *McAneer B.* Op. cit. P. 38.

⁵¹ Старейшее и самое известное здание колледжа Нью-Джерси (ныне – Принстонского университета).

⁵² *Fithian P. V.* Journal and Letters, 1767–1774 / Ed. by R.J. Williams Princeton, 1900. P. 287.

всех областях знаний, которые обычно преподаются в заграничных университетах; и чтобы воплотить полностью свой замысел, они заботятся о том, чтобы очистить их сердца, привить им великие заповеди Христианства, чтобы сделать их хорошими людьми»⁵³. В этом можно видеть влияние «века Просвещения». Тем не менее, в правилах колледжа наблюдалось также и сходство с новоанглийскими учебными заведениями, поскольку основатели колледжа все еще видели своей задачей не только давать знания, но и воспитывать в студентах моральные ценности, христианские добродетели, и поэтому стремились строго регламентировать жизнь студентов, предусматривая наказания за лень, бранные слова, пьянство и др.

Необходимо отметить, что вслед за основанием колледжа Нью-Джерси последовало создание ряда колледжей в других колониях. Это явление Эзра Стайлс, президент Йеля, назвал «всплеском энтузиазма вокруг колледжей». Каждая деноминация хотела создать свой собственный колледж, и накануне Революции почти каждое христианское течение имело свое собственное учебное заведение: баптисты основали Браун (1764 г.), голландские реформаты — Ратгерс (1766 г.), Дартмутский колледж (1769 г.) являлся новым конгрегационалистским учебным заведением, а Кингс-колледж (1754 г., впоследствии Колумбийский университет) и Колледж Филадельфии (1755 г., впоследствии Пенсильванский университет) были основаны совместными усилиями англикан и пресвитериан. Таким образом, основание одного колледжа сторонниками «Великого Пробуждения» побудило остальные деноминации создавать собственные колледжи, чтобы спасти юные умы от догматического невежества, что запустило процесс создания высших учебных заведений в колониях: за 1746–1769 гг. в Америке появилось вдвое больше колледжей, чем за предыдущие сто лет, а в 1769–1789 гг. — вдвое больше, чем в предшествующие двадцать лет⁵⁴.

References

Boorstin D. *Amerikantsy: Kolonial'nyy opyt* [The Americans: The Colonial Experience]. Moscow: Progress, 1993. 480 p.

Cremin L.A. *American Education. The Colonial Experience, 1607–1783*. New York: Harper & Row, 1970. 688 p.

⁵³ Tenment G., Davies S. A General Account of the Rise and State of the College, Lately Established in the Province of New-Jersey, in America; And of the End and Design of Its Institution. Princeton, 1752. P. 5.

⁵⁴ Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт. М., 1993. С. 213–214.

Geiger R.L. *The History of American Higher Education: Learning and Culture from the Founding to World War II*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 564 p.

George Whitefield: Life, Context, and Legacy / Ed. by G. Hammond, D. Ceri Jones. Oxford: Oxford University Press, 2016. 352 p.

Khruleva I.Yu., Volkova E.S. *Rol' propovedi v dukhovnoy i obshchestvenno-politicheskoy zhizni puritanskoy Novoy Anglii XVII–XVIII vv.* [The Role of the Sermons in the Spiritual and Socio-Political Life in the 17th–18th-Century Puritan New England] // *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo*. 2015. № 1, pp. 84–97.

Le Beau B.F. *Johnathan Dickinson and the Formative Years of American Presbyterianism*. Lexington: University Press of Kentucky, 1997. 256 p.

McAnear B. *College Founding in the American Colonies, 1745–1775* // *The Mississippi Valley Historical Review*. Vol. 42. N 1. June, 1955, pp. 24–44.

Tucker L.L. *Puritan protagonist: President Thomas Clap of Yale College*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1962. 283 p.

Warch R. *The Shepherd's Tent: Education and Enthusiasm in the Great Awakening* // *American Quarterly*. Vol. 30. N 2. Summer, 1978, pp. 177–198.

Wertenbaker T.J. *Princeton, 1746–1896*. Princeton: Princeton University Press, 1946. 476 p.

Поступила в редакцию
17 января 2018 г.

А.С. Озерова*

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОЛЬСКОГО ШЛЯХТИЧА В XIX в.

A.S. Ozerova

CHILDREN'S YEARS OF THE 19th-CENTURY PROVINCIAL POLISH GENTRY

Аннотация. Предметом исследования в статье является картина мира, сложившаяся у ребенка 6–11 лет из польской дворянской семьи, на основе мемуаров Яна Булгака. Цель исследования — характеристика особенностей воспитания детей в семьях польских шляхтичей во второй половине XIX в. Впервые вводятся в научный оборот воспоминания типичного представителя польского дворянства о своем детстве, что позволяет увидеть национальную специфику в методах воспитании молодого поколения дворянства, способствует выявлению особенностей воспитательного процесса в дворянских семьях вообще и в польских семьях в частности. Охарактеризованы различные аспекты жизни польского дворянина на фоне состояния польской семьи второй половины XIX в. С точки зрения демографических факторов отмечается переход к семье иного типа, характеризующейся снижением уровней смертности и рождаемости, что способствовало усилению внимания к проблемам воспитания детей, подготовке к их последующей жизни вне семьи, которая начиналась, как правило, уже в период отрочества. Вместе с тем, базовые черты характера закладывались именно в детстве как особом этапе формирования личности человека. Система воспитания и обучения в семьях польских шляхтичей в основном мало отличалась от воспитания дворянских детей в Российской империи второй половины XIX в. Для нее характерны определенная изолированность от детской среды, формирование взгляда на свое положение в обществе как на особое, закладываемое как родителями, так и учителями, некая бессистемность домашнего образования, а порой и его полная безрезультатность — из-за приглашения на роль учителей случайных людей. Польский шляхтич был ориентирован на участие в жизни дворянства как части общеевропейского общества и отсюда — раннее обучение французскому языку, даже родной язык проигрывал в этих приоритетах. Вместе с тем, на процесс воспитания польских детей и на внутрисемейные

* *Озерова Анна Сергеевна*, аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ozerova Anna Sergeevna, PhD Student, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+ 7-916-455-53-42; annikays@yandex.ru

отношения немалое влияние имели политические факторы. Это выразалось в неприятии ребенком русского языка, формировании ореола героизма вокруг участников польских восстаний и т.п.

Ключевые слова: Ян Булгак, польское дворянство, домашнее образование, семейное воспитание, история воспитания, воспоминания о детстве.

Abstract. The subject of the research is a worldview of a 6–11-year-old child from a Polish noble family, as it is represented in the memoirs by Jan Bułhak. The aim of the study is to characterize child-rearing in the second half of the 19th century. The memories of the typical representative of the Polish nobility about his childhood are used for the first time in academic research. It allows us to see national peculiarities in the upbringing of the noble young generation and to reveal the features of the educational process in noble families, as well as in Polish families in general. The article characterizes various aspects of the family life of the Polish noblemen in the second half of the 19th century. Taking into consideration demographic factors, the analysis indicates the transition to the family of a different type with decreasing mortality and fertility. This contributed to higher attention to the problems of raising children and preparing them for the life outside the family that usually started during adolescence. Basic character traits were formed in childhood. The system of children upbringing and education in the families of Polish gentry was basically little different from the one in the Russian Empire in the second half of the 19th century. It is marked by certain disconnectedness from same-age peers, perception of one's own position in the society as unique that was stimulated by parents and teachers, and a kind of unsystematic home education and even its occasional complete failure due to the employment of unprofessional people. The Polish noblemen were destined to participate in the life of the gentry, being part of the pan-European society. Therefore, learning French at an early stage was even more important than learning their native language. At the same time, political factors had a considerable impact upon the process of upbringing Polish children and inner-family relations. For example, they were expressed in the rejection of the Russian language, enveloping participants of Polish uprisings with an aura of heroism, etc.

Keywords: Jan Bułhak, Polish nobility, home education, family upbringing, parenting history, childhood memories.

* * *

В XIX в. в Европе такому периоду в жизни человека, как детство (особенно в дворянском обществе), стали уделять больше внимания. В контексте философии Просвещения, а затем и идей романтизма первые годы жизни стали рассматриваться как время формирования личности. В соответствии с этими новыми идеями и подходами предлагались новые направления в развитии образования, постепенно входили в школьную практику основанные на этих идеях новшества. Но, пожалуй, самым заметным явлением был переход от

традиционного холодного и строгого обращения с детьми к большей эмоциональности и теплоте.

Всё это в той или иной степени характерно и для польского дворянского общества XIX столетия. После падения Речи Посполитой и неудачной попытки восстановления Польши Наполеоном императивом для польской шляхты становится сохранение «польскости» как необходимого условия будущего возрождения независимого государства. В связи с этим воспитание детей в жизни шляхетской семьи обретает не только педагогическое, но и социальное и даже политическое значение, ибо молодое поколение было обязано сохранять и поддерживать национальную идентичность, польский язык и католическую веру.

Естественно, новые веяния не сразу овладевали умами родителей, они превращались в нормы постепенно, существовали в причудливом симбиозе с традиционными подходами к вопросам детского воспитания. В этот период провинциальная польская дворянская семья сохраняла многие патриархальные черты, прежде всего доминирующую позицию отца.

Вследствие прогресса медицины, гигиены и санитарии в быту наблюдалось сокращение детской смертности и рождаемости. У родителей появилась возможность уделять своим детям больше времени, внимания и заботы. На смену многопоколенной приходила семья, состоящая обыкновенно из двух поколений — родителей и детей и замыкающаяся в узком кругу ближайших кровных родственников¹.

Воспитанием детей до определенного возраста занимались нанятые для этого (если у семьи были на это средства) няньки, гувернантки и гувернеры, но родители также уделяли внимание своим детям. Хотя роль родителей в воспитании, особенно в обеспеченных семьях, была скорее направляющей.

Методы воспитания юных шляхтичей проявляют тенденцию к смягчению — все реже в семьях применяются телесные наказания. При этом детский быт отличался простотой даже в обеспеченных семьях — у ребенка редко могла быть такая роскошь, как своя комната.

У детей шляхты, как правило, была возможность получения всех видов образования, но начиналось оно обычно с домашнего.

Не слишком напряженная учеба и отсутствие необходимости физического труда (это относится к землевладельческой шляхте) давали возможность юным шляхтичам в полной мере побыть детьми,

¹ *Bołdyrew A. Matka i dziecko w rodzinie polskiej. Ewolucja modelu życia rodzinnego w latach 1795–1914. Warszawa, 2008. S. 228.*

проводя свое свободное время в играх. Дети могли также участвовать в некоторых развлечениях взрослых — театр, прием гостей, прогулки.

При всем разнообразии конкретных случаев, существовали все же некие принятые в данной среде стандарты подготовки ребенка к взрослой жизни. В их реконструкции определенную помощь исследователям могут оказать характерные для шляхетского социума мемуары. Конечно, при их использовании следует учитывать, что воспоминания писались людьми уже взрослыми, и зачастую информация о детских годах выглядит искаженной, как правило, чересчур романтизированной. К тому же у мемуаристов нет единого понимания понятий «ребенок» и «детство». Одни распространяют их на возраст до момента перехода детей из-под родительской опеки под надзор учителей, т.е. примерно до 7–12 лет, но это относится лишь к мальчикам. Польский историк А. Пахоцкая считает, что у девушек переход во взрослую жизнь происходил около 15 лет, когда они начинали носить длинные платья, принятые у женщин². Современные социологические исследования склоняются к тому, чтобы трактовать период детства исходя из индивидуальных особенностей ребенка³.

К сожалению, в польских мемуарах обычно содержится не слишком много сведений о детстве, чаще всего говорится только о дате и месте рождения, количестве братьев и сестер, приводятся краткие данные о родителях. Почему мемуаристы практически обходят молчанием свое детство? Причин много, хотя бы обыкновенная забывчивость. С возрастом в памяти остаются только какие-то яркие события, а их в жизни в поместье много не бывает. Немаловажно и то, что шляхтичи писали свои мемуары не для широкого круга читателей, а в назидание детям и внукам, делая упор на примеры для подражания или предостережения. Конечно, больше подобных примеров давали юношеские и зрелые годы. Для принадлежащего к благородному сословию человека первостепенной задачей являлась передача истории рода, а особенности воспитания как таковые не были столь важны⁴.

На общем фоне подавляющего большинства мемуаристов резко выделяется Ян Булгак (1876–1950), которого часто называют «отцом польской фотографии». Он оставил уникальные воспоминания о сво-

² *Pachocka A. Dzieciństwo we dworze szlacheckim w I połowie XIX wieku. Kraków, 2009. S. 12.*

³ *Kicowska A. Pamiętniki jako źródło do badań nad dzieckiem i dzieciństwem // Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne. T. 2. Bydgoszcz, 2002. S. 301–310.*

⁴ *Waksmund R. Historia dziecka i dzieciństwa z perspektywy prozy wspomnieniowej // Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne. T. 2. S. 311–321.*

их юных годах, аналогов которым в польской мемуарной литературе практически нет. Благодаря его воспоминаниям, опубликованным только в начале XXI в., появляется возможность детально воссоздать картину детства польского шляхтича в последней четверти позапрошлого столетия.

Первые попытки зафиксировать свои детские впечатления Ян Булгак предпринял еще в 1936 г. В последнем томе его цикла «Путешествия фотографа» (сборник VI «Человек — творец пейзажа») приводится описание Новогрудского края, посвященное усадьбам, которые были ему знакомы еще с детства. Примерно в это же время он объявил о намерении издать сборник «Страна детских лет», но работу над ним прервало начало Второй мировой войны. К сожалению, не сохранилось никакой информации о том, какие именно снимки должны были войти в сборник. В 1937 г. Булгак опубликовал автобиографическую повесть под названием «Д.О.М.», посвященную всем тем, кто в результате военных действий 1914–1920 гг. потерял свое родовое гнездо. В этой повести автор изобразил себя в роли главного героя — маленького Юрека. Другие действующие лица были взяты из реальной жизни, как например Каролина Карпович, тетка Яна Булгака, и другие его родные и знакомые со времен детства. Вариант был проиллюстрирован детскими фотографиями сына Яна Булгака в усадьбе в Пересеке.

Первый том воспоминаний Булгак писал в Вильно с января 1940 г. до октября 1942 г. во время, когда в городе сменяли друг друга литовские, советские, немецкие власти, а интенсивной работе способствовал введенный комендантский час. Машинописный текст, который насчитывал свыше 600 страниц, с поправками автора, уцелел. Второй том — «Полжизни в Вильно», который он писал с ноября 1942 г., насчитывал около 300 страниц. Машинопись второго тома сгорела в июле 1944 г. Еще перед репатриацией в Польшу Булгак планировал восстановить текст, но дальше трех страниц дело не пошло. В Польше виленского фотографа увлекли новые дела — документация разрушенной и восстановленной Варшавы, запечатление воссоединенных земель, восстановление польского фотографического движения и пр. По инициативе сына Яна Булгака в 1952 г. уцелевший том воспоминаний был переписан в 7 экземплярах, а в последующие годы еще дважды. В общей сложности сохранилось около 18 копий, которые оказались в руках частных лиц.

Воспоминания воссоздают полную картину повседневной жизни семьи Булгаков с самыми мельчайшими подробностями. Удивительным образом автор воспроизводит обстановку дома, природу,

события. Но поскольку это источник личного происхождения, стоит учитывать его субъективность. Дело даже не в том, что реальные факты Булгак разбавляет выдуманными. В основе текста — не собственно детские воспоминания автора, а их причудливая смесь с более поздними его впечатлениями: особенно это касается географических представлений об окрестностях, переданных с совершенно не характерными для юного героя (от лица которого ведется повествование) особенностями.

Булгак родился 6 октября 1876 г. в Осташине Гродненской губернии, где и провел свое детство, покинув отчий дом в возрасте 11 лет для обучения в Первой виленской гимназии. Его родители принадлежали к среднезажиточной шляхетской семье, владели собственными фольварками.

Ян был единственным ребенком в семье. По его словам, ему не раз приходилось остро ощущать нехватку родственников, что повлияло на формирование его характера и сделало его эгоцентричным человеком⁵. Для XIX в. были характерны многодетные семьи, наличие только одного ребенка не было распространенным явлением. В связи с этим, как отмечает В.М. Бокова, воспитание в таких семьях имело определенные особенности: к детям относились очень бережно, холили и лелеяли, следили за каждым шагом и возможными признаками болезни — лишь бы с ребенком ничего не случилось⁶.

Как пишет Булгак, его детские годы — это непрерывный поток счастливых дней и глаза родителей, наполненные счастьем. В воспоминаниях его отец Валерий и мать Юзефа кажутся ему лучезарно красивыми. Но у этой медали была и другая сторона: мальчик был избалован матерью, что было обычной долей и несчастьем для единственного ребенка в семье. Его мать имела слабое здоровье и не могла больше иметь детей, поэтому всю свою материнскую любовь она сосредоточила на нем одном, тем более что в первые годы жизни маленький Ян часто болел и очень беспокоил этим родителей. Слишком волнуясь о его здоровье, они не заботились о том, чтобы воспитывать его систематически.

Впоследствии из сохранившихся писем умершей в 1893 г. матери Ян узнал, какой страх она испытывала за будущее. Она много лет была больна, ощущала все больший упадок сил, боялась, что не успеет вырастить сына, и страдала от этих предчувствий, которые,

⁵ *Bułhak J.* Kraj lat dziecinnych. Gdynia, 2003. S. 24.

⁶ *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти. Как наставляли дворянских детей. М., 2013. С. 9.

к сожалению, сбылись⁷. Любое легкое недомогание мальчика становилось для нее трагедией. Если отца мальчик хотя бы немного боялся, то мать, по мнению ребенка, жила исключительно для него, и он привык, что она угадывала его мысли, угождала его желаниям.

Но когда автор воспоминаний немного подрос, его восприятие изменилось. Он стал относиться к матери как к деспотичной женщине, следящей за каждым его шагом, ее любовь связывала его и казалась обременительной⁸. Ян начинал понемногу бунтовать против этой «тирании чувств» и старался всё больше обособиться, отдаляясь от матери. В мемуарах Булгак откровенно признал, что он не заслуживал той самоотверженной любви, с которой мать посвятила ему свою жизнь. Будучи уже взрослым человеком, он стал чувствовать свою непоправимую вину перед ней. Это тяжелое чувство сопровождало его на протяжении всей жизни.

Последовательный рассказ о своем детстве Булгак начинает с 1882 г., когда ему исполнилось шесть лет и он уже мог многое хорошо запомнить. У читателя складывается ощущение, как будто он сам погружается в жизнь этой семьи, в обстановку дома. У мемуариста была просто фотографическая память: он с поразительной точностью описывает свой дом и окрестности, хотя с момента, когда он окончательно покинул места детства, прошло уже более 20 лет⁹.

Дом Булгаков в Осташине был просторным и уютным, но при этом не роскошным. Вся мебель была сделана вручную под руководством отца. Экономили практически на всём, даже на дешевом сахаре, придерживаясь старого деревенского обычая небогатой шляхты: за деньги покупаются только соль и железо, а всё остальное надо иметь свое, домашнего производства¹⁰.

Комнаты в доме были просторные, с высокими потолками и большими окнами. Особое впечатление на ребенка производили коридоры, длинные и темные, которые служили одновременно и местом для игр, и источником любопытства и страха. Особенно Ян любил играть вместе с детьми прислуги в этих коридорах в прятки. Также привлекала его столовая, где в углу стояла кровать, в которую его укладывали, когда он болел, чтобы ребенок не находился один. В этой же столовой висело три портрета представителей рода Громьк

⁷ *Bulhak J.* Op. cit. S. 24.

⁸ *Ibidem.*

⁹ *Вяршыцкая Т.Р.* Зямны пантэон Яна Булгака // Ян Булгак і культура заходнебеларускага рэгіёну ў канцы XIX ст. да Другой сусветнай вайны. Гродна, 2009. С. 16.

¹⁰ *Bulhak J.* Op. cit. S. 31.

начала XIX в., покрытые толстым слоем грязи, под которым лица были едва различимы. Ян любил использовать их как мишень, стреляя из лука, и никто ему не объяснял глупости его поведения¹¹.

Домашнее хозяйство в Осташине было построено таким образом, что всё производили только для себя, не продавая ничего на сторону¹². Помимо Яна и его родителей в доме проживало еще около 20 человек прислуги, няня Юлия, выполнявшая только особые поручения матери¹³, также в доме постоянно находились гости, которые обычно оставались надолго. Поэтому все запасы еды в семье уходили только на то, чтобы прокормиться самим.

Ян очень любил приходить на кухню и наблюдать за прислуживающей¹⁴. Существует мнение, что мир дворовых служил для маленького дворянина главной, нередко единственной школой национального чувства, которая роднила ребенка с народом, воспитывала в нем способность понимать народную жизнь, прививала какие-то народные элементы, что нередко влияло на его будущее¹⁵. Из воспоминаний Булгака можно сделать другой вывод: наблюдая за «простонародьем», ребенок осознавал отличие шляхты, пусть и говорящей на не совсем правильном польском языке, от окрестных белорусов, взрослых и детей, живущих другой, более приземленной жизнью.

Распорядок дня в доме Булгаков был вполне устоявшимся. День начинался с общего, довольно продолжительного завтрака. Яну это не особо нравилось, но тем не менее ему приходилось следовать домашним традициям. После завтрака для детей наступало время занятий, которые тянулись до обеда, обычно до часа дня. Затем все собирались к обеду. У Яна каждый прием пищи вызывал тоску, так как он не отличался хорошим аппетитом, а обязательный прием перед обедом рыбьего жира убивал последние его остатки. Однако ему приходилось съедать свой обед под чутким наблюдением матери. Как и любого другого ребенка, Яна больше всего радовало, когда подавали десерт — запеченные яблоки, шарлотку, повидло, вафли или оладьи с яблоками. После обеда дети в компании наставника отправлялись на прогулку.

После прогулки наступало время занятий на фортепиано, где учителем выступала мать Яна. По их окончании мальчик бежал готовить домашнее задание. Чаще всего это не отнимало у него

¹¹ Ibid. S. 32.

¹² Ibid. S. 123.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. S. 124.

¹⁵ Бокова В. Отроку благочестие блюсти. С. 71.

много времени, и поэтому перед ужином у него было несколько свободных часов, когда он был предоставлен самому себе. Ужин подавали примерно около восьми часов вечера. Вечерами обычно долго сидели за столом, время проводили за разговорами или игрой в карты. Разговоры сводились к хозяйственным делам: каким будет урожай в этом году, будет ли завтра дождь, сколько корма имеется для животных и т.д.¹⁶

В десять часов вечера Яна отводили спать. Перед тем как уснуть, мальчик читал вечернюю молитву, а в конце просил Бога избавить его от страшных снов.

Ян предпочитал теплое время года. Зима для него была скучной порой, так как из-за слабого здоровья его редко отпускали гулять. Поэтому мальчик специально для себя придумал календарь, в котором зачеркивал дни и считал, сколько осталось до наступления весны. С еще большим нетерпением он ждал наступления праздников, которые всегда справлялись в доме. Например, Рождества, когда дома была праздничная суета и особая атмосфера, на это время прекращались все уроки и дом был полон гостей.

Особенный праздник, который всегда отмечали очень торжественно, приходился на день св. Юзефа. Отмечали его дважды, по новому и по старому стилю, т.е. 7 и 19 марта. Это были именины матери Яна. А вот именины отца, которые приходились на 14 апреля, не отмечали вовсе. Связано это было прежде всего с характером Валерия Булгака, который не любил излишнего внимания к своей персоне¹⁷. Но именины своей жены он отмечал с удовольствием и каждый год привозил ей из Минска флакон дорогих французских духов.

У Яна же день св. Юзефа ассоциировался не только с неким торжеством, но прежде всего с днем, когда он чувствовал, что весна уже совсем скоро. К этому празднику под руководством гувернера заранее готовился рисунок с поздравлением для матери. Главный принцип подготовки к празднику заключался в том, что всё должно быть «не хуже, чем у соседей»¹⁸. Это проявлялось, главным образом, в количестве приготовленной еды и в сервировке стола.

Для Яна проживание в собственном, семейном доме было самым естественным на свете делом. Каково же было его удивление, когда он узнал, что брат отца, Антоний Булгак, вынужден арендовать фольварк у князя Антония Радзивилла. Поскольку фольварк в собственности

¹⁶ *Bulhak J.* Op. cit. S. 130.

¹⁷ *Ibid.* S. 133.

¹⁸ *Ibid.* S. 137.

не был, дядя не старался заботиться о внешнем виде дома и сада. Ребенок не понимал, как может кто-то не иметь собственного дома и земли, тем более что речь шла о его родном дяде. Арендовать у кого-то дом казалось ему верхом бедности и даже отчасти позорным¹⁹. Здесь стоит отметить, что в результате серьезных конфискаций после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. подобных шляхтичей было достаточно много и жилось им не так уж плохо. А арендовать имущество у Радзивиллов было вообще делом выгодным, так как они предоставляли выгодные условия и разбогатеть такому арендатору было даже проще, чем владельцу собственного поместья²⁰.

С другими детьми шляхты Ян соприкасался редко. Чаще всего это были его двоюродные братья Мариан и Богдан. Воспитывали их иначе, чем Яна. Мариан и Богдан были в курсе того, что происходит в хозяйстве. Между собой они общались на темы, которые были совершенно чуждыми Яну: про угожья и севооборот. Ян, конечно, на тот момент слышал подобные слова от отца, но ему никогда не приходило в голову спросить об их значении²¹.

На его некоторую отстраненность накладывался еще и тот факт, что Яна приучили никогда не вмешиваться в разговоры взрослых, либо же вели подобные беседы в таком ключе, что ребенок терял всякий интерес даже к тому, чтобы просто их слушать. Возможно, в этом была одна из ключевых ошибок воспитания, так как будущий фотограф просто отгораживался от родителей, считая, что они живут в своем, непостижимом для него мире. Поэтому его удивило, когда он увидел, что его братья спокойно участвуют в разговорах своих родителей и других людей старше себя, задают вопросы и т.п. У Яна это вызывало раздражение. Подливал масла в огонь и отец Яна, нахваливая своих племянников за любознательность и часто повторяя, что у его сына в голове только синий миндаль и ледяные замки²², имея в виду то, что Ян очень далек от реального мира. Дружбы между Яном и его двоюродными братьями не сложилось, и общались они скорее по обязанности.

Антоний Булгак часто ругал родителей Яна за то, что они воспитывают его неправильно, потворствуют ему и делеют его слабости. Родители в ответ предпочитали отмалчиваться. Того же мнения придерживалась и сестра отца, которую на французский манер называли

¹⁹ Ibid. S. 173.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibid. S. 174.

²² Ibid. S. 175.

Бабетка. Она также ругала мать мальчика за вредное воспитание, но, по иронии, свою единственную дочь воспитывала подобным же образом, постоянно окружая ее излишней заботой²³.

Ян, однако, признавал, что воспитание братьев было гораздо лучше. За этим следил лично Антоний Булгак, мать же права голоса в этом вопросе не имела. Дети занимались изучением польского языка и истории со специально приглашенной гувернанткой Розалией Вежбицкой²⁴. Яна этому не учили. Интересна также история, которую Ян узнал от своего брата Мариана, о которой его родители умолчали. Один из представителей рода Булгаков, Томаш, за участие в обоих польских восстаниях был дважды сослан в Сибирь, где в общей сложности провел 28 лет и только к концу жизни смог вернуться на родину. В 1889 г. Томаш и его жена Тереза отмечали пятидесятилетний юбилей своей свадьбы. Это был большой праздник, и на него собралось множество родственников. Не приехала только семья Яна. Можно предположить, что родители оберегали ребенка и боялись каких-либо опасных разговоров. Булгак, вспоминая об этом, всё же не может скрыть свою обиду на родителей, даже по прошествии немалого времени. Для него Томаш и Тереза выступали в роли героев и должны были служить примером для всей семьи²⁵.

Яна начали учить, когда ему исполнилось полных семь лет. Как сообщает мемуарист, среди шляхты того времени было распространено мнение, что обучение плохо сказывается на здоровье. Впрочем, тогда считали, что и частое принятие водных процедур является не совсем полезным. Родители с пониманием относились к тому, что молодым людям не особо нравилось сидеть в тесных школьных помещениях над книжками, а гораздо большую радость приносили занятия на свежем воздухе, например, охота или езда верхом. Большинство шляхетской молодежи в родных местах Адама Мицкевича редко заканчивало гимназию, четыре класса для жителей Новогрудка и окрестностей уже считалось колоссальным достижением, а диплом университета был совсем редкостью²⁶.

Мемуарист утверждает, что уже до начала обучения смог кое-чему научиться самостоятельно, например, он знал буквы и мог даже читать по слогам. Помогло то, что его няня Юлия занималась обучением своей дочери Франуси, которой приходилось объяснять

²³ Ibid. S. 176.

²⁴ Ibid. S. 178.

²⁵ Ibid. S. 179.

²⁶ Ibid. S. 48.

всё по несколько раз, поэтому Ян многое хорошо запомнил. У няни отношение к обучению было аналогичным, по ее мнению, «панское дитя не должно ничего делать, только гулять»²⁷.

Занятия обычно проходили в гардеробной. Поначалу занимались только чтением, причем Яна очень увлекло это занятие. Также примерно в этом возрасте он получил первоначальные навыки письма, хотя полноценно научился писать примерно к восьми годам²⁸, так как увлекся написанием писем своим родителям и няне. После этого родители приняли решение, что пришло время начать обучать ребенка уже более серьезно. Знание иностранного языка во многом определяло место дворянина на внутридворянской иерархической лестнице²⁹.

Говоря о распространении французского языка и его главенстве в дворянском воспитании, следует указать, что даже на пике «галломании» она была далеко не повсеместной. Чаще всего встречались дома с двуязычием, где в домашних условиях общались на родном языке, а в обществе на французском. В польской среде особо приветствовалось владение французским языком, поэтому родители пригласили в дом учительницу. После этого роль няни Юлии была закончена, что у нее самой вызвало грусть: она успела привязаться к ребенку, и ворчала, что учеба — это всё панские выдумки и мучение детей³⁰.

Ян смог проникнуться симпатией и к новой гувернантке панне Франциске. Уже через несколько месяцев маленький Ян научился бегло говорить по-французски, так как панна не знала по-польски ни слова. В доме было заведено новое правило, что на время обучения Ян и с родителями должен общаться только на французском языке. Это его очень угнетало, ребенок считал это лишним и странным.

Польскому же языку Яна не обучали вовсе: о грамматике и польской истории не было речи ни тогда, ни позже³¹. Он объяснял это тем, что в этих предметах не было практической необходимости, достаточно было того, что он и так знал на тот момент. Зато в домашнюю программу сразу после французского было включено преподавание русского языка, так как он был необходим для поступления в гимназию в Вильно.

Булгак пишет, что в его семье использовались два вида польского языка: повседневный и праздничный, т.е. обычный разговорный

²⁷ Ibid. S. 49.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Бокова В. Отроку благочестие блюсти. С. 133.

³⁰ *Bulhak J.* Op. cit. S. 50.

³¹ Ibid. S. 51.

и литературный. При написании писем использовали польский, который более-менее был похож на правильный, отличаясь в некоторых случаях ударениями и произношением. В повседневной жизни говорили на смеси польского, белорусского, французского и русского языков. Смешение это было связано с присутствием в доме прислуги, которая общалась на сельском наречии и чистый польский не понимала, а родители не могли отгородить маленького Яна от этой речи³². Белорусская исследовательница В.Р. Корнелюк полагает, что Ян идентифицировал самого себя именно как поляка, так как о белорусском языке мемуарист пишет как о чужом, а к русскому языку относится и вовсе с ненавистью³³.

Такое суждение вполне обоснованно. Во-первых, мемуарист неоднократно с большой любовью пишет о «несчастной Польше», его слова наполнены вполне определенным патриотизмом, который ассоциируется у него с королем Яном III Собеским. Изображения короля даже висели в спальне, олицетворяя отчизну³⁴. Во-вторых, вспоминая своего отца, Ян пишет, что Валерий Булгак в домашней жизни был человеком мягким, однако, верным своим принципам и проявлял неожиданную силу характера — «эту старопольскую добродетель, такую близкую к римской *virtutis* (доблести)»³⁵.

С восьми лет мальчик стал очень много читать, причем всё подряд и без разбора, настолько увлекало его это занятие, хотя все имевшиеся в доме книги были рассчитаны на взрослых. Когда мальчик стал чуть старше, родители специально для него начали выписывать журналы. Булгак пишет, с каким нетерпением он ждал журнал «Пшияцель дзеци» (“Przyjacieł dzieci”)³⁶ и с каким интересом мог часами разглядывать его и перечитывать³⁷.

Сами мать и отец, занятые домашними делами, не читали почти ничего и не видели в этом необходимости. Поэтому в семье к домашней библиотеке, составленной случайно, интерес проявлял только ребенок. В.М. Бокова подчеркивает, что большинство дворян Российской империи в XIX в. вообще ничего не читало, а некоторые

³² *Bulhak J.* Op. cit. S. 54, 55.

³³ *Карнялюк В.Р.* Успаміны Яна Булгака як гістарычная крыніца // Ян Булгак і культура заходнебеларускага рэгіёну ў канцы XIX ст. да другой сусветнай вайны. Гродна, 2009. С. 72.

³⁴ *Bulhak J.* Op. cit. S. 34.

³⁵ *Ibid.* S. 148.

³⁶ “Przyjacieł dzieci” — польский еженедельный научно-развлекательный журнал для детей, издавался в Варшаве в 1861–1915 гг.

³⁷ *Bulhak J.* Op. cit. S. 49.

даже думали, что слишком прилежное чтение книг, в том числе и Библии, способно свести человека с ума³⁸.

Очень интересно объяснение этого факта самим мемуаристом. Он пишет, что его родители были детьми своей эпохи — времени после восстания 1863–1864 гг. Не прошло еще и 20 лет, и память о М.Н. Муравьеве в этих местах была жива в душе каждого взрослого поляка. Его родители тогда только становились на ноги, выходя из бедственного положения, обремененные родительскими долгами, тяжело работали, чтобы достичь независимой жизни. Отец проявлял мало инициативы в вопросах, которые не касались повседневной жизни, а мать была занята хлопотами по дому, заботой о своем здоровье и здоровье своего сына. Времени на другие занятия практически не оставалось.

После неудачного восстания шляхтичи медленно возвращались к жизни и жили как будто в летаргическом сне, постоянно находясь не только под гипотетической угрозой арестов, доносов и конфискаций, но и в реальной ситуации запрета для польского дворянства покупать землю. «Сидели как мыши под веником, заботясь только о хлебе насущном»³⁹, — так описывает жизнь своей семьи Ян Булгак. Отягощал их материальное положение и карательный налог, введенный после восстания для всех лиц польского происхождения. Налог просуществовал до 1905 г.

Однако кое-что о 1863 г. Ян узнал, еще будучи ребенком. Он слышал рассказы о временах, когда всё еще было «по-польски», о том, какие несчастья и утраты принес этот год. Об этом говорили вполголоса, оглядываясь на дверь. Это, безусловно, производило особое впечатление на ребенка, и он сам старался найти всему этому объяснение. Он решил, что просто никто еще не взялся за этот вопрос серьезно и должным образом. Ему казалось, что решить всё можно очень просто, ведь достаточно приехать к царю, очень сильно его попросить вернуть Польшу, и не может быть, чтобы монарх отказал в этой просьбе. Для Яна самой сложной казалась другая задача: как добраться до Петербурга, который находился, по его представлениям, слишком далеко, посреди снегов и льдов⁴⁰.

Еще одним занятием, входящим в обязательную домашнюю программу, было, как уже говорилось, обучение музыке, а именно игре на фортепиано. Этим занималась мать Яна Юзефа. Маленькому

³⁸ Бокова В. Отроку благочестие блюсти... С. 169.

³⁹ *Bulhak J.* Op. cit. S. 54.

⁴⁰ *Ibid.* S. 62.

ребенку это занятие казалось настолько нудным, что всякий раз он не мог дождаться его окончания. Очень часто мать теряла терпение, видя, что Ян не проявляет ни желания, ни старания за инструментом, и била его за это по рукам, тем самым напрочь отбив желание заниматься музыкой⁴¹. Музыка была включена в число обязательных предметов для изучения дворянскими детьми примерно во второй половине XVIII в., когда она стала одним из «приятных искусств», которые могли разнообразить досуг светского человека⁴².

Ребенка пугало и одновременно увлекало всё, что нарушало каким-либо образом привычный распорядок дня. С шести лет родители начали его брать с собой во время визитов к родне. Однако Яна больше увлекали не люди, а сам процесс поездки куда-либо⁴³. Ему нравилось осматривать окрестности, видимо, тем самым он расширял свои детские представления об окружающем мире. В один из таких визитов, к родственнику Адаму Булгаку, Ян получил в подарок настоящее одноствольное ружье. Состояние этого ружья оставляло желать лучшего, но для ребенка такое приобретение стало целым событием. Стрелять ему из него не разрешалось, но держать в руках оружие не возбранялось⁴⁴. Ян гордо называл свое сокровище дробовиком.

Уже в столь раннем возрасте Булгак имел представление о соседской округе, кого-то он видел, кого-то знал только по рассказам. Ему особенно запомнилась семья пана Рышарда Чечега, жившая неподалеку в одноименной усадьбе Осташин. Семья эта была известна суровыми методами воспитания детей. Яна пугали разными рассказами об этой «тюремной дисциплине». Булгак считал, что это какой-то новый метод воспитания, придуманный для блага самих ребят, однако, по его мнению, от такого воспитания могли получиться только манекены, но никак не люди⁴⁵. Физическое воспитание детей в XIX в. долго колебалось между двумя полюсами — крайней изнеженностью и почти спартанской суровостью⁴⁶.

К восьми годам Ян уже бегло говорил по-французски, знал все правила грамматики, знал кое-что из французской истории. По-польски он тоже писал неплохо, но не имел ни малейшего представления о грамматике и о польской истории. Он не знал даже, как

⁴¹ *Bulhak J.* Op. cit. S. 57.

⁴² *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти. С. 162.

⁴³ *Bulhak J.* Op. cit. S. 69.

⁴⁴ *Ibid.* S. 73.

⁴⁵ *Ibid.* S.74, 75.

⁴⁶ *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти... С. 33

выглядят такие учебники, так как в доме подобных книг просто не было⁴⁷.

За здоровьем ребенка родители следили особенно тщательно. При любых подозрениях на плохое самочувствие тут же вызывали доктора Марцинкевича, хотя тот и не мог отличить тиф от воспаления легких⁴⁸. Из Варшавы для Яна была даже специально привезена аптечка, состоящая из гомеопатических средств.

Для укрепления здоровья Яна заставляли есть мясо, запрещали при этом фрукты и холодную воду, которые якобы могли навредить ребенку⁴⁹. В профилактических целях утром и вечером он должен был полоскать горло, перед обедом принимать рыбий жир. Мальчика злил такой распорядок, он считал, что он как будто заперт в клетке и не имеет возможности проявить инициативу. Как только он заболел, его сразу укладывали в кровать, и он ощущал себя как в монастыре. Особую злость вызывал у него платок, который ему повязывали на голову и шею, если у него болело горло, так как он считал, что выглядит, как девочка⁵⁰. Естественно, что во время болезни Яну запрещалось гулять, что было настоящей трагедией для ребенка.

В 1884 г. родители решили нанять для восьмилетнего Яна гувернера, потому что учительница французского к тому времени успела научить его всему, что знала сама. В.М. Бокова отмечает, что в дворянской среде Российской империи к подросткам детям обычно между семью и девятью годами вместо женщины приставлялся мужчина, т.е. они окончательно переходили из женских рук в мужские, а значит, и сами начинали считаться маленькими мужчинами⁵¹.

Слуги пугали Яна тем, что скоро его увезут в гимназию, далеко в другой город, там он должен будет говорить на русском языке и будет испытывать какие-то небывалые муки⁵². Маленького Яна это довольно сильно страшило, так как он не представлял себе другого порядка кроме того, что существовал в его маленьком мире. Однако в один момент этот порядок нарушили два события: приезд нового наставника Рышарда Лопушинского и переселение в их дом семьи дальнего родственника по материнской линии Бронислава Хациского с сыном Стасом. Надо отметить, что с Брониславом мать Яна отношений до этого не поддерживала. Оказался он в их доме потому, что потерял

⁴⁷ *Bulhak J.* Op. cit. S. 104.

⁴⁸ *Ibidem.*

⁴⁹ *Ibidem.*

⁵⁰ *Ibid.* S. 105.

⁵¹ *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти. С. 209.

⁵² *Bulhak J.* Op. cit. S. 106.

свои земельные владения под Ивенцом в Минской губернии из-за любви к прожиганию жизни. Поскольку в дворянской среде было принято поддерживать членов своего рода, родители мемуариста не смогли отказать разоренному родственнику в помощи.

Новые родственники были уже порядком обрусевшими, и это вызывало интерес у маленького Яна; ему нравилась речь, непохожая на домашнюю. Сначала Хациские жили в доме Булгаков как гости, но со временем стали участвовать в ведении хозяйства. Семья была довольно шумной и нарушала привычную спокойную атмосферу в доме, из-за чего Юзефа на них сердилась. Интересную характеристику дает Ян Булгак Брониславу Хацискому. Он тоже был единственным ребенком к семье, принадлежал к категории «помещичьих сынков», воспитанных неразумными родителями в роскоши и лени, не имел никакой специальности и желания чему-либо учиться. Потеряв свое владение, стал «типичным неудачником, коротая время за стрельбой, разговорами и рюмкой»⁵³.

Постепенно приближалось время сдачи экзаменов для поступления в виленскую гимназию. Именно в связи с этим в дом был приглашен гувернер пан Лопушинский. С этого времени в жизни Яна начинается новый период: закончился период французский и начался период русский. Лопушинский, человек малопрятный, любил поест и проявлял повышенный интерес к женщинам. Ян сомневался в наличии у него какой-либо педагогического опыта, так как гувернер если и рассказывал о своих предыдущих местах работы, то в самых общих чертах⁵⁴.

Лопушинский принадлежал к гувернерам «старого времени», его методика заключалась в банальной зубрежке. Если у учеников возникали вопросы, он предпочитал отмалчиваться, демонстрируя, как ему казалось, своим молчанием некую мудрость. Поначалу, видимо, у гувернера получалось обманывать таким образом семью, но в конце концов в нем распознали любителя пожить за чужой счет. В свою очередь, наставник смотрел сквозь пальцы на разные хитрости со стороны Яна: если тому не хотелось что-то учить, то он просто списывал.

В преподавании пан Лопушинский явно силен не был: через два года Яна экзаменовал помощник репетитора из гимназии в Вильно, и оказалось, что русскому и латинскому языкам мальчик обучен весьма слабо, его знаний совершенно недостаточно для поступления

⁵³ *Bulhak J.* Op. cit. S. 108, 109.

⁵⁴ *Ibid.* S. 110.

в первый класс. Только после этого наставник был заменен на студента Петровского, которого рекомендовали соседи⁵⁵, и несколько месяцев Яну пришлось заниматься гораздо интенсивнее, чтобы сдать вступительные экзамены в гимназию.

У юного Булгака осталось всего три месяца, чтобы осилить то, что он не смог выучить за два года. Вместо летних прогулок он сидел за книжками. С русским всё пошло довольно просто — новый учитель говорил с ним только на этом языке и Ян довольно быстро освоил «чужую и немилую», на взгляд взрослого мемуариста⁵⁶, речь. Пока мальчик штудировал учебники, родители были заняты приготовлениями к отъезду. Вместе с Яном в Вильно отправлялась мать, чтобы облегчить его пребывание в новых условиях. На этом воспоминания о детстве у Булгака заканчиваются. Уезжая из родного дома, 11-летний мальчик чувствовал, что его беззаботное детство подошло к концу.

Можно предположить, что переезд в большой город, несомненно, пугал одинокого шляхетского мальчика из удаленного от цивилизации Осташина, потому что до этого весь его мир был заключен в пределах родного дома.

Детство Яна Булгака, о котором благодаря уникальной памяти мемуариста мы имеем самые подробные сведения, — пример тепличного шляхетского воспитания. Являясь единственным ребенком в семье, мальчик имел достаточно свободы для знакомства с окружающим миром, о его здоровье тщательно заботились. Большое внимание родители уделяли его образованию, ему нанимали учителей, покупали книги и выписывали журналы, что в сельской среде было не так просто. Говорить о типичности подобного воспитания было бы опрометчиво ввиду отсутствия опубликованных источников, столь же подробных по изложению. На примере двоюродных братьев Яна мы убедились в том, что подобного рода воспитание в среде окрестной польской шляхты в 1880-е гг. являлось скорее исключением, чем правилом.

Итак, уникальное повествование о детстве позволяет нам выявить основные особенности в воспитании ребенка в типичной семье польского шляхтича. В целом система воспитания и обучения в семьях польских шляхтичей мало отличалась от воспитания дворянских детей в Российской империи второй половины XIX в. Воспоминания Яна Булгака значительно расширяют традиционные представления о формировании ценностей, присущих в конце XIX в. польскому дворянскому обществу.

⁵⁵ Ibid. S. 256.

⁵⁶ Ibid. S. 257.

References

Bokova V.M. *Otroku blagochestiye blyusti. Kak nastavlyali dvoryanskikh detey* [Let the Boy Observe Piety. How Noble Children Were Instructed]. Moscow: Lomonosov, 2013. 248 p.

Bołdyrew A. *Matka i dziecko w rodzinie polskiej. Ewolucja modelu życia rodzinnego w latach 1795–1914* [Mother and Child in the Polish Family. The Evolution of the Family Life Model in 1795–1914]. Warsaw: Neriton, 2008. 380 p.

Karnialiuk V.R. *Uspaminy Jana Bulhaka jak historyčnaja krynica* [Memoirs by Jan Jan Bułhak as a Historical Source] // *Jan Bulhak i kultura zachodniebielarskaha rehijonu ũ kancy 19 st. da Druhoj susvietnaj vajny: zbornik navuk. artykulau* [Jan Bułhak and Culture of the Regions of Western Belarus from the Early 19th Century to the World War II: Collected Papers]. Hrodna: HrDU, 2009, pp. 68–74.

Kicowska A. *Pamiętniki jako źródło do badań nad dzieckiem i dzieciństwem* [Memoirs as a Source for Study of Child and Childhood] // *Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne* [Child in the Family and Society. Modern History]. Vol. 2. Bydgoszcz: Wydaw. Uczelniane Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2002, pp. 301–310.

Pachocka A. *Dzieciństwo we dworze szlacheckim w I połowie XIX wieku* [Childhood in the Noble Palace in the First Half of the 19th Century]. Cracow: Avalon, 2009. 267 p.

Viaršyckaja T.R. *Ziamny panteon Jana Bulhaka* [Earthly Pantheon of Jan Bułhak] // *Jan Bulhak i kultura zachodniebielarskaha rehijonu ũ kancy 19 st. da Druhoj susvietnaj vajny: zbornik navuk. artykulau* [Jan Bułhak and Culture of the Regions of Western Belarus from the Early 19th Century to the World War II: Collected Papers]. Hrodna: HrDU, 2009, pp. 16–20.

Waxmund R. *Historia dziecka i dzieciństwa z perspektywy prozy wspomnieniowej* [A History of Child and Childhood. The Story of a Child and Childhood from the Perspective of Memories] // *Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne* [Child in the Family and Society. Modern History]. Vol. 2. Bydgoszcz : Wydaw. Uczelniane Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2002, pp. 311–321.

Поступила в редакцию
30 мая 2018 г.

Л.П. Марней, С.Л. Чернов *

**ТОРЖЕСТВЕННЫЕ И ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО
СЕРЕДИНЫ — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

L.P. Marney, S.L. Chernov

**SOLEMN DAYS AND HOLIDAYS OF THE RUSSIAN EMPIRE
AND THE KINGDOM OF POLAND IN THE MID — SECOND
HALF OF THE 19th CENTURY**

Аннотация. В статье дана характеристика адрес-календарей Российской империи и Царства Польского как одного из важнейших ежегодно издававшихся справочников по истории империи и Царства XIX — начала XX в. Предпринята попытка расширить представления о возможностях данного исторического источника, содержащего обширные и разносторонние сведения, которые мало используются отечественными исследователями. Обращаясь к информации адрес-календарей, авторы выявляют важные тенденции правительственной политики в отношении Царства Польского и восприятия этой политики в русском и польском обществе. Получив по решению Венского конгресса большую часть Княжества Варшавского, российская власть, не располагая достаточными административными и финансовыми ресурсами, первоначально не вмешивалась непосредственно в управление этими территориями. Однако после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. инкорпорация охватила практически все сферы жизни Царства. Петербург использовал самые разные методы, среди которых определенное значение отводилось и праздничным датам, отражавшим традиции соединения государственных и религиозных праздников. Кроме

* *Марней Людмила Петровна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Marney Liudmila Petrovna, PhD Candidate, Senior Scholar, Department of the History of Slavic Peoples of Central Europe in Modern Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

+7-916-204-19-04; mlss@bk.ru

Чернов Сергей Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Chernov Sergey Leonidovich, PhD Candidate, Associate Professor, Department of Russian History of the Nineteenth Century and Early Twentieth Century, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-916-630-54-21; chernovsl@mail.ru

того, праздники позволяют проследить не только сам процесс политической и конфессиональной интеграции Царства Польского в состав Российской империи, но и его специфику. Так, в состав «Росписи господским праздникам и статским торжественным дням», являющейся неотъемлемой частью адрес-календарей, наряду с Новым годом, днями рождения, восшествия на престол, коронации и тезоименитств представителей царствующего дома, входили католические и еврейские праздники. Таким образом, официальное признание верховной властью праздничных дней позволяет прийти к выводу, что жесткая политическая и социальная интеграция Царства Польского сочеталась с политикой веротерпимости в отношении различных национальностей, населявших империю. С другой стороны, праздники прямо свидетельствуют о намерении Петербурга воспитать верноподданнические убеждения в разных социальных стратах российского социума. Последнее было особенно важно ввиду необходимости для царского правительства подавления польского освободительного движения. Важными представляются наблюдения авторов о сословной политике России в Царстве Польском по отношению к польскому дворянству, а также католичеству и православию.

Ключевые слова: Царство Польское, национальная и конфессиональная политика, адрес-календари, справочники, государственные праздники, не-присутственные праздничные дни, православные и католические праздники, интеграция Царства Польского в состав Российской империи.

Abstract. The article characterizes the address calendars of the Russian Empire and the Kingdom of Poland as one of the most important annually published reference books on the history of the nineteenth – early twentieth-century Empire and Kingdom. The authors attempt at demonstrating that this kind of historical sources has higher potential for use and contains extensive and versatile information that is little used by Russian scholars. While analyzing the address calendars, the authors identify important trends in governmental policy regarding the Kingdom of Poland and in perception of this policy in Russian and Polish societies. Having acquired a large part of the Principality of Warsaw by the decision of the Vienna Congress, initially the Russian authorities did not directly intervene in the administration of these territories since there were no administrative and financial resources available to them. However, after the uprisings of 1830–1831 and 1863–1864 almost all spheres of the Kingdom's life were involved into the process of incorporation. Petersburg employed a variety of methods, among which certain significance was given to festive dates that celebrated simultaneously state and religious events. In addition, the holidays make it possible to trace not only the process of political and confessional integration of the Kingdom of Poland into the Russian Empire, but also its specific nature. Thus, the “Catalogue of the Lord's Holidays and State Celebratory Days”, an integral part of the address calendars, along with the New Year, birthdays, days of accession and coronation, and name days of representatives of the imperial house, included Catholic and Jewish holidays. The official recognition of holidays by the supreme authority allows us to conclude that the tight political and social integration of

the Kingdom of Poland went along with the policy of tolerance regarding various nationalities within the Empire. At the same time, the lists of the holidays show the intention of St. Petersburg to cultivate loyalty in various social strata of the Russian society. It was especially important, taking into consideration the tsarist government's need to suppress the Polish liberation movement. In this context, the authors' observations about the estate policy of Russia regarding the Polish nobility, as well as Catholicism and Orthodoxy in the Kingdom of Poland are very important.

Keywords: Kingdom of Poland, national and confessional politics, address calendars, reference books, state holidays, legal holidays, Orthodox and Catholic holidays, integration of the Kingdom of Poland into the Russian Empire.

* * *

Среди многочисленных источников, к которым обращаются историки в процессе своей работы, отдельное место принадлежит адрес-календарям. Несмотря на специфический характер и скромный удельный вес в общей совокупности источников, адрес-календари, безусловно, имеют большое значение, ибо содержат широкую и зачастую отсутствующую в документах иного происхождения информацию о самых разных сторонах жизни общества в тот или иной период. Адрес-календарь — это в первую очередь комплексный справочник, отражавший различные аспекты жизни различных слоев населения. В нем публиковались списки чинов придворного штата, государственных учреждений гражданского, военного и духовного ведомств, воспитательных и благотворительных учреждений, горнозаводских, телеграфных и судебных округов, учебных заведений, расположенных в губерниях, уездах и городах империи. Помимо этих сведений, в адрес-календарях помещались святцы, роспись праздничных неprisутственных дней в году, календари, часы прибытия и отправления почты в Москве и Петербурге и т. п. данные. В Российской империи адрес-календари издавались с 1765¹ по 1917 г. За столь продолжительный период структура, объем и даже само наименование календаря не оставались неизменными и подвергались корректировке. Необходимость появления такого типа справочника была порождена процессом урбанизации страны. И потому издание его имело вполне утилитарное значение — удовлетворение текущих потребностей жителей городов.

Среди многочисленных справок политического, социального, административного и культурного свойства календари содержат

¹ Календари Петербургской академии наук издавались с 1727 г. (Морозова С.В. Календари и месяцесловы Петербургской академии наук как просветительский проект // История Петербурга. 2009. № 1(47). С. 44, 50).

богатый материал о праздниках и других торжествах, являвшихся непременной частью общественной жизни многонациональной и многоконфессиональной империи. Изучение праздника как одного из общественных институтов² важно не только с точки зрения познания повседневных форм социальной жизни человека, его социокультурного мира. Содержание и структура досуга, способы и приемы его проведения позволяют судить о настроениях, распространенных в разных слоях общества, понять функционирование механизмов воздействия на массовое сознание, формирования устойчивых стереотипов, ибо праздник везде и во все времена представлял собой один из важнейших инструментов диалога между властью и народом, создания положительного образа монарха в целях укрепления его авторитета и влияния³.

Многоаспектность праздника позволяет изучать его с разных сторон и в различных контекстах⁴. Одним из таких контекстов является политика Петербурга в отношении национальных окраин, в данном случае Царства Польского.

Праздничные и торжественные дни в адрес-календарях помещались в разделе «Роспись господским праздникам и статским торжественным дням», в котором, наряду с днями рождения, восшествия на престол, коронации и тезоименитств представителей царствующего дома, были включены «праздничные дни, в которые все судебные места от присутствия, а училища от учения свободны». К таким дням относились двенадцатые (дванадцатые) праздники⁵,

² См.: *Жигульский К.* Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985. С. 67.

³ *Абрамкин О.С.* Отражение отечественной истории в исторических календарях Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. История. 2012. Март. С. 149.

⁴ См.: *Васильев М.И.* Местные праздники в системе праздничной культуры русского народа: традиции и современность // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. М., 2004. С. 10–11; *Глебкин В.В.* Концептуальная структура праздника: от русской культуры XIX века к ранней советской культуре // Россия XXI. 2013. Январь–февраль. С. 76–77; *Гужова И.В.* Целостная модель праздника как феномена культуры // Вестник Томского гос. педагогического университета. 2006. Вып. 7(58). Сер. Гуманитарные науки (философия и культурология). С. 92–94.

⁵ Рождество Христово (25 декабря (7 января)), Крещение Господне (6(19) января), Сретение Господне (2(15) февраля), Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта (7 апреля)), Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, День Святой Троицы, Преображение Господне (6(19) августа), Успение Богородицы (15(28) августа), Рождество Пресвятой Богородицы (8(21) сентября), Воздвижение Креста Господня (14(27) сентября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября (4 декабря)).

«пяток и суббота сырной недели» (неделя перед Великим постом), четверг, пятница и суббота Страстной недели, «Светлая неделя вся», а также дни Чудотворца Николая⁶, праздник Святых Апостолов Петра и Павла, Усекновение главы Иоанна Предтечи, день Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, Покров Пресвятой Богородицы, день Казанской иконы Божией Матери⁷ и Новый Год. Не проводились занятия в учебных заведениях во время «каникулярных или вакациальных дней», по старому стилю с 23 декабря по 1 января (святки). Таким образом, выходные дни совпадали с основными православными праздниками⁸.

Совершались службы и во время праздников-викторий, которые имели «особую смысловую нагрузку», настраивая «на патриотический лад», демонстрировали «силу государства и его армии, готовность встать на защиту Родины, гордость за отечество»⁹. Благодарственные молебны служили за победы, одержанные в ходе Северной войны: «Взятие фрегатов при Гангуте и Гренгаме», «Взятие Нарвы», «Воспоминание победы, одержанной над генералом Левенгауптом», «Взятие крепости Шлиссельбург», во время Семилетней войны — «Воспоминание одержанной над прусской армией победы», а также «Торжественное воспоминание мира между Российской Империей и Оттоманской Портой, заключенного в Кучук-Кайнарджи¹⁰ и присоединение к Российской державе Таврического Царства»¹¹.

При императорском дворе праздновались «кавалерские дни» орденов Святой Анны, Святого равноапостольного князя Владимира, Святого великомученика Георгия¹². В общую роспись были включены

⁶ «Никола вешний» (Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари — 9(22) мая) и «Никола зимний» (память Николая, архиепископа Мир Ликийских) — 6 (19) декабря).

⁷ 29 июня (12 июля), 29 августа (11 сентября), 26 сентября (9 октября), 1(14) октября, 22 октября (4 ноября).

⁸ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1802. СПб. С. XIV–XVII; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1810. СПб. Ч. 1. С. XIV–XVIII.

⁹ Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001. С. 96, 117.

¹⁰ 27 июля (7 августа) 1714, 27 июля (7 августа) 1720, 9 (20) августа 1704, 28 сентября (9 октября) 1708, 11(22) октября 1702, 19 (30) августа 1757, 10 (21) июля 1774 г.

¹¹ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1802. СПб. С. XVII–XVIII; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1810. СПб. Ч. 1. С. XIX; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1840. СПб. 1840. Ч. 1. С. XX.

¹² 3 (15) февраля, 22 сентября (4 октября) и 26 ноября (8 декабря).

ны, помимо праздника всех Кавалерских Российских орденов, кавалерские праздники орденов: Святого Александра Невского, Святой Екатерины, Святого Апостола Андрея Первозванного¹³.

Информация о правительственном аппарате и чиновничестве Царства Польского публиковалась на русском и польском языках в адрес-календарях, выходивших с 50-х годов XIX в.¹⁴ Наряду с перечисленными торжественными и праздничными днями, в эти адрес-календари входили еврейские праздники: Пурим, Пасха (Песах), конец Пасхи, Швиос (Шавуот), Новый Год (Рош ха-Шана), Праздник очищения (Иом-Киппур), Кущи (Суккот), а также каждую неделю Шаббат¹⁵. Это отражало распространенные на польских землях, начиная со второй половины XVIII в., взгляды, согласно которым права и обязанности еврейского населения должны были быть теми же, что и у других граждан¹⁶.

Территориальные изменения, происходившие в империи с XVIII до середины XIX в., нашли отражение и в названии адрес-календаря. С 1860 по 1867 г. он назывался «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем главным управлениям в Империи и в Царстве Польском и в Великом Княжестве Финляндском». Публикация в одном календаре сведений о Российской империи и Царстве Польском отражала процесс интеграции присоединенной в начале XIX в. территории, особенно усилившийся после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. Ликвидация автономии Царства, проходившая в период проведения Великих реформ¹⁷, затронула и административное деление¹⁸. Образованные де-

¹³ 8 (20) августа, 30 августа (11 сентября), 24 ноября (6 декабря), 30 ноября (12 декабря). См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1802. СПб. С. XV–XVII; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1810. СПб. Ч. 1. С. XVII–XIX.

¹⁴ Адрес-календарь или список главный властей Империи и всех властей и чиновников Царства Польского на 1852 год.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ См.: Курнатовский Г. Евреи в Польше. М., 1915. С. 8–9. Равные гражданские и политические права еврейскому населению были предоставлены указом от 24 мая 1862 г. (Dziennik Praw Królestwa Polskiego. 1862. Т. 60. S. 18–33).

¹⁷ См.: Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 192.

¹⁸ См.: Dziennik Praw Królestwa Polskiego. [1837]. Т. 20. S. 412–417; Рейнке Н.М. Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 г.) // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 9. С. 5; Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 29; Миско М.В. Польское восстание 1863 года. М., 1962. С. 9.

сять губерний¹⁹, вместо ранее существовавших пяти²⁰, должны были издавать собственные памятные книжки, сохранив прежний состав праздничных дней. Сведения о Царстве Польском в общеимперском адрес-календаре перестают публиковать с 1868 г., и вплоть до 1917 г. он не меняет своего названия: «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи»²¹.

В 1880-е гг., когда в Российской империи эпоха Великих реформ сменяется периодом реакции, а польские земли, вошедшие в состав Российской империи, именуется, вместо образованного в 1874 г. «варшавского генерал-губернаторства», «Привислинским краем», в Царстве Польском издавался отдельный адрес-календарь, в котором фиксировался целый ряд административных и иных особенностей польских земель в составе империи. Так, «присутственные места губерний Царства Польского освобождались от служебных занятий» во время Нового Года²² и праздников римско-католической церкви: Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы²³, два первые дня Пасхальной недели, Вознесение Господне, Духов день, Божье Тело, Святых Апостолов Петра и Павла, Успение Пресвятой Богородицы, Рождества Пресвятой Богородицы, Всех святых, Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, Рождество Христово²⁴.

Таким образом, на основании высочайшего повеления от 15(27) мая 1881 г. выходными днями были объявлены католические праздники, что отражало своеобразие процесса интеграции и явилось продолжением сложившейся в империи традиции соединения государственных и религиозных праздников²⁵. Несмотря на то что в это время политика инкорпорации Царства вступила в заверша-

¹⁹ Варшавская, Калишская, Петроковская, Радомская, Келецкая, Люблинская, Седлецкая, Плоцкая, Ломжинская, Сувалкская. См.: Положение о губернском управлении в губерниях Царства Польского. 19 (31) декабря 1866 г. // *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. 1866. Т. 66. С. 114–193.

²⁰ 9(21) августа 1844 г. в Царстве Польском вместо ранее существовавших восьми воеводств были созданы Варшавская, Радомская, Люблинская, Плоцкая, Августовская губернии (*Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. 1844. Т. 34. С. 452–459).

²¹ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1868 год. СПб., 1868. См.: *Абрамкин О.С.* Указ. соч. С. 151.

²² 20 декабря (1 января).

²³ 21 января (2 февраля), 13(25) марта.

²⁴ 17(29) июня, 3(15) августа, 27 августа (8 сентября), 20 октября (1 ноября), 26 ноября (8 декабря), 12–24(24–26) декабря.

²⁵ Адрес-календарь 11483-х должностных лиц в губерниях Царства Польского на 1885–1886 гг. Варшава [1884]. С. X.

ющую стадию, российская власть допускала на практике отступление от системы инструкций, в том числе и негласных, и понимала необходимость соблюдения религиозной терпимости. Сохранение католицизма было одной из задач российского правительства²⁶, так как он был ближе к православию, по сравнению с другими распространенными в империи исповеданиями, и не противоречил устоям российского государства²⁷.

Равновесие, нарушенное Ноябрьским восстанием 1830–1831 гг., после подавления Январского 1863–1864 гг. восстания привело к превращению Царства Польского из окраины с особым статусом²⁸ в провинцию, приравненную к прочим российским губерниям, и ускорил начавшийся ранее процесс инкорпорации учреждений Царства в имперскую административную систему.

Изменение статуса Царства Польского от автономного устройства, т. е. права на собственное, хотя и значительно ограниченное, законодательство и самоуправление, до практически полной интеграции в состав Российской империи имело, однако, некоторые исключения. Подчинив законодательные²⁹, административные и губернские учреждения центральной власти, лишив Царство возможности проводить самостоятельную политическую, экономическую, социальную политику, поставив под контроль просвещение и культуру, российское правительство объявило на территории Царства праздники римско-католической церкви выходными днями.

На фоне ущемления гражданских и национальных прав польских подданных империи наблюдалось сохранение и даже укрепление конфессионального фактора польской идентичности, что в частности нашло выражение в религиозных праздниках, отражавших ведущую роль католицизма не только как господствующего вероисповедания,

²⁶ Полная свобода вероисповедания была провозглашена в 1832 г. в Органическом статуте (*Рейнке Н.М.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 г.) // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 9. С. 16).

²⁷ См.: *Рейнке Н.М.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 г.) // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 10. С. 5; *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 80–81.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 33. СПб., 1830. № 25863. С. 146–147; *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1882. С. 233–244; *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980. С. 331; *Чернуха В.Г.* Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // Исторические записки. 2003. № 6(124). С. 134–137; *Раскин Д.И.* Система институтов Российской имперской государственности конца XVIII — начала XX вв. Дисс... доктора. ист. наук. СПб., 2006. С. 7; и др.

²⁹ См.: *Рейнке Н.М.* Законодательная централизация в применении к Царству Польскому // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 10. С. 51.

но и как важнейшей силы, повлиявшей практически на все без исключения стороны жизни польского общества во всех частях разделенной Польши. Наряду с официальными праздниками, ориентированными «на событие, имеющее особую значимость для истории Российской империи, поддерживающее государственную идеологию и несущее пафос государственности»³⁰ акцент был сделан на религиозные праздники, отражающие особенности культуры и транслирующие национальные традиции и идеи от одного поколения к другому.

Таким образом, обращение к исследованию адрес-календарей, которые практически не используются в работах, посвященных изучению политической истории Царства Польского середины — второй половины XIX в., дает возможность расширить источниковую базу и рассмотреть особенности процесса интеграции польских земель в состав Российской империи, в том числе и на примере торжественных и праздничных дат.

References

Abramkin O.S. *Otazheniye otechestvennoy istorii v istoricheskikh kalendaryakh Rossiyskoy imperii* [Reflection of National History in the Historical Calendars of the Russian Empire] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. Is. 1. Istoriya. 2012. March, pp. 149–154.

Askenazi Sh. *Tsarstvo Pol'skoye 1815–1830 gg.* [The Kingdom of Poland. 1815–1830]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve, 1915. 168 p.

Bardach Ju., Leśnodorski B., Pietrzak M. *Istoriya gosudarstva i prava Pol'shi* [A History of the State and Law of Poland]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1980. 559 p.

Chernukha V.G. *Problemy izucheniya imperii i imperskaya funktsiya pasporta* [The Problems of Studying the Empire and the Imperial Function of the Passport] // *Istoricheskiye zapiski*. 2003. № 6 (124), pp. 132–142.

Glebkin V.V. *Kontseptual'naya struktura prazdnika: ot russkoy kul'tury XIX veka k ranney sovetskoy kul'ture* [The Conceptual Structure of the Holiday from the 19th-Century Russian Culture to Early Soviet Culture] // *Rossiya XXI*. 2013. January–February, pp. 68–87.

Gorizontov L.E. *Paradoksy imperskoy politiki: polyaki v Rossii i russkiye v Pol'she* [The Paradoxes of Imperial Politics: the Poles in Russia and the Russians in Poland]. Moscow: Indrik, 1999. 272 p.

Guzhova I.V. *Tselostnaya model' prazdnika kak fenomena kul'tury* [A Holistic Model of the Holiday as a Cultural Phenomenon] // *Vestnik Tomskogo*

³⁰ Келлер Е.Э. Указ. соч. С. 93. См. также: Орлов О.Л. Российский праздник как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства. 2011. № 1(6). С. 32–41; Новиков Г.В. социально-культурные предпосылки возникновения государственного праздника // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 4(48). С. 129–134.

- gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2006. Is. 7 (58). Ser.: Gumanitarnyye nauki (filosofiya i kul'turologiya), pp. 92–94.
- Keller E.E. *Prazdnichnaya kul'tura Peterburga: Ocherki istorii* [St. Petersburg Festive Culture: Essays on History]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Mikhaylova, 2001. 319 p.
- Kurnatovskiy G. *Yevrei v Pol'she* [Jews in Poland]. Moscow: Iris, 1915. 46 p.
- Martens F.F. *Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern International Law of Civilized Peoples]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke), 1882. 418 p.
- Misko M.V. *Pol'skoye vosstaniye 1863 goda* [The 1863 Polish Uprising]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. 336 p.
- Morozova S.V. *Kalendari i mesyatseslovy Peterburgskoy akademii nauk kak prosvetitel'skiy proyekt* [Calendars and Menologies in Petersburg Academy of Sciences as an educational project] // *A History of Petersburg: Nestor*. 2009. № 1 (47):, pp. 44–53.
- Novikov G.V. *Sotsial'no-kul'turnyye predposylki vozniknoveniya gosudarstvennogo prazdnika* [Socio-cultural Background of the State Holiday] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2012. № 4 (48), pp. 129–134.
- Orlov O.L. *Rossiyskiy prazdnik kak fenomen kul'tury* [Russian Holiday as a Cultural Phenomenon] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. 2011. № 1 (6), pp. 32–41.
- Raskin D.I. *Sistema institutov rossiyskoy imperskoy gosudarstvennosti kontsa XVIII – nachala XX vv. Avtoreferat diss. ... doktora istoricheskikh nauk* [The System of Institutions of Russian Imperial Statehood of the Late 18th – Early 20th Centuries. Autoabstract Diss. for Doctor Degree in History]. Saint Petersburg: Nestor, 2006. 54 p.
- Reinke N.M. *Ocherk zakonodatel'stva Tsarstva Pol'skogo (1807–1881 g.)* [An Essay on the Legislation of the Kingdom of Poland (1807–1881)] // *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 1901. № 9, pp. 1–43; № 10, pp. 1–72.
- Reynke N.M. *Zakonodatel'naya tsentralizatsiya v primenenii k Tsarstvu Pol'skomu* [Legal Centralization as Applied to the Kingdom of Poland] // *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 1906. № 10, pp. 48–68.
- Vasil'yev M.I. *Mestnyye prazdniki v sisteme prazdnichnoy kul'tury russkogo naroda: traditsii i sovremennost'* [Local Holidays in the Festive Culture of the Russian People: Traditions and the Present Day] // *Perekrestok kul'tur: Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v oblasti gumanitarnykh nauk* [Crossroads of Cultures: Interdisciplinary Research in the Field of Humanities]. Moscow: Logos, 2004, pp. 10–32.
- Zhyhul'skiy K. *Prazdnik i kul'tura. Prazdniki staryye i novyye. Razmyshleniya sotsiologa* [Holiday and Culture: Old and New Holidays. The Sociologist's Reflections]. Moscow: Progress, 1985. 336 p.

Поступила в редакцию
17 сентября 2018 г.

И.В. Лукоянов

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ.
И ИЗМЕНЕНИЯ В МЕХАНИЗМАХ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ**

I.V. Lukoianov

**THE RUSSO-TURKISH WAR 1877–1878 AND CHANGES
IN THE MECHANISMS OF RUSSIAN FOREIGN POLICY**

Аннотация. Статья посвящена политике России на Балканах в канун русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В центре внимания — действия посла России в Константинополе графа Н.П. Игнатьева и его единомышленника генерала Р.А. Фадеева, которые осуществлялись помимо официального курса МИД. За несколько лет до вооруженного конфликта они предложили план разрушения Турции с помощью комбинированного удара по ней с юга (силами хэдива Египта Исмаила), с Балканского полуострова (восстанием славянских народов, которому способствовала бы Россия) и, наконец, прямыми военными действиями русской армии со стороны Кавказа. Предполагалось, что в результате такого удара будет достигнута независимость Египта, удастся восстановить государственность славянских народов на Балканах, а Россия получит контроль над черноморскими проливами и Константинополем. Разумеется, реализовать этот авантюрный замысел полностью было невозможно, так как он не учитывал международный контекст. Однако некоторые детали плана Игнатьева–Фадеева нашли отражение в начавшемся в 1875 г. восстании на Балканах, в помощи России болгарам и сербам и, наконец, в содержании предварительного Сан-Стефанского мирного договора. Но главное значение имело то обстоятельство, что в ходе всех этих событий Петербург одновременно придерживался двух разных курсов: линии Игнатьева–Фадеева, рассчитанной на решение балканских проблем между Россией и Турцией «один на один», и линии официального МИД во главе с князем А.М. Горчаковым, который уповал на решения «концерта держав». Двойственность в политике проступала на разных уровнях, вклю-

* *Лукоянов Игорь Владимирович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой истории России, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института истории РАН; профессор ВШЭ (Санкт-Петербург)

Lukoianov Igor' Vladimirovich, Doctor in History, Leading Research Fellow, Department of New History of Russia, Deputy Director for Research, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; professor of Higher School of Economics, Saint Petersburg

+7(812)235-15-80; lukoianov@yandex.ru

чая решения Александра II. Это нашло отчетливое выражение в серьезных различиях между условиями Сан-Стефанского мирного договора и решениями Берлинского конгресса 1878 г. Такое раздвоение внешней политики Петербурга имело следствием падение роли МИД в международных делах. Оно было характерно не только для рассматриваемого периода, но продолжилось и в будущем, сказавшись в целом ряде действий 1880–1890-х гг.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., политика России на Балканах, Н.П. Игнатьев, Р.А. Фадеев, А.М. Горчаков, Сан-Стефанский мирный договор, инструменты внешней политики.

Abstract. The article concerns the Russian policy in the Balkans on the eve of the Russo-Turkish war of 1877–1878 and focuses on the activity of the Russian ambassador to Constantinople, Count N.P. Ignatiev, and his associate, General R.A. Fadeev, that was carried out outside the scope of the official policy of the Ministry of Foreign Affairs. A few years before the armed conflict, they proposed a plan for the destruction of Turkey in the result of a combined attack from the south (by the forces of the khedive of Egypt, Isma'il Pasha), from the Balkan Peninsula (by the uprising of Slavic peoples instigated by Russia) and, finally, by direct military operations of the Russian army from the Caucasus. It was assumed that such an attack would lead to Egypt's independence, restoring the Slavic states in the Balkans, and establishing Russian control over the Black Sea straits and Constantinople. This adventurous project was not entirely viable, since it neglected the international context. However, some its elements were implemented during the uprising in the Balkans that started in 1875, when Russia helped the Bulgarians and Serbs, and, finally, certain ideas of the Ignatiev–Fadeev plan were reflected in the content of the preliminary San Stefano Peace Treaty. But the most important was that Saint Petersburg simultaneously followed two different directions in its policy – the Ignatiev–Fadeev plan, worked out to resolve the Balkan problems between Russia and Turkey, “one on one”, and the official policy of the Ministry of Foreign Affairs headed by Prince A.M. Gorchakov, who relied on the decisions of the “concert of powers”. This ambivalence was evident at various levels, including Alexander II's decisions. It predetermined the considerable differences between the terms of the San Stefano Peace Treaty and the 1878 Berlin Congress. Such a split of Saint Petersburg's foreign policy resulted in a decline in the role of the Ministry of Foreign Affairs on the global stage. This decline further evolved and affected the situation in the 1880–1890s.

Keywords: Russian politics in the Balkans, The Russo-Turkish war of 1877–1878, N.P. Ignatiev, R.A. Fadeev, A.M. Gorchakov, San Stefano Peace Treaty, foreign policy instruments.

* * *

Историки не распространили понятие «Великие реформы» Александра II на сферу внешней политики, хотя, как показали исследования последних десятилетий, их перечень пока не закрыт (например, В.Г. Чернуха предлагает рассматривать в качестве одной

из них преобразования в области финансов)¹. Представляется, что действия России на международной арене также заслуживают того, чтобы поставить вопрос о масштабе перемен, которые произошли в правление «царя-освободителя».

А.М. Горчакова, бессменного в царствование Александра II министра иностранных дел (1856–1882), исследователи справедливо признают выдающимся дипломатом. Действительно, в 1860-е гг. он произвел радикальную смену курса, способствовал появлению Германской империи, что помогло России отказаться от унижительных условий Парижского мира 1856 г. Разумеется, нужно помнить, что все ключевые решения относительно международных дел принимал император. Однако в начале 1870-х гг. светлейший князь, по-видимому, посчитал свою задачу выполненной и вернулся к прежней схеме «концерта» в европейских делах (конечно, не забывая о существенных различиях интересов крупнейших стран, в него входящих). В 1873 г. А.М. Горчаков утверждал: «Для спокойствия на Востоке нужно единство держав. Если между ними существует вражда, любой инцидент может привести к кризису»². Граф Н.П. Игнатьев позже упрекал канцлера в том, что он верил «в “европейский концерт”, жаждал конференций и конгрессов, предпочитая громкие фразы и блестящие беллетристические произведения настоящему действию, не столь эффектно, но упорному, настойчивому и основательному»³. Это нашло выражение, прежде всего, в балканской политике России.

Н.П. Игнатьев был одной из ключевых фигур, придерживавшихся иных, чем А.М. Горчаков, взглядов и противостоявший министру иностранных дел с 1860-х гг. От князя его отличало значительное внимание к делам Востока и стремление к более энергичным и инициативным действиям. С особенной силой это проявилось во время службы Н.П. Игнатьева представителем России в Константинополе в 1864–1877 гг. (с 1867 г. — послом). Европейским державам он вообще не доверял. Не исключая соглашений с ними, он искал различные эффективные инструменты для внешнеполитической деятельности, например, в виде поддержки народно-освободительных движений, что было невозможно для А.М. Горчакова. Еще в 1866–1867 гг. он

¹ Чернуха В.Г. Активное законотворчество 1859–1866 гг. // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 310, 322–327.

² Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 196–197.

³ Игнатьев Н.П. Фрагменты записки о политике России в отношении Турции перед войной 1877–1878 гг. // РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

писал в министерство о необходимости подготовиться к неизбежному восстанию балканских славян во главе с Сербией против власти Турции с тем, чтобы помогать ему и руководить им⁴. Итогом его должно было стать создание конфедерации славянских государств и обретение Константинополем нового статуса как вольного города, «освобожденного» от турок. По большому счету это являлось планом действий самого графа в первой половине 1870-х гг. Достичь желаемых целей Н.П. Игнатьев надеялся в прямых контактах России и Турции, не вовлекая в них другие державы. Он не был сторонником войны, но не отрицал ее вероятности.

Со временем расхождения между двумя дипломатами в оценке путей и возможностей решения основных внешнеполитических задач России лишь увеличивались. Важным этапом в этом процессе стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Ее дипломатическая история в общем хорошо известна, однако в литературе она представлена официальной позицией Петербурга, которую выражало Министерство иностранных дел, другие же мнения и инициативы затрагивались лишь вскользь, им не придавалось важного значения⁵. Между тем взгляд на международную политику России через призму ведомственного делопроизводства вряд ли верен: такой подход игнорирует некоторые процессы в управлении Российской империей во второй половине XIX в., которые захватывали и внешнеполитическую деятельность. В последние годы этот пробел начали заполнять исследования, посвященные деятельности Н.П. Игнатьева. В них изменилась оценка его действий на Балканах, а сам он, наконец, был признан важнейшей фигурой в тех событиях, отмечена и самостоятельность его линии поведения⁶. Однако до сих пор в тени остается его единомышленник генерал Р.А. Фадеев, который сыграл не меньшую, а в отдельных аспектах, может быть, и большую роль в подготовке освобождения славянских земель⁷. Изучение деятель-

⁴ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 193–196.

⁵ Характерно в этом отношении последнее по времени исследование причин и результатов русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в котором вся ее дипломатическая история сведена к маневрам великих держав и межведомственному обсуждению позиции России в Петербурге (*Рыбачёнок И.С.* Россия и Берлинский конгресс 1878 года // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 142–168).

⁶ Хевролина В.М. Указ. соч.; Канева К. Рыцарь Балкан граф Н.П. Игнатьев. М., 2006.

⁷ Впервые о нем обстоятельно написал О.В. Кузнецов (*Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 88–92). В.М. Хевролина лишь кратко упомянула египетский план Р.А. Фадеева (который был «не больше, чем авантюрой»),

ности генерала раскрывает с новой стороны планы Н.П. Игнатьева, а также показывает неоднозначность курса Петербурга, что позволяет поставить вопрос об общей оценке внешней политики России в те годы и о ее механизмах, выходявших за пределы Министерства иностранных дел.

Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883) — сын крупного чиновника кавказской администрации эпохи николаевского царствования Андрея Михайловича Фадеева, генерал, ближайший сотрудник генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского, участник Кавказской войны, известный публицист, автор нашедших в свое время публицистических сочинений «Чем нам быть?» и «Письма о современном состоянии России», наконец, родной дядя С.Ю. Витте, способствовавший его выдающейся карьере. Потерпев чувствительную неудачу вместе со своим патроном в борьбе с военной реформой Д.А. Милютина на рубеже 1860–1870-х гг., он переключился на более широкие политические вопросы. Через свои «кавказские» знакомства (граф И.И. Воронцов-Дашков) Р.А. Фадеев оказался вхож в окружение наследника престола Александра Александровича, фрондировавшего против «Великих реформ» своего отца. Покровительство этих людей давало возможность активному генералу действовать, не слишком оглядываясь на чиновников, которых он откровенно недолюбливал.

В 1870-е гг. в сфере его внимания попали Балканы. Подъем там народно-освободительных движений, возникновение и деятельность славянских комитетов в России будоражили общественное мнение империи. Поддерживая неофициально борьбу славян за независимость, Петербург в лице МИД не хотел прямого столкновения с Турцией, так как опасался повторения сценария Крымской войны 1853–1856 гг.

Сначала Р.А. Фадеев действовал в рамках плана Н.П. Игнатьева, но в отличие от графа он сразу склонялся к военному решению проблемы, полагая неэффективными уговоры турок. Генерал предлагал иную линию усилий России на Балканах и Ближнем Востоке: в их основе должен лежать не «концерт» держав, как у МИД, а действия, основанные на «твердой почве», т. е. подкрепленные силой оружия⁸. Р.А. Фадеев был уверен, что на Балканах назревает война славян против господства турок, этот вывод он сделал в 1875 г. еще до начала

не придав ему значения (Указ. соч. С. 235). Английская историография, основываясь на донесениях британских дипломатов, отнеслась к русскому генералу более серьезно (Sumner B.H. *Russia and the Balkans, 1870–1880*. Oxford, 1937. P. 70–71).

⁸ Записка Р.А. Фадеева великому князю Александру Александровичу. 30 июня 1875 г. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 455. Л. 16–32.

восстания в Боснии и Герцеговине. Однако Н.П. Игнатъев скептически относился к возможностям сербов, полагая, что у Турции хватит сил подавить их выступление. Примерно в 1874–1875 гг. друзья-заговорщики сформулировали уже более-менее внятный план военного решения балканских проблем. Н.П. Игнатъев считал, что «первое условие успеха для нас» в Восточном вопросе — «вести египтян в Азию» для раздела Турции, которая, «несомненно, переживает теперь свою последнюю, смертельную болезнь». «Но в гибели Турции для нас важно далеко не одно только торжество единокровных и единоверных славян над мусульманским игом, а еще другое, гораздо важнейшее: вопрос о проливах»⁹.

В 1874 г. Р.А. Фадеев получил приглашение от правителя Египта Исмаила приехать к нему и с высочайшего соизволения¹⁰ в январе 1875 г. отправился на встречу¹¹. Идея, предложенная Н.П. Игнатъевым и изложенная Р.А. Фадеевым, предполагала одновременное нанесение сокрушительного удара по Турции с трех сторон: восстание славян на Балканах, выдвижение 100-тысячной армии египетского хэдива в Сирию и наступление русских сил из Закавказья («идти вперед, если пожар охватит европейские области, и забирать что можно как залог будущего»). Египет и славяне получали бы в итоге независимость, а Россия — контроль над черноморскими проливами¹². Этот план, доведенный до Исмаила во время частых доверительных разговоров его с Р.А. Фадеевым («хэдив Исмаил допустил меня близко к себе»)¹³, произвел на слушателя «чрезвычайно сильное, но, видимо, приятное впечатление»¹⁴. Глава Египта предложил русскому генералу принять командование над египетской армией.

Хэдив с его войском был нужен Р.А. Фадееву еще и для другой цели. «Спустить же на Турцию, даже при полной удаче местного восстания (что еще сомнительно), бушующие, никем не направляемые, никем не сдерживаемые силы греков и славян — не значит идти к решению Восточного вопроса, сколько-нибудь для нас пригодному.

⁹ Р.А. Фадеев — И.И. Воронцову-Дашкову. 13 (25) декабря [1875 г.] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2707. Л. 13 об.

¹⁰ О получении такового Р.А. Фадеев упомянул в записке «Значение болгарского дела в турецкой войне», 1 октября 1876 г. (РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 144. Л. 4 об.).

¹¹ В Россию генерал вернулся в мае 1876 г. (*Sumner B.H.* Op. cit. P. 70).

¹² Кузнецов О.В. Указ. соч. С. 88–92.

¹³ Р.А. Фадеев — великому князю Александру Александровичу. 30 июня 1875 г. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 455. Л. 1.

¹⁴ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатъеву. 12 ноября 1875 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 14 об.

При таком конце его нам пришлось бы еще пожалеть о том времени, когда на проливах сидела Турция». То есть «освобожденные» от турок проливы пришлось бы сразу защищать от «братьев-славян»: нужно «дать в руки константинопольскому посольству две разнородные силы, посредством которых оно могло бы маневрировать, умеряя одну другою»¹⁵.

Для осуществления смелого, но откровенно авантюрного плана требовалась реорганизация египетской армии, которую могли бы провести русские офицеры. Разумеется, участие в этом Петербурга следовало скрыть. Понимая скользкость темы, Р.А. Фадеев уверял наследника престола (а вместе с ним и Александра II), что он вел себя грамотно и что в дальнейшем, не предполагая состоять на египетской службе, будет наезжать к хэдиву под видом путешественника (будто это могло ввести кого-либо в заблуждение)¹⁶.

Оптимистичные надежды, так успешно представленные наследнику престола и его окружению (прежде всего графу И.И. Воронцову-Дашкову), уже к концу 1875 г. сменились сначала тревогой, а затем и разочарованием. От замысла использовать египетское войско пришлось отказаться: походы хэдива против Эфиопии, закончившиеся неудачей, показали крайнюю слабость его армии¹⁷. К этому добавились новые трудности Исмаила, связанные с продажей в ноябре 1875 г. принадлежавшего ему пакета акций Суэцкого канала (46 процентов) англичанам. Это позволило Лондону претендовать на более широкий контроль над египетскими делами и требовать реформ, чего правитель Египта, разумеется, не желал. В отношении Турции хэдив демонстрировал нерешительность, не верил в ее скорое падение¹⁸. Тем не менее, и в конце 1875 г. Р.А. Фадеев по-прежнему уверял своего покровителя И.И. Воронцова-Дашкова, а через него и наследника престола Александра Александровича, что Исмаил «более, чем когда-нибудь хочет действовать в русской политической системе,

¹⁵ Р.А. Фадеев — И.И. Воронцову-Дашкову. 13 (25) декабря [1875 г.] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2707. Л. 14.

¹⁶ Осторожность вскоре оказалась очень кстати: в феврале 1876 г., когда вовлечение Египта в сферу российской балканской политики окончилось неудачей, Р.А. Фадеев, как ни в чем не бывало, писал своему единомышленнику, что он никогда и не думал создавать египетскую армию, а использовал этот вопрос лишь как предлог (Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 24 февраля 1876 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 21).

¹⁷ В неудаче хэдива Р.А. Фадеев обвинил Н.П. Игнатьева: это якобы он втравил Египет в абиссинскую авантюру (Р.А. Фадеев — И.И. Воронцову-Дашкову. 13 (25) декабря [1875 г.] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2707. Л. 13).

¹⁸ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 24 декабря 1875 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 17.

разумеется, не ссорясь с англичанами прежде времени»¹⁹. На деле же все обстояло совсем иначе.

Р.А. Фадеев искал любые пути разрешения возникших трудностей: пытался давить на правителя Египта, искал через Н.П. Игнатьева содействия великих князей, чтобы кто-нибудь из них обласкал сына Исмаила Гуссейна, хлопотал, чтобы советнику хэдива по международным делам (фактическому министру иностранных дел) Барро, который, как считал Р.А. Фадеев, находился на его стороне, дали какой-нибудь русский орден (например, Станислава)²⁰. В итоге генерал добился лишь обещания Исмаила выступить в Сирию, «если дойдет до разрыва Сербии и Черногории с Турцией»²¹. Однако вскоре, когда такой разрыв произошел, хэдив не только никуда не двинул свое войско, но и послал на Балканы по требованию Константинополя более 10 тысяч своих солдат (в России, правда, отнеслись к этому с пониманием). К лету 1876 г. Р.А. Фадеев уже не верил Исмаилу, но все еще надеялся, что тот «может сыграть в последнем акте роль черта в марионетках»²², еще мечтал «двинуть» хэдива в Сирию, считая его участие важным условием для победы над Турцией²³. Для этого ему нужно было получить лишь «точку опоры»²⁴, которую, как назло, генерал никак не мог обрести.

Действия Н.П. Игнатьева и Р.А. Фадеева, проводившиеся если и не при прямой поддержке, то во всяком случае с молчаливого одобрения части столичных верхов, показали наличие среди российских сановников существенных расхождений по вопросу о том, какой должна быть внешняя политика Петербурга в Восточном вопросе и какими методами ее вести. Эти действия не были тайной для МИД (в курс дела ввели товарища министра иностранных дел Н.К. Гирса), о них также регулярно информировали Александра II (преимущественно через наследника престола и через министра двора А.В. Адлерберга)²⁵. Фактически приятели создали отдельный канал для продвижения

¹⁹ Р.А. Фадеев — И.И. Воронцову-Дашкову. 13 (25) декабря [1875 г.] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2707. Л. 11.

²⁰ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 14 апреля 1876 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 22.

²¹ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 24 февраля 1876 г. // Там же. Л. 20.

²² Р.А. Фадеев — И.И. Воронцову-Дашкову. 9 мая 1876 г. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 457. Л. 1.

²³ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 15 июня 1876 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 27 об.

²⁴ Там же. Л. 28 об.

²⁵ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 1 августа 1875 г. // Там же. Л. 10.

своих решений, где официальный МИД играл роль лишь посвященной в замысел (но не в детали!) инстанции.

Таким образом, уже за несколько лет до начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. политику России относительно Балкан и проливов нельзя назвать ни единой, ни цельной. Р.А. Фадеев, сообщая великому князю Александру Александровичу планы дальнейших действий, подчеркивал, что он не отступает «ни на шаг из общего направления дел», имея в виду, правда, не Петербург, а курс, проводимый «императорским посольством в Константинополе»²⁶. Так как российский МИД препятствовал деятельности Р.А. Фадеева в Египте, генерал воспользовался этим и свалил ответственность за свой провал на министерство (которое «испортило это дело»)²⁷. В конце мая 1876 г. Р.А. Фадеев на встрече с великим князем Александром Александровичем рассказал наследнику престола о *самостоятельных* действиях посла, направленных на то, чтобы привести Турцию в состояние бессилия. В ответ собеседник выразил «неограниченное его доверие» к политике Н.П. Игнатьева²⁸. Уже тогда Р.А. Фадеев настаивал на том, что посол в Константинополе является единственным выразителем «русского направления» во внешней политике России²⁹, объявив его сторонником лишь Н.К. Гирса («Гирс действительно желает от всей души вести дело в чисто русском духе»)³⁰. Самостоятельные действия Н.П. Игнатьева — это не только иные решения, но и приемы деятельности, включая личную дипломатию, по части которой граф был большим мастером. Трудно сказать, понимал ли будущий Александр III, какое значение имеет поддержка «немидовской» линии во внешней политике России, но он знал, что А.М. Горчаков с ней не согласен.

²⁶ Р.А. Фадеев — великому князю Александру Александровичу. 30 июня 1875 г. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 455. Л. 1 об. Позднее генерал самоуверенно утверждал, что Н.П. Игнатьев и Н.К. Гирс лишь «становились до сих пор на стороне каждого из моих мнений» (Сопроводительное письмо Р.А. Фадеева А.В. Адлербергу к его записке «Дополнение к записке о болгарском деле». 20 ноября 1876 г. // РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 59. Л. 1).

²⁷ Р.А. Фадеев — И.С. Аксакову. 17 июля 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. М., 1961. С. 301.

²⁸ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 25 мая 1876 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 24.

²⁹ Р.А. Фадеев — И.И. Воронцову-Дашкову. 9 мая 1876 г. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 457.

³⁰ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 15 июня 1876 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 26. Н.К. Гирс тогда не возражал генералу, но спустя несколько лет (конец 1886 — начало 1887 г.) М.Н. Катков начал травлю Гирса-министра именно за то, что он не отражал этот самый «русский дух» во внешней политике России.

Относительно славянского движения на Балканах дуэт Н.П. Игнатъева и Р.А. Фадеева также имел собственные планы, отличные от МИД. Н.П. Игнатъев долгое время, еще с 1860-х гг., исподволь готовил всплеск антитурецких действий балканских славян. В 1870-е гг. эта деятельность только усилилась. А.М. Горчаков, разумеется, знал о ней, но решительных мер для ее пресечения не принимал. В Петербурге полагали, что защита интересов славян, а также изменение статуса черноморских проливов должны быть предметами переговоров с другими европейскими державами (прежде всего с Австро-Венгрией и Германией), чтобы сообща воздействовать на Константинополь. Накануне боснийско-герцеговинского кризиса 1875 г. российский МИД допустил явный просчет, успокаивая себя установившимся согласием «между тремя дворами», спокойным состоянием умов на Балканах и мнимой устойчивостью Турции³¹. В июне 1875 г., получив известие о волнениях в европейской части Турции, ближайший сотрудник А.М. Горчакова А.Г. Жомини сразу заявил: «Главное — во что бы то ни стало продемонстрировать единство трех держав в роли умиротворителей»³². О невозможности выхода России из «пятеричного соглашения» Н.К. Гирс прямо заявлял Р.А. Фадееву³³. Эту же позицию разделял Александр II, он отказал в октябре 1875 г.³⁴ и в октябре 1876 г. Н.П. Игнатъеву в реализации его плана решения балканской проблемы исключительно между Россией и Турцией, «сославшись на данное им в Рейхштадте Францу-Иосифу слово “ничего не предпринимать без предварительного соглашения с Австро-Венгрией” и действовать сообща с Веней и Берлином»³⁵. Однако позиция монарха была, по видимому, более сложной, так как она в таком случае исключала бы поездку Р.А. Фадеева в Египет или самостоятельность действий Н.П. Игнатъева в Константинополе.

Конечно, за таким поведением Петербурга скрывались веские причины. Недостаточно сильные позиции России в Европе (с момента окончания Крымской войны не прошло и 20 лет), а также сопротивление Англии, опасавшейся усиления влияния России на

³¹ *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 195, 204–205.

³² Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. С. 199.

³³ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатъеву. 25 мая 1876 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 24 об.

³⁴ *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 226.

³⁵ *Игнатъев Н.П.* Фрагменты записки о политике России в отношении Турции перед войной 1877–1878 гг. // РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 30. Л. 4 б.

Балканах, объективно мешали А.М. Горчакову действовать более энергично. Но в ответ в России быстро сформировалось сильное прославянское движение (в лице славянских комитетов), требовавшее активной и быстрой помощи единоверцам на Балканах. На стороне и при поддержке этих сил действовали Н.П. Игнатъев и Р.А. Фадеев. От намерения просто распространить неограниченную власть Петербурга на Балканы (панславизм в духе Н.Я. Данилевского) их отличало стремление к созданию независимых государств, которые были бы самостоятельны во внутренних делах, координируя с Россией лишь внешнюю политику. Вопрос о контроле России над черноморскими проливами они увязывали с необходимостью их выхода на берега Мраморного и Эгейского морей, добиваться своих целей они собирались путем прямых переговоров с турками. В свою очередь, А.М. Горчаков и его окружение полагали, что более скромные успехи могут стать лишь итогом скоординированного международного давления на Константинополь. Разница состояла еще и в том, что если А.М. Горчаков до последнего надеялся на мирный исход славяно-турецкого конфликта с помощью вмешательства великих держав, то Н.П. Игнатъев и Р.А. Фадеев с самого начала полагали, что войны вряд ли удастся избежать и поэтому готовились прежде всего к ней, хотя формально выступали против конфликта. Р.А. Фадеев уверял И.И. Воронцова-Дашкова в своем пацифизме: «В последнем письме из Константинополя я представил Вам свои сомнения насчет активного нашего вмешательства в решение Восточного вопроса в нынешнее царствование, разве дойдет до самой крайности; но в том и задача, чтобы не дойти до крайности»³⁶. Однако это «не дойти» не подкреплялось соответствующими действиями. Наоборот, друзья увязали поведение России не с позицией европейских держав, а с мечтами и надеждами балканских славян, отодвигая другие международные договоренности на задний план. Риск? Конечно, к тому же Н.П. Игнатъев неоднократно предупреждал, что он не в состоянии будет контролировать вспыхнувшее славянское восстание. Тем не менее план Игнатъева–Фадеева отличала смелость замысла, в его основе лежало лучшее знание обстановки на Балканах и Ближнем Востоке, а также четкое понимание, к какому исходу кризиса следует стремиться России. Они мало считались с угрозой неблагоприятной реакции на свои действия со стороны европейских стран (последнее являлось сильной стороной в позиции МИД).

³⁶ Р.А. Фадеев — И.И. Воронцову-Дашкову. 13 (25) декабря [1875 г.] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2707. Л. 14.

Первоначальная ставка была сделана на Сербию, но Р.А. Фадеев вскоре изменил свои оценки: «Сербия — окраина, не влияющая на исход Восточного вопроса, который в нашем русском смысле решается весь без остатка в Булгарии»; «...за Сербией оставалось лишь значение спички, поджигающей старое турецкое здание с дальнего конца»³⁷. С началом Апрельского восстания в Болгарии (1876 г.) генерал бросился помогать ему, полагая, что сербско-болгарский удар по Турции будет более серьезным: «Война с сербскими и греческими племенами для нее — канцер в членах, от которого можно спастись ампутацией; война в Булгарии — рак в желудке»³⁸. Концептуальная записка Р.А. Фадеева «Значение болгарского дела в турецкой войне (формирование правительственных болгарских полков)» от 1 октября 1876 г. была представлена Александру II. В ней генерал выражал уверенность в неизбежности русско-турецкой войны, а также в том, что русской армии необходимо будет перейти через Дунай (о чем говорил и Н.П. Игнатьев) и занять всю Болгарию «быстро и почти беспрепятственно» при обязательной поддержке сильного восстания болгар («в Болгарии сосредоточиваются все наши интересы»). Болгарское участие в его глазах было призвано компенсировать несостоявшийся удар со стороны Египта («теперь Египет может быть заменен только появлением на сцену неожиданного самостоятельного болгарского восстания»)³⁹. Успех плана казался автору почти несомненным: турецкие войска скованны боевыми действиями против Сербии и Черногории, а «болгары — самый преданный России народ» — при поддержке русской армии смогут решить участь Константинополя и проливов в интересах России. Независимость Болгарии и проведение ее южной границы как можно ближе к Мраморному морю представлялись генералу решением проблемы проливов в два приема⁴⁰. Идеалом Р.А. Фадеев считал немедленный захват Дарданелл, уповая на быстроту: успеть до того, как европейские державы опомнятся, чтобы поставить их перед фактом. Конечно, это была авантюра. Однако нельзя не при-

³⁷ Фадеев Р.А. Значение болгарского дела в турецкой войне (формирование правительственных болгарских полков). 1 октября 1876 г. // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 144. Л. 5.

³⁸ Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 15 июня 1876 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 27.

³⁹ Р.А. Фадеев — И.С. Аксакову. 17 июля 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 301.

⁴⁰ Фадеев Р.А. Дополнение к записке о болгарском деле // РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 59. Л. 7 об. — 8.

знать: уже в конце 1876 г. Р.А. Фадеев предвидел грядущие события и набросал контуры будущего устройства Балкан.

При этом представления генерала о европейских делах не являлись детальными и точными. Он полагал, что Европа в те годы была уже поделена на два лагеря — сторонников Германии и Франции. Главным препятствием для продвижения интересов России Р.А. Фадеев видел Англию⁴¹. Генерал вначале не достаточно четко представлял себе позицию Лондона в будущем конфликте, что было слабым местом в его рассуждениях. Со слов лорда О. Лофтуса, он смело утверждал, что имперский кабинет не интересуется вопросом о сохранении султаната в Константинополе⁴². Однако уже в конце 1876 г., еще до начала русско-турецкой войны, он стал рассматривать возможность, в случае конфликта, захвата англичанами Константинополя. Это пугало российский МИД, в мае 1877 г. А.М. Горчаков уверял державы, что захват турецкой столицы не входит в планы России, ей нужно лишь изменение статуса проливов, причем решение об этом должно приниматься по общему согласию держав⁴³. Р.А. Фадеев же предложил искать выход в соглашении Петербурга с Парижем и союзе с Германией, которая, по уверению генерала, не была заинтересована в проблеме проливов. Все это, конечно, было наивно.

Альтернативную программу действий разрабатывали славянские комитеты в России, где ключевую роль играли И.С. Аксаков и генерал М.Г. Черняев. В освобождении Балкан они делали ставку на сербов. Для этого покоритель Ташкента не только отправился в Сербию (несмотря на запрет Александра II), но и возглавил сербскую армию, потерпел с ней ряд поражений, успев провозгласить 4 сентября 1876 г. князя Милана королем, так как «не видел другого средства заставить Сербию драться»⁴⁴. Взгляд Р.А. Фадеева на роль болгар М.Г. Черняев называл «совершенно непрактичным», полагая, что Болгария сможет «подняться лишь тогда, когда будет занята постороннею силою», т. е. сербами или русскими, а рассчитывать на болгарских добровольцев «положительно невозможно». Он делал ставку на русских: «Если число добровольцев дорастет до 10000–15000 казаков, то я ручаюсь, что

⁴¹ Записка Р.А. Фадеева Н.К. [Гирсу] о положении в Турции [апрель–май 1876 г.] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 152. Л. 6–7.

⁴² Р.А. Фадеев — Н.П. Игнатьеву. 15 июня 1876 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 26.

⁴³ *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 227–228.

⁴⁴ Запись беседы М.Г. Черняева с М.И. Семевским, 1885 г. (копия, сделанная Н.М. Черняевой, 1898 г.) // ОР РНБ. Ф. 1009. Оп. 1. № 5. Л. 2 об.

немногие из армии Абдул-Керима уйдут восвояси и я буду зимовать в Софии, и, следовательно, Болгария свободна»⁴⁵. Таким образом, прямое участие России не предусматривалось.

Это было как раз то, чего сильно опасался Р.А. Фадеев. Он называл «плодом антистратегического воображения нашего М.Г. Черняева» планы сербского похода в Болгарию⁴⁶. Выдвигая мысль о необходимости поддержать восстание в Болгарии, Р.А. Фадеев боялся победоносной войны Сербии и Черногории с турками. «Если болгары не найдут скорой и действительной поддержки у России, то вынуждены будут броситься в объятия сербов. Таким образом, при успехе сербское племя может стать владыкою трех четвертей Балканского полуострова». Р.А. Фадеев полагал, что далее Сербия поглотит Черногорию, а затем — славян в Венгрии и Богемии⁴⁷. Альтернативой этого ему виделось восстание всех балканских славян против Турции: «Один способ действий обещает успех — истомить турецкую армию <...> распространением народной войны до самых обширных размеров»⁴⁸. Насколько точны были суждения генерала? И.С. Аксаков, сторонник М.Г. Черняева и противник Р.А. Фадеева («Фадеев же мне антипатичен до омерзительности»), тем не менее, признал в основном правоту оппонента: судьба Сербии не решает ни будущее для Турции, ни вопрос о проливах для России, «центр тяжести Восточного вопроса в Болгарии <...> Это опять вполне верно»⁴⁹. Однако Р.А. Фадеева он не поддержал, наоборот, отстранил его от организации поддержки в России болгарского восстания. Разумеется, болгары все-таки ее получили, пусть и не такую, на какой настаивал генерал.

Русско-турецкая война 1877–1878 г., неизбежность которой была очевидной Н.П. Игнатьеву и Р.А. Фадееву за несколько лет до ее начала, явилась в значительной степени реализацией их сценария развития событий. Война изменила не только роль России на Балканах, она неизбежно вела к переосмыслению политики Петербурга в целом. Р.А. Фадеев понимал, что успехи русского оружия

⁴⁵ М.Г. Черняев — И.С. Аксакову. 24 сентября — 2 октября [1876 г.] // ОР РНБ. Ф. 14. Оп. 1. № 387. Л. 17 об.

⁴⁶ Р.А. Фадеев — И.С. Аксакову. 17 июля 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 301.

⁴⁷ Р.А. Фадеев — Н.К. [Гирсу], 6/д [до октября 1876 г.] (копия) // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 151. Л. 2–2 об.

⁴⁸ Р.А. Фадеев — И.С. Аксакову. 17 июля 1876 г. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 301.

⁴⁹ И.С. Аксаков — М.Г. Черняеву. 7 сентября 1876 г. // Там же. С. 387.

предстоит защищать практически от всей Европы. Следствием войны становилась серьезная ответственность России за судьбы славянских народов: «...мы связаны теперь органически и навек с освобожденными славянами, все, совершающееся в Цетинье, Белграде и Софии, будет прямо отзываться в Москве и Петербурге — и обратно»⁵⁰. Ничего, что Константинополь не стал «нашим»: «...временное сохранение турецкого владычества на проливах составляет для нас самый выгодный исход из нынешнего замешательства»⁵¹. Р.А. Фадеев уверенно предсказывал, что и в будущем на Балканах не следует ждать спокойствия. Единственный выход для балканских славян он видел в «объединении их под русским правительством в международном и военном отношениях»⁵². То есть он предлагал «мягкий» вариант панславизма — протекторат России над Болгарией, Сербией и Черногорией с передачей Петербургу управления их военными делами и внешней политикой. Разумеется, европейские державы никогда не согласились бы на такой рост российского влияния. Р.А. Фадеев не собирался уступать, он даже допускал войну России с коалицией из Австро-Венгрии, Англии и Турции, не боясь ее⁵³. Конечно, такая «смелость» являлась следствием некомпетентности в международных отношениях. Но это были предложения, которые находили отклик в верхах и которые все сильнее расходились с решениями и действиями российского МИД, руководимого А.М. Горчаковым.

Точно так же Сан-Стефанский мирный договор, заключенный Н.П. Игнатьевым 19 февраля (3 марта) 1878 г., отражал прежде всего его планы: создание большого болгарского государства с выходами к Мраморному и Эгейскому морям, чтобы с его помощью установить затем контроль России над проливами. Тем не менее, защищать предварительный мир в Берлин отправился не его автор, а А.М. Горчаков, которому предстояло отстаивать итоги войны, явившиеся следствием совсем другой политики, перед «концертом» держав, т. е. в рамках его курса на солидарность Европы. Характерно, что инструкция для российских дипломатов, составленная Н.П. Игнатьевым и предусматривавшая сохранение Болгарии в границах Болгарского экзархата, что почти совпадало с условиями Сан-Стефанского мира, «была

⁵⁰ Фадеев Р.А. Записка об отношениях России к освобожденным славянским княжествам, б/д // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 149. Л. 3.

⁵¹ Там же. Л. 14.

⁵² Там же. Л. 4 об.

⁵³ Там же. Л. 13 об. – 14.

оставлена без внимания»⁵⁴. Смена исполнителей в политике при их значительных расхождениях во взглядах обещала ревизию итогов войны. А.М. Горчаков искал интересы России в единстве с державами, а не в успехе на Балканах. Но всё ли сделала российская дипломатия в Берлине, чтобы по максимуму отстоять результаты, достигнутые в Сан-Стефано?

Уже современникам были очевидны многочисленные ошибки российской делегации в Берлине, после которых достигнутые там договоренности были во многом справедливо оценены как умаление успеха русской армии. Просчеты были во всем: и в изначальной позиции Петербурга, и в конкретных деталях подготовки к конгрессу. Российский дипломат А.М. Кумани, долгие годы служивший в Турции, который оказался свидетелем того, как российская делегация готовилась к отъезду в Берлин, оставил об этом выразительные воспоминания⁵⁵. В МИД слабо представляли обстановку на Балканах, престарелый А.М. Горчаков был болен, вял и малоинициативен. В ведомстве не нашли даже точных карт Балкан, которые в последний момент купили в книжном магазине в Петербурге. Поэтому вопрос, заданный одним из сотрудников министерства, как делить Болгарию, вдоль или поперек, вызвал у мемуариста лишь горькую иронию⁵⁶. Неудивительно, что итоги Берлинского конгресса подверглись острой критике в российском обществе. Однако, скорбя об упущенном, в России не обратили внимания на то, что два мирных соглашения отражали также две разные линии в политике Петербурга, их смешение было невозможно, что объективно предопределяло неудачу дипломатов.

Балканские события оказали колоссальное влияние на внешнюю политику России не только в выборе решений, но и в отношении механизмов этого выбора. В своем обстоятельном исследовании жизни и деятельности Н.П. Игнатьева В.М. Хевролина подчеркнула: «...мы стараемся показать, что программы Игнатьева отвергались Петербургом, действовавшим с совершенно иных тактических позиций»⁵⁷. Представляется, что такой вывод излишне категоричен, не учитывает возможности графа и его единомышленников в сфере неформальных отношений и не соответствует многим фактам. Так, она же признала, что линию официального Петербурга не разделяли

⁵⁴ Хевролина В.М. Указ. соч. С. 276.

⁵⁵ Кумани А.М. Воспоминания 1878–1881 гг. М., 2015.

⁵⁶ Там же. С. 49–57.

⁵⁷ Хевролина В.М. Указ. соч. С. 221.

великие князя Александр Александрович и Константин Николаевич, военный министр Д.А. Милютин и «многие другие»⁵⁸. Возможно ли при таких обстоятельствах однозначно говорить об антиигнатьевской позиции Петербурга? Ведь оппоненты А.М. Горчакова не только писали записки и письма, они действовали, причем часто более активно, а иногда и более результативно, чем аппарат российского МИД. Сопоставление действий министра и его оппонентов как до, так и после русско-турецкой войны показывает неоднозначность многих решений официального руководства, уязвимость их для критики, двойственность позиции Александра II. Потеря руководством МИД монополии на внешнюю политику России привела к тому, что высшее руководство, прежде всего сам царь, одновременно рассматривало и принимало решения, проистекавшие из двух разных линий поведения. Это был не компромисс, а двойственность в политике, которая заложила мину не только под Сан-Стефанский мир, но и под решения Берлинского конгресса 1878 г., оправдав предсказания Р.А. Фадеева (который скончался в 1883 г.) о долгом неспокойном будущем для Балкан.

Неубедительность многих шагов официальной линии активизировала оппонентов, это был путь к «национальной дипломатии», сформулированной М.Н. Катковым (за ним чувствуется влияние Н.П. Игнатьева) и почти восторжествовавшей во второй половине 1880-х гг.⁵⁹ Но М.Н. Катков был журналистом, хотя и необыкновенно влиятельным. Альтернативная и все более «небюрократическая» линия, ставшая реальностью в 1880-е гг., привела к пересмотру европейской политики России, состоявшему не только в ориентации на Францию, но и в ряде откровенно авантюристических акций (типа организации экспедиции в Абиссинию Н.И. Ашинова). Апогеем этого процесса стало «раздвоение» действий Петербурга на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв., проложившее путь к русско-японской войне 1904–1905 гг.

References

Chernukha V.G. *Aktivnoye zakonotvorchestvo 1859–1866 gg.* [Active Lawmaking, 1859–1866] // *Vlast' i reformy. Ot samodержавnoy k sovetskoy Rossii* [Power and Reforms from Autocratic to Soviet Russia]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1996, pp. 259–340.

⁵⁸ Там же. С. 222.

⁵⁹ Об этом см.: *Лукоянов И.В.* М.Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 232–244.

Kaneva K. *Rytsar' Balkan graf N.P. Ignat'yev* [Knight of the Balkans Count N.P. Ignatiev] / Trans. from Bulgarian. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 523 p.

Khevrolina V.M. *Rossiyskiy diplomat graf Nikolay Pavlovich Ignat'yev* [Russian Diplomat Count Nikolai Pavlovich Ignatiev]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr IRI RAN, 2004. 332 p.

Kuznetsov O.V. R.A. *Fadeyev: general i publitsist* [R.A. Fadeev: General and Publicist]. Volgograd: Izdatel'stvo VGU, 1998. 182 p.

Lukoyanov I.V. *M.N. Katkov i vneshnyaya politika Rossiyskoy imperii v tsarstvovaniye Aleksandra III (1880-ye gody)* [M.N. Katkov and the Foreign Policy of the Russian Empire during the Reign of Alexander III (1880s) // *Tetradi po konservatizmu*. 2018. № 3, pp. 232–244.

Rybachonok I.S. *Rossiya i Berlinskiy kongress 1878 goda* [Russia and the 1878 Berlin Congress] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2018. № 3, pp. 142–168.

Sumner B.H. *Russia and the Balkans, 1870–1880*. Oxford: Clarendon Press, 1937. 724 p.

Vinogradov V.N. *Balkanskaya epopeya knyazya A.M. Gorchakova* [The Balkan Epic of Prince A.M. Gorchakov]. Moscow: Nauka, 2005. 302 p.

Vostochnyy vopros vo vneshney politike Rossii. Konets XVIII – nachalo XIX v. [The Eastern Question in the Foreign Policy of Russia at the Late 18th — Early 20th Century]. Moscow: Nauka, 1978. 434 p.

Поступила в редакцию
23 октября 2013 г.

А.Г. Савинова*

**ПРОЕКТ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО ПАКТА
В ПОЛИТИКЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ФРАНЦИИ ЛУИ БАРТУ (ФЕВРАЛЬ–ОКТЯБРЬ 1934 г.)**

A.G. Savinova

**THE DRAFT OF THE MEDITERRANEAN
PACT IN THE POLITICS OF THE FOREIGN
MINISTER OF FRANCE LOUI BARTHOU
(FEBRUARY–OCTOBER 1934)**

Аннотация. Заключение Локарнских соглашений (1925), в некоторой степени разрядивших напряженную обстановку в Европе, способствовало появлению ряда других проектов региональных пактов — Балканского Локарно, Прибалтийского Локарно, Восточного Локарно. Возникает и проект договора, охватывающего Средиземноморский регион, в котором после Первой мировой войны не было создано эффективной системы безопасности. В статье рассматривается дипломатическая деятельность Л. Барту, направленная на заключение средиземноморского соглашения, идея которого возникает еще на рубеже 20–30-х гг. XX в. Поскольку данный сюжет не нашел должного освещения в литературе, автор, опираясь на источники разного рода, в том числе на малоизвестные материалы архива французского дипломата Р. Массильи, выявляет отношение французского министра иностранных дел к указанному соглашению, отмечает конкретные шаги, направленные на его реализацию, определяет место соглашения среди других французских региональных инициатив. Соглашение, охватывающее страны Средиземноморья, должно было стать одним из элементов системы безопасности, над которой работал французский министр, хотя оно и не играло первоочередной роли в его внешней политике, поскольку основная угроза в представлении французской дипломатии исходила от Германии. Во время пребывания на посту министра иностранных дел Л. Барту неоднократно обращался к идее пакта, меняя состав его предполагаемых участников в зависимости от международной обстановки. Принципиальным было одновременное участие Италии и Югославии: поддержка

* *Савинова Анна Григорьевна*, экскурсовод, историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

Savinova Anna Grigor'yevna, tour guide, State Historical and Cultural Museum-Preserve “The Moscow Kremlin”

+7-926-498-35-80; anna2510.25@mail.ru

этих стран была необходима французскому министру при строительстве своей системы безопасности. При этом он не был намерен сам инициировать заключение подобного соглашения, рассчитывая представить его как региональный замысел. В случае реализации Средиземноморского пакта Л. Барту предполагал достичь сближения с Италией, а также усилить влияние Франции в балканском регионе. Однако данное соглашение не отвечало интересам других средиземноморских игроков, поэтому попытки французского министра внести проект пакта в международную повестку не увенчались успехом.

Ключевые слова: Средиземноморье, региональный пакт, французская система безопасности, региональная безопасность, Локарнские соглашения, Балканская Антанта.

Abstract. The conclusion of the Locarno Accords in 1925 that defused to some extent the tense situation in Europe contributed to the appearance of other draft regional pacts — the Balkan, Baltic and East Locarnos. One of these draft treaties covered the Mediterranean region where there was no effective security system after WWI. The article discusses Barthou's diplomatic measures for concluding a Mediterranean agreement. This idea dates back to the turn of the 1920s. Since this subject has not been adequately dealt with in the literature, the author, on the basis of various sources including little-known material from the archive of the French diplomat R. Massigli, analyzes the attitude of the French foreign minister to the agreement, specific measures that were taken for its implementation, and its significance among other French regional initiatives. The agreement covering the Mediterranean countries was to become one of the elements of the security system that the French minister was working on, although it did not play a primary role in his foreign policy since the French diplomacy regarded as the main threat Germany. Being the foreign minister, Barthou repeatedly evoked the idea of the pact, while modifying the list of its members due to the international situation. The simultaneous participation of Italy and Yugoslavia was fundamental. Their support was necessary in building the French minister's security system. Nevertheless, he himself did not intend to initiate the conclusion of such an agreement, attempting to present it as a regional project. In the case of implementing the Mediterranean pact, Barthou thought to achieve rapprochement with Italy and to strengthen the influence of France in the Balkan region. However, this agreement did not meet the interests of other Mediterranean countries, and therefore, the French Minister's attempts to include the draft pact in the international agenda were unsuccessful.

Keywords: Mediterranean, regional pact, French security system, regional security, Locarno agreements, Balkan Entente.

* * *

В феврале 1934 г. во Франции к власти пришло правительство Г. Думерга, в представлении которого основная угроза французской безопасности исходила от Германии. Британский посол в Париже

Дж. Клерк отметил, что «премьер-министр Г. Думерг и его коллеги не верят ни в какие германские подписи»¹. Министром иностранных дел в кабинете Г. Думерга стал Л. Барту. Он был намерен сдерживать Германию за счет усиления французской союзной системы, а также посредством создания блока с СССР². Главным делом французского министра стал проект Восточного пакта, который многими политиками воспринимался как «восточное дополнение к основному договору Локарно»³.

Л. Барту планировал превратить Локарно во всеевропейский договорный комплекс⁴. Он прекрасно понимал, что ревизионистские устремления Гитлера и Муссолини могут способствовать сближению двух лидеров, поэтому стремился предупредить создание итало-германского блока, включив Италию в состав какого-либо договорного комплекса.

Существует ряд исследований о проектах региональных соглашений, инициированных французской дипломатией, — Восточном и Дунайском пактах. Однако дипломатическая деятельность Л. Барту по вопросу средиземноморского соглашения не нашла целостного освещения. Мы попытаемся проследить динамику развития идеи Средиземноморского пакта в 1934 г. и определить его место среди различных проектов региональной безопасности, исходивших в этот период от Франции.

Владения и зоны влияния Парижа в Средиземноморье в это время были значительными: ему принадлежали колонии, протектораты и мандатные территории Марокко, Алжир, Тунис и Сирия с Ливаном. Сохранение этих позиций не могло не волновать любое французское правительство, хотя приоритетом, безусловно, было европейское направление, от которого зависела безопасность самой Франции.

В средиземноморском регионе вызовом как для Франции, так и для Великобритании стала Италия под руководством Б. Муссолини. 18 марта 1934 г. в выступлении перед партией дуче заявил, что «исторические цели Италии лежат в Азии и Африке»⁵. Кроме того, в 1922–1932 гг. темпы итальянского военного судостроения были

¹ Documents on British Foreign Policy (DBFP). Ser. 2. Vol. 6. London, 1957. № 463. Sir G. Clerk to Sir J. Simon. 20.06.1934.

² *Shorrock W.I.* From Ally to Enemy. The Enigma of Fascist Italy in French Diplomacy. The Kent State Univ. Press, 1988. P. 84.

³ DBFP. Ser. 2. Vol. 6. № 455. Sir G. Clerk to Sir J. Simon. 14.06.1934.

⁴ *Малафеев К.А.* Европейская политика и дипломатия Франции в 1933–1939. Дисс. ... доктора ист. наук. М., 1998. С. 53.

⁵ *Le Temps*. 20.03.1934. Bulletin du Jour. Le Discours de M. Mussolini.

довольно интенсивными. Италия усилила свою морскую авиацию и укрепила систему морских баз. Морской бюджет Италии на 1934 г. составлял 1 224 780 477 лир⁶.

Как полагает З.С. Белоусова, поиски безопасности каждой страны или группы стран в межвоенный период шли в основном по двум направлениям: 1) дальнейшее наращивание военной мощи и разработка новых военных доктрин и 2) привлечение союзников, создание системы союзов⁷.

Если говорить о первом направлении, то в средиземноморском регионе Франция восстанавливала статус первоклассной морской державы. В период с 1922 по 1932 г. она создала мощные надводные силы и могущественный подводный флот, тщательно укрепила систему своих морских баз на средиземноморском театре. Морской бюджет Франции на 1934 г. составлял 2 954 874 113 франков⁸.

Однако больший акцент Париж делал на второе направление. Создание системы союзов было характерной чертой внешней политики Франции в межвоенный период. В июле 1934 г. в своем выступлении в Байонне Л. Барту заявлял, что «Франция стремится к сохранению мира и с этой целью предлагает заключить региональные пакты, которые дали бы гарантии странам-участницам против военной агрессии. Связанные с Локарнским договором, эти пакты имеют целью приобщить к политике Франции страны, которые в равной мере заинтересованы в сохранении мира»⁹.

Еще на рубеже 1920–1930-х гг. французская дипломатия начала разрабатывать идею так называемого Средиземноморского пакта — проекта, который появился и получил развитие в связи с проблемой военно-морского разоружения. Как отмечал французский дипломат Р. Массильи¹⁰, пакт задумывался как средство урегулирования военно-морского соперничества Франции и Италии при учете роли Испании¹¹. Со временем идея военно-морского соглашения, не найдя поддержки ни у Италии, ни у Великобритании, видоизменилась

⁶ Иванов Л.Н. Морская политика и дипломатия империалистических держав. М., 1964. С. 299–300.

⁷ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. М., 1976. С. 4.

⁸ Иванов Л.Н. Указ. соч. С. 301.

⁹ Le Temps. 17.07.1934. Le Discours de M. Barthou.

¹⁰ На тот момент Р. Массильи занимал должность помощника директора службы политических и торговых вопросов.

¹¹ Centre des Archives Diplomatiques La Courneuve. Papiers d'Agents — Archives Privées (CADLC PA-AP). Massigli R. 217. Direction Politique. Vol. 11. Sécurité en Méditerranée et Accords de Nyon. Note. Pacte Méditerranéen. 26.01.1935.

и приняла форму пакта взаимопомощи¹². Особый интерес к такой форме договора проявили балканские державы — на заседаниях Балканской Антанты звучали предложения о заключении Средиземноморского пакта с участием СССР, Румынии, Болгарии, Греции, Югославии, Турции при определяющей роли Франции и Италии¹³.

Соглашение, получившее название Средиземноморский пакт, рассматривалось французскими дипломатами и военными экспертами как возможное средство не допустить войны и агрессивных действий в этом регионе. Учитывая их интерес к идее средиземноморского соглашения, обращение к ней Л. Барту было вполне закономерным.

Весной 1934 г. французский министр в дополнение к Восточному пакту выдвинул идею заключения средиземноморского аналога с максимально широким кругом участников — Франция, Великобритания, Италия, Югославия, Греция, Румыния, Болгария и СССР. При этом основу «Средиземноморского Локарно» должно было составлять соглашение между Югославией и Италией¹⁴. Эти страны в тот момент разделяли серьезные противоречия в Центральной Европе, в то время как Франция нуждалась в содействии и Рима, и Белграда для формирования запланированной Барту системы региональных пактов.

Вовлечение Италии в подобного рода соглашения в тот момент рассматривалось как способ удержать ее от агрессивных намерений. Во всяком случае, турецкий министр иностранных дел Р. Арас именно в этом видел основной смысл Средиземноморского пакта, о чем он в начале мая заявил в беседе с французским послом Каммерером¹⁵. Следует сказать, что Арас и ранее проявлял активный интерес к

¹² Состав участников подобного соглашения также не был четко определен. В различных редакциях участниками пакта могли стать Великобритания, Франция, Италия, Испания, Югославия, Албания, Греция, Турция и Египет (CADLC PA-AP. Massigli R. 217. Direction Politique. Vol. 11. Ministere de la Marine. Etat-Major General. Section d'Etude des Armements Navals. Preparation de la Conference General du Desarmement. Accord Mediterranee. 19.12.1931; Preparation de la Conference General de Limitation et de Reduction des Armements. Comission Speciale (Sous-Comission "Securite"). Accord Mediterranee. 21.12.1931).

¹³ CADLC PA-AP. Massigli R. 217. Direction Politique. Vol. 11. Note. Pacte Mediterranee. 26.01.1935.

¹⁴ *Рябоконе С.И.* Позиция стран Балканской Антанты в период переговоров о Восточном пакте (февраль–октябрь 1934 г.) // *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943 гг.)*. Свердловск, 1977. С. 20.

¹⁵ Documents Diplomatiques Français (DDF). Ser. 1. Vol. 6. Paris, 1972. № 188. M. Kammerer à M. Barthou. 9.05.1934.

подобному соглашению¹⁶. Во время официального визита Араса в Париж 27 мая 1934 г.¹⁷ Л. Барту предложил ему на рассмотрение идею Средиземноморского пакта, включающего Турцию, Грецию, Югославию, Италию, Францию и Испанию при участии Великобритании¹⁸. Очевидно, Барту решил использовать Араса как пропагандиста этого проекта. Расчет оказался верным. Сразу после визита в Париж, в конце мая, Р. Арас поднял вопрос о Средиземноморском пакте в беседе с британским послом в Австрии В. Селби¹⁹, а также при встрече с министром иностранных дел Великобритании Дж. Саймоном²⁰. После Лондона Арас отправился в Женеву, где активно пропагандировал идею Средиземноморского пакта на конференции по разоружению²¹.

Безусловно, интерес к пакту Турции, игравшей значительную роль в Балканской Антанте, был выгоден Парижу, поскольку способствовал дальнейшему вовлечению стран Балканского полуострова в орбиту французской внешней политики. Тем не менее, это не являлось самоцелью договора. Как считает С.И. Рябоконт, цель пакта заключалась в устранении возможности итальянской агрессии в районе Средиземного моря²². Но пакт не был направлен против Италии: наоборот, необходимо было добиться ее включения в соглашение. Барту отмечал, что «мы непременно должны стремиться к улучшению отношений с Италией»²³. Французская газета «Le Temps» развивала идею франко-итальянского диалога и отмечала, что «сотрудничество Франции и Италии является одним из условий обеспечения мира в Европе»²⁴. Более того, в беседе с английским послом Дж. Клерком, состоявшейся 13 июня, Л. Барту заявлял, что «Средиземноморское Локарно», в случае своей реализации, обеспечит франко-итальянское взаимопонимание²⁵. Отсюда можно сделать вывод, что в этом пакте

¹⁶ CADLC PA-AP. Massigli R. 217. Direction Politique. Vol. 11. Note. Pacte Méditerranéen. 26.01.1935.

¹⁷ Le Temps. 27.05.1934. Au quai d'Orsay.

¹⁸ Barlas D. Turkish Diplomacy in the Balkans and the Mediterranean // Journal of Contemporary History. Vol. 40. N 3. 2005. P. 14.

¹⁹ British Documents on Foreign Affairs (BDFA). Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Ser. B. Vol. 33. № 108. Sir W. Selby to Sir J. Simon. 28.05.1934.

²⁰ Ibid. № 151. Annual Report for 1934.

²¹ CADLC PA-AP. Massigli R. 217. Direction Politique. Vol. 11. Note. Pacte Méditerranéen. 26.01.1935.

²² Рябоконт С.И. Указ. соч. С. 20.

²³ DDF. Ser. 1. Vol. 6. № 340. M. Kammerer a M. Barthou. 15.06.1934.

²⁴ Le Temps. 28.05.1934. Bulletin du Jour. L'Italie et la Politique de Paix.

²⁵ DBFP. Ser. 2. Vol. 6. № 454. Sir G. Clerk to Sir J. Simon. 14.06.1934.

Барту в первую очередь видел средство сближения с Италией, которое было ему необходимо перед лицом германской угрозы.

Такой подход имел под собой некоторые основания, поскольку в тот момент сближение между Римом и Берлином вовсе не представлялось неизбежностью — державы будущей «оси» разделяли слишком серьезные противоречия. 14–15 июня в Венеции состоялась встреча Муссолини и Гитлера, в ходе которой два лидера обсуждали насущные проблемы, в том числе и принципиальный для обеих сторон вопрос об аншлюсе. Согласие так и не было достигнуто, и огорченный итогами встречи Муссолини передал Барту приглашение посетить Рим, тем самым показывая свою готовность к диалогу²⁶. Однако французский министр полагал, что визит может состояться лишь тогда, «когда к нему будет подготовлена почва»²⁷. Очевидно, речь шла о сближении Италии с балканскими союзниками Франции на основе включения Рима в систему региональных соглашений. Для этого французский министр старался воспользоваться разладом в итало-германских отношениях.

20 июня состоялся отъезд Барту в Бухарест и Белград²⁸, где он выступал в поддержку укрепления статус-кво и осуждал принцип договорного ревизионизма²⁹. Уже 23 июня (спустя неделю после встречи Муссолини и Гитлера) в “Le Temps” появилась заметка о визите Барту в Бухарест, где он выразил желание включить Италию в Средиземноморский пакт³⁰. В Бухаресте Барту присутствовал на заседании Совета Малой Антанты, где темой для обсуждения стали различные региональные соглашения, в том числе Восточное Локарно и Средиземноморский пакт³¹. После этого в интервью румынской газете “Universul” Барту выразил мнение, что «Средиземноморский пакт мог бы стать элементом мира»³². Турецкая газета “Cumhuriyet” сообщала, что на встрече Франции и стран Малой Антанты было принято решение о создании Средиземноморской Антанты, которая будет включать Францию, Югославию, Грецию, Турцию и Болгарию³³. При этом в переписке со своими сотрудниками Барту отмечал, что

²⁶ Малафеев К.А. Луи Барту. Политик и дипломат. М., 1988. С. 145.

²⁷ DBFP. Ser. 2. Vol. 6. № 454.

²⁸ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 2005. С. 148.

²⁹ Shorrocks W.I. Op. cit. P. 87.

³⁰ Le Temps. 23.06.1934. M. Barthou à Bucarest.

³¹ Le Temps. 25.06.1934. Le Voyage de M. Barthou.

³² Le Temps. 26.06.1934. Déclarations de M. Barthou sur la Politique Internationale.

³³ Цит. по: Barlas D. Op. cit. P. 15.

для «успеха проекта важно, чтобы инициатива была предпринята другими державами»³⁴, а не Францией.

Привлечение балканских игроков являлось для Барту принципиальным моментом. Более того, весь проект он старался представить как их инициативу. В результате другие страны, которые ранее включались в первоначальные проекты Средиземноморского пакта, оказались за его пределами. Это, в частности, касалось Испании. Испанская газета "El Debate", комментируя поездку Барту в Бухарест, отмечала что «Испания была забыта другими участниками проекта Средиземноморского пакта. Без нашего согласия ничто не может быть предпринято в Средиземноморье ни в вопросе гарантий, ни в вопросе военно-морских соглашений»³⁵. В ответ на это Барту советовал французскому послу в Мадриде обратить внимание испанцев на то, что «идея Средиземноморского пакта достигла большого прогресса в последние месяцы и нашла ... своего неофициального пропагандиста в лице министра иностранных дел Турции». Иными словами, он хотел убедить испанцев, что это была идея скорее турецкая, чем французская. Впрочем, Барту указывал, что в случае необходимости Франция «озаботится сохранением в пакте места для Испании»³⁶. В 1934 г. Восточное Средиземноморье, очевидно, представляло для Франции больший интерес, чем Западное. К тому же процесс отдаления между Мадридом и Парижем был обоюдным: доминирующая роль Франции в испанской внешней политике постепенно сходилась на нет, правящие круги Испании, со своей стороны, отходили от франкофильского курса, отдавая предпочтение Англии³⁷.

В вопросе о региональном соглашении Барту уделял особое внимание роли Белграда. По мнению английского посла Дж. Клерка, само возвращение к идее Средиземноморского пакта в 1934 г. было обусловлено необходимостью наладить итало-югославский диалог, имеющий принципиальное значение для Юго-Восточной Европы³⁸, т. е. для сохранения целостности Австрии. Французская журналистка Ж. Табуи указывает, что еще «в последние годы жизни Бриана Кэ д'Орсэ предложило Югославии заключить тройственный пакт с Италией и Францией». Этот пакт встретил противодействие Италии, а затем и югославских генералов, которые дали понять Франции, что

³⁴ DDF. Ser. 1, Vol. 6. № 378. M. Barthou à M. Herbette. 23.06.1934.

³⁵ Le Temps. 17.07.1934. L'Espagne et le Projet d'un Pacte Mediterraneen; DDF. Ser. 1. Vol. 6. № 371. M. Herbette à M. Barthou. 23.06.1934.

³⁶ DDF. Ser. 1. Vol. 6. № 378. M. Barthou à M. Herbette. 23.06.1934.

³⁷ Овинников П.С. За кулисами политики невмешательства. М., 1959. С. 36.

³⁸ DBFP. Ser. 2. Vol. 6. № 458. Sir G. Clerk to Sir J. Simon. 15.06.1934.

они не хотят сокращать свои вооруженные силы, поскольку благодаря им Югославия еще могла противостоять Италии. В ту пору переговоры затянулись. Но около двух лет назад Муссолини демонстративно отказался от этого пакта, «без которого, — убежденно заявил мне Барту, — не может быть настоящего мира на Балканах»³⁹.

В связи с этим кажется закономерным то, что в Белграде Барту собирался вести переговоры с югославским королем Александром «о возможностях сближения между Белградом и Римом. Он полагал, что подобное сближение могло бы в случае необходимости стать основой для Средиземноморского Локарно, которое должно стабилизировать положение в районе Средиземного моря»⁴⁰. Натянутые итало-югославские отношения препятствовали франко-итальянскому сближению. Тем не менее, Барту делал упор не на трехсторонний (франко-итало-югославский), а на коллективный пакт, хотя и подчеркивал, что «в данный момент изучаются различные формулы»⁴¹. Как отмечал генеральный секретарь французского МИД А. Леже, именно общее соглашение могло получить итальянскую поддержку, но при условии, что Муссолини будет позволено играть в нем значительную роль. Трехстороннее соглашение Италия не была намерена поддерживать⁴².

Муссолини был недоволен балканской поездкой Барту⁴³. Италия относилась с неодобрением к тому, что для Барту франко-итальянское сближение было обусловлено необходимостью наладить диалог Италии и Малой Антанты, в частности, Рима и Белграда⁴⁴. Статс-секретарь МИД Италии Ф. Сувич заявлял, что «итальянское правительство относится отрицательно к договорам, лишенным ясного, конкретного содержания и не обладающим реальной, действенной силой»⁴⁵. Итальянская пресса развернула целую кампанию против системы региональных пактов. По мнению «Lavoro Fascista», «в предложении о Восточном пакте нет ничего ясного, а практическая польза от такого пакта будет нулевой. Что касается Средиземноморского

³⁹ Табуи Ж. Указ. соч. С. 165.

⁴⁰ Там же. С. 150.

⁴¹ Le Temps. 29.06.1934. Revue de la Presse.

⁴² DBFP. Ser. 2, Vol. 6. № 458. Sir G. Clerk to Sir J. Simon. 15.06.1934.

⁴³ Малафеев К.А. Луи Барту... С. 147.

⁴⁴ Ormos Sz. Sur les Causes de l'echec du Pacte Danubien // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 14 N 1/2. 1968. P. 25–26.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР (ДВП). Т. 17. М., 1971. № 196. Запись беседы Полпреда СССР в Италии со Статс-секретарем МИД Италии Ф. Сувичем. 11.06.1934.

Локарно, это лишь старая идея, возвращенная в оборот, и ее нельзя реализовать без участия Британии — тоже средиземноморской державы»⁴⁶.

Важным звеном в дипломатической борьбе за коллективную безопасность Л. Барту считал обретение в этом деле поддержки Англии как основного гаранта Локарнского пакта⁴⁷. 9 и 10 июля 1934 г. в Лондоне состоялись франко-британские переговоры, в ходе которых Л. Барту познакомил английского министра иностранных дел Дж. Саймона со своей концепцией региональных пактов. Барту подчеркивал, что в случае подписания договора Восточного Локарно, неизбежно встанет вопрос о Средиземноморском пакте. Он не исключал того, что в ближайшее время французское правительство обратится к британским коллегам с предложением дополнить Восточное Локарно Средиземноморским аналогом. Барту оговорил возможность франко-британских консультаций и совместных действий по этому вопросу. Он также предложил обсудить пакт на следующей встрече⁴⁸. Упоминание Средиземноморского пакта в ряду с другими региональными соглашениями говорит о том, что он был значим не сам по себе, а лишь в комплексе с другими договорами. Примечательно и то, что в ходе лондонской беседы о средиземноморском соглашении Барту ссылаясь на греческого министра иностранных дел Н. Политиса и его выступление в пользу региональных соглашений перед Комитетом по безопасности в Женеве⁴⁹. Французский министр старался добавить значимости Средиземноморскому пакту, отмечая заинтересованность в нем региональных держав. Действительно, согласно донесениям французских дипломатов, в июле 1934 г. интерес к пакту проявляли Турция, Греция и Румыния⁵⁰, однако конкретных очертаний эта идея тогда так и не обрела. Даже такой убежденный ее сторонник, как глава турецкого МИД Р. Арас в беседе с французским послом говорил о пакте, как об «очень желательной возможности, реализация которой сопряжена с большими трудностями»⁵¹.

Визит Барту в Лондон широко освещался во французской прессе. Корреспондент газеты “Le Temps” отмечал, что Великобритания ценит усилия Франции по поддержанию мира. Касаемо Средиземноморского пакта, передавал корреспондент, «он мог принять более

⁴⁶ Le Temps. 24.06.1934. L'Italie contre les Pactes Reginaux.

⁴⁷ Малафеев К.А. Европейская политика и дипломатия... С. 55.

⁴⁸ DDF. Ser. 1. Vol. 7. Addendum. M. Corbin à M. Barthou. 11.07.1934.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ DDF. Ser. 1. Vol. 6. № 453 (10.07.1934), № 465 (13.07.1934), № 476 (17.07.1934).

⁵¹ DDF. Ser. 1. Vol. 6. № 453. M. Kammerer à M. Barthou. 10.07.1934.

точную форму в переговорах, которые могут состояться в ближайшем будущем»⁵². Однако вопрос о средиземноморском соглашении в англо-французском диалоге более не поднимался. Вероятно, отсутствие интереса к пакту со стороны Лондона повлияло и на представления Барту о путях его реализации: согласно инструкции французского министра, посол Франции в Риме в беседе с Муссолини должен был подчеркнуть, что Париж «не намерен брать на себя инициативу по предложению Средиземноморского пакта»⁵³.

По мнению Ф. Сувича, «визит Барту в Лондон не будет иметь положительного эффекта». Заявление статс-секретаря касалось не только Восточного пакта, но и средиземноморского аналога. «Если бы итальянское правительство хотело пакт с Югославией, оно бы заключило прямое соглашение без посредничества Франции»⁵⁴, — заявлял Ф. Сувич. В первую очередь, Италию интересовало решение военно-морского вопроса: она требовала паритета с Францией⁵⁵. Поскольку для Парижа это было неприемлемо, итало-французское сближение не получало развития.

Ситуация изменилась, когда 25 июля гитлеровцы организовали в Вене путч и убили австрийского канцлера Э. Дольфуса. Попытка аншлюса потрясала как Муссолини, так и Барту. Вместе с Думергом он пришел к следующему выводу: «Германия неизбежно будет добиваться аншлюса, дабы завладеть выходом к Средиземному морю... пока Италия заинтересована в том, чтобы предотвратить германское продвижение в этом направлении»⁵⁶. Таким образом, заинтересованность в защите австрийской независимости могла стать основой для франко-итальянского сближения. К концу сентября Барту подготовил проект многосторонней договорной комбинации, в которую должны были войти Франция, Италия и страны Малой Антанты⁵⁷. Проект Дунайского пакта был призван гарантировать независимость Австрии от посягательств гитлеровской Германии⁵⁸. Как отмечает О.В. Пирумова, «главной особенно-

⁵² Le Temps. 12.07.1934. La Visite de M. Barthou a Londres.

⁵³ DDF. Ser. 1. Vol. 6. № 487. M. Chambrun a M. Barthou. 20.07.1934.

⁵⁴ DBFP. Ser. 2. Vol. 6. № 517. Sir E. Drummond to Sir G. Clerck. 19.07.1934.

⁵⁵ Le Temps. 20.07.1934. Bulletin du Jour. La Preparation de la Conference Navale.

⁵⁶ ДВП. Т. 17. № 367. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в НКВД СССР. 24.10.1934.

⁵⁷ Малафеев К.А. Луи Барту... С. 149.

⁵⁸ Волков В.К. Проект Дунайского гарантийного пакта и Малая Антанта (1934–1935) // Политиката на Великите Сили на Балканите в Навечерието на Втората Световна Война. София, 1971. С. 5.

стью решения Барту проблемы франко-итальянских отношений было то, что Барту включал соглашение с Италией в общий план обеспечения национальной безопасности Франции, безопасности Центральной и Юго-Восточной Европы»⁵⁹. При этом для Барту не имело принципиального значения, посредством какого пакта будет достигнуто включение Италии во французскую договорную систему — Средиземноморского или Дунайского. Важно было участие малых стран, в частности, Югославии.

Несмотря на обострение итало-югославских отношений по вопросу Австрии (на границе Австрии концентрировались итальянские войска, вторжение которых в Австрию Югославия не могла допустить), на сессии Постоянного совета Малой Антанты в Женеве 13–14 сентября 1934 г. было принято решение приветствовать франко-итальянское сближение⁶⁰.

19 сентября Л. Барту, после вступления СССР в Лигу Наций (в чем Франция сыграла весьма значительную роль) заявлял своим сотрудникам: «Моя главная задача достигнута. Правительство СССР теперь будет сотрудничать с Европой, и когда король Югославии Александр прибудет в Париж, я буду иметь возможность приступить с ним к обсуждению вопроса о Средиземноморском Локарно»⁶¹.

Барту придавал большое значение визиту югославского короля Александра I Карагеоргиевича во Францию. Ж. Табуи пишет, что «Барту будет пытаться вместе с королем Александром изыскать пути для возрождения из пепла этого трехстороннего (франко-итало-югославского. — А.С.) пакта! Он даже рассчитывает обсудить возможность создания Средиземноморской Антанты с участием Югославии, Греции, Италии и Франции»⁶². Как можно видеть, французский министр не придерживался строгой концепции Средиземноморского пакта, выдвигая различные вариации соглашения в зависимости от международных обстоятельств. Стабильно было одно: одновременное участие Италии и Югославии. «На этот раз я действительно сделаю кое-что для моей страны, — восклицает Барту. — Этот визит Александра будет иметь важное значение, и он позволит мне поехать затем в Рим, имея уверенность в успехе»⁶³.

⁵⁹ *Пирумова О.В.* Франко-итальянские отношения накануне итало-эфиопской войны // *Дипломатические отношения западноевропейских стран между двумя мировыми войнами.* Ярославль, 1977. С. 43.

⁶⁰ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 13–14.

⁶¹ *Табуи Ж.* Указ. соч. С. 161.

⁶² Там же. С. 165.

⁶³ Там же. С. 166.

Французский министр был готов начать переговоры с Муссолини, лишь заручившись согласием Югославии на сближение с Италией.

Но если Барту видел в средиземноморском соглашении средство сближения с Италией, то его непосредственные участники — балканские державы — воспринимали пакт как возможность для развития межбалканского сотрудничества и солидарности, устранения конфликтов. Югославский дипломат Б. Пурич утверждал: «Единственным средством долговечной консолидации Балканской Антанты может быть заключение Средиземноморского пакта, включающего в себя Италию. Это соглашение позволило бы Италии совместно с Францией гарантировать статус-кво на Балканах, а также оно заключило бы Италию в дружественные объятия»⁶⁴.

В конечном итоге планам Барту не суждено было сбыться. Его активная дипломатическая деятельность вызывала недовольство Гитлера, и против французского министра был подготовлен террористический акт, получивший название «Тевтонский меч». 9 октября 1934 г. Л. Барту был смертельно ранен в Марселе в результате покушения хорватских и македонских националистов на прибывшего во Францию с официальным визитом короля Югославии Александра I⁶⁵. Как отмечает Ж.-Б. Дюрозель, «смерть Барту была смертью подлинной политики союзов»⁶⁶. Известный британский журналист Ж.Л. Гарвин писал, что «без возобновления сотрудничества Франции, Италии и Югославии ничто в конечном итоге не сможет продлить независимость Австрии и защитить краеугольный камень европейской безопасности»⁶⁷.

После убийства Л. Барту начала меняться политическая ориентация Франции. И хотя события еще по инерции шли по заданному ранее направлению, в целом линия нового главы внешнеполитического ведомства Франции П. Лавалья имела выраженный крен в сторону политики «умиротворения»⁶⁸. Желание французской дипломатии заключить какой-либо средиземноморский договор с участием Италии в конечном итоге приняло форму соглашения Муссолини–Лавалья. Как справедливо отмечает Н.Д. Смирнова, «если

⁶⁴ DDF. Ser. 1. Vol. 8. № 42. M. Knobel, Chatge d'Affaires de France a Belgrade, a M. Laval, Ministre des Affaires Etrangeres. 08.11.1934.

⁶⁵ Малафеев К.А. Луи Барту... С. 152–153.

⁶⁶ Дюрозель Ж.-Б. Л. Барту и франко-советское сближение в 1934 г. // Французский ежегодник. М., 1962. С. 453.

⁶⁷ Le Temps. 15.10.1934. L'opinion a l'étranger. En Grand-Bretagne.

⁶⁸ Чубарьян А.О. Упущенные возможности и исторические уроки // Европа между миром и войной. М., 1992. С. 212.

для Барту сближение с Италией рассматривалось в качестве одного из промежуточных этапов на пути общеевропейского урегулирования в интересах создания системы коллективной безопасности, то для Лавалля достижение договоренности с Италией сводилось к обоюдовыгодному империалистическому торгу»⁶⁹.

Таким образом, в 1934 г. средиземноморский регион оставался в поле зрения французских политиков. Более того, он должен был стать составной частью системы безопасности, над которой активно работал Л. Барту и которая включала в себя реализацию ряда региональных пактов — Восточного, Средиземноморского, Дунайского.

Идея Средиземноморского пакта, который рассматривался как аналог Локарнских соглашений, оставалась для Л. Барту актуальной в течение всего периода пребывания на посту министра иностранных дел, хотя, безусловно, она занимала подчиненное положение по отношению к планам Восточного пакта. С помощью Средиземноморского соглашения французский министр в первую очередь рассчитывал сблизиться с Италией и отсрочить решение насущных проблем во взаимоотношениях с Римом. В то же время пакт мог стать инструментом расширения французского влияния на Балканах. Однако намерения французского министра далеко не всегда совпадали с интересами потенциальных партнеров из числа стран Балканской Антанты и коренным образом расходились с планами Италии, которая отвергала идею любых коллективных соглашений. Это и послужило главной причиной провала идеи Средиземноморского пакта на данном этапе.

References

Barlas D. *Turkish Diplomacy in the Balkans and the Mediterranean* // *Journal of Contemporary History*. 2005. Vol. 40. N 3, pp. 2–39.

Belousova Z.S. *Frantsiya i yevropeyskaya bezopasnost'* [France and European Security]. Moscow: Nauka, 1976. 418 p.

Chubar'yan A.O. *Upushchennyye vozmozhnosti i istoricheskiye uroki* [Lost Opportunities and Historical Lessons] // *Yevropa mezhdru mirom i voynoy* [Europe between Peace and War]. Moscow: Nauka, 1992, pp. 201–214.

Duroselle J.-B. *L. Barthou i franko-sovetskoye sbliizheniye v 1934 g.* [L. Barthou and the Franco-Soviet Rapprochement in 1934] // *Frantsuzskiy yezhegodnik* [French Yearbook]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961, pp. 444–457.

Ivanov L.N. *Morskaya politika i diplomatiya imperialisticheskikh derzhav* [Maritime Policy and Diplomacy of the Imperialist Powers]. Moscow: Nauka, 1964. 444 p.

⁶⁹ Смирнова Н.Д. Политика Италии на Балканах. М., 1979. С. 89.

Malafeyev K.A. *Louis Barthou. Politik i diplomat* [Louis Barthou. Politician and Diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1988. 172 p.

Malafeyev K.A. *Yevropeyskaya politika i diplomatiya Frantsii v 1933–1939 gg.* [European Politics and Diplomacy of France in 1933–1939]. Doctor in History Dissertation. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy otkrytyy pedagogicheskiy universitet, 1998. 278 p.

Ormos Sz. *Sur les Causes de l'echec du Pacte Danubien // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1968. Vol. 14. N 1/2, pp. 21–83.

Ovinnikov R.S. *Za kulisami politiki “nevmeshatel'stva”* [Behind the Curtains of the Policy of “Non-interference”]. Moscow: Izdatel'stvo IMO, 1959. 326 p.

Pirumova O.V. *Franko-ital'yanskiye otnosheniya nakanune italo-efiopskoy voyny* [Franco-Italian Relations on the Eve of the Italo-Ethiopian War] // *Diplomaticheskiye otnosheniya zapadnoyevropeyskikh stran mezhdu dvumya mirovymi voynami* [Diplomatic Relations of Western European Countries between the Two World Wars]. Yaroslavl': YarGU, 1977, pp. 38–49.

Ryabokon' S.I. *Pozitsiya stran Balkanskoy Antanty v period peregovorov o Vostochnom pakte (fevral'–oktyabr' 1934 g.)* [The Position of the Countries of the Balkan Entente during the Eastern Pact Negotiations (February–October 1934)] // *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke (1933–1943 gg.)* [The Politics of the Great Powers in the Balkans and the Middle East (1933–1943)]. Sverdlovsk: Ural'skiy universitet, 1977, pp. 3–28.

Shorrocks W.I. *From Ally to Enemy. The Enigma of Fascist Italy in French Diplomacy*. London: The Kent State University Press, 1988. 355 p.

Smirnova N.D. *Politika Italii na Balkanakh* [The Politics of Italy in the Balkans]. Moscow: Nauka, 1979. 318 p.

Turkish Foreign Policy, 1919–2006: Facts and Analyses with Documents. Salt Lake City: University of Utah Press, 2010. 968 p.

Volkov V.K. *Proyekt Dunayskogo garantiyonogo pakta i Malaya Antanta (1934–1935)* [A Draft of the Danube Guarantee Pact and the Small Entente (1934–1935)] // *Politikata na Velikite Sili na Balkanite v Navecheriyeto na Vtorata Svetovna Voyna* [The Politics of the Great Powers in the Balkans on the Eve of World War II]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarska akademiya na naukite, 1971, pp. 5–37.

Zhivkova L. *Anglo-turetskiye otnosheniya, 1933–1939* [Anglo-Turkish Relations, 1933–1939]. Moscow: Progress, 1975. 199 p.

Поступила в редакцию
31 сентября 2018 г.

О.Ю. Латышева*

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ
В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ИСЛАНДИИ**

O.YU. Latysheva

**MEDIEVAL LITERARY TRADITION
IN THE LIFE OF PRESENT-DAY ICELAND**

Аннотация. Влияние средневековой литературной традиции, прошедшей через века, в современной жизни Исландии проявляется в самых различных сферах. В статье выявляются основные источники знаний о средневековой литературной традиции, доступные для наших современников-исландцев, в том числе — роль образовательной системы в качестве такого источника. На материалах интервью, топонимики, музейных экспозиций, научных и местных публицистических изданий, показано присутствие «саг об исландцах» и скальдической поэзии в культурной, общественной, политической и экономической жизни страны. Названия рек, озер, заливов, гор, отдельных местностей остаются неизменными со времени заселения Исландии, так, как они отражены в средневековой литературе. Многие улицы городов и поселков носят названия, связанные с именами главных героев саг. Значимые события, упоминаемые в средневековой литературной традиции, нашли отражение в локальных и национальных праздниках. Жители страны знакомятся с «сагами об исландцах» уже в детских садах, изучают их в школах, ВУЗах и среднеспециальных учебных заведениях. «Сагам об исландцах» посвящено множество музейных, архитектурных и культурных комплексов, расположенных по всей стране. Глубокими познаниями в области «саг об исландцах» обладают и служители церкви, которые упоминают их в общении со своей паствой. Древние тексты используются в качестве доказательств в современных судебных процессах, затрагивающих права собственности на землю. Автор демонстрирует значимость исландского литературного наследия на всех уровнях — от локального и се-

* *Латышева Оксана Юрьевна*, аспирант кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Latysheva Oksana Yur'yevna, PhD Student, Department of Ethnology, Faculty of History, Moscow State University

+7-903-795-49-21; o.latysheva@mail.ru

мейного до законодательного и исполнительного. Результаты исследования представлены в контексте историографии изучения мирового эпического наследия и средневековой литературной традиции Исландии. Большинство исследователей литературной традиции Исландии до сегодняшнего дня рассматривали ее в историческом, культурном и литературном контексте соответствующего исторического периода. В последнее время начали появляться работы, посвященные ее влиянию на отдельные аспекты жизни страны в XXI в. Однако комплексного исследования воздействия средневековой исландской литературной традиции на жизнь страны в целом на сегодняшний день не представлено.

Ключевые слова: культура Исландии, «саги об исландцах», скальдическая поэзия, исландский эпос, национальное самосознание, историческая память.

Abstract. The influence of the medieval literary tradition, having survived through centuries, is manifested in diverse areas in present-day life of Iceland. The article identifies main sources of knowledge about the medieval literary tradition available to Icelanders today through, for example, education. Interviews, place names, museum exhibitions, academic and local journalistic publications show the presence of “Sagas of Icelanders” and skaldic poetry in the country’s cultural, social, political and economic life. The names of rivers, lakes, bays, mountains, and particular areas remain unchanged from the time of the settlement of Iceland, just as they are reflected in medieval literature. Many streets of the towns and villages bear names associated with the names of the main characters of sagas. Significant events mentioned in the medieval literary tradition are reflected in local and national holidays. The people of the country get acquainted with the “Sagas of Icelanders” already in kindergartens. They study them at schools, universities and secondary special educational institutions. Many museums, architectural and cultural complexes located throughout the country are devoted to “Sagas of Icelanders”. Fundamental knowledge in the field of “Sagas of Icelanders” is also spread among priests, who mention them communicating with their parishioners. Ancient texts are still used as evidence in litigations regarding land ownership rights. The author demonstrates the importance of the Icelandic literary heritage at all levels, from villages and families to the Althing and government. The study results are presented in the context of the historiography of the world epic heritage and the Icelandic medieval literary tradition. Its most scholars have seen this tradition in the historical, cultural and literary contexts of the relevant period of history. The works on the impact of this tradition on certain aspects of the country’s life in the 21st century have recently begun to appear. However, comprehensive research on this subject is still to be done.

Keywords: Icelandic culture, “Sagas of Icelanders”, skaldic poetry, Icelandic epic literature, national identity, historical memory.

Те духовные ценности, которые были утрачены человечеством в его развитии, могут сохраняться навеки в древних литературных произведениях...

«Саги об исландцах» — самые замечательные произведения исландской литературы и самые своеобразные памятники европейского средневековья.

М.И. Стеблин-Каменский. Мир саги

Современные исландцы гордятся своей страной, ее уникальностью и непохожестью ни на одну другую страну, своей историей, культурой и языком. Это чувство играет огромную роль в формировании их национальной самоидентификации. В наш век глобализации они стремятся сохранить неприкосновенными традиции, в том числе литературные, берущие свое начало еще в эпоху заселения страны.

Исландия была заселена в период с 870 по 930 г. н.э. выходцами из Норвегии, а также, в меньшей степени, Швеции, Дании, Англии, Шотландии и Ирландии. Период с 872 г., с момента основания Альтинга (общеисландского тинга¹) и до утраты страной суверенитета в 1262 г., в Исландии принято называть «эпохой народовластия». Переселенцы бережно хранили память о своем роде и подвигах предков, устные предания своей родины, развивали унаследованные культурные традиции, в том числе искусство складывать скальдические стихи и саги — повествования о прошлом. Исландские скалды и рассказчики саг ценились в Северной Европе тем выше, чем быстрее эти искусства забывались в континентальной Скандинавии.

Существует несколько типов исландских саг, различающихся по стилю повествования, основной идее и времени действия. Значительное место в их ряду занимает обширный корпус «саг об исландцах», которые называются еще «родовыми сагами». Они рассказывают о людях и событиях первых ста лет с момента заселения Исландии, приблизительно с 930 по 1030 г. В них содержатся подробные описания жизненного уклада населения, генеалогии основных действующих лиц, большое количество названий местностей, которые имеются на карте Исландии и на сегодняшний день. Именно этот тип саг рассматривается в настоящей статье.

«Саги об исландцах» сохранились в основном в рукописях XIV в. или более поздних. Все рукописи — это списки с несохранившихся

¹ Тинг — собрание свободных людей. На сегодняшний день словом Альтинг (Alþing) т.е. всеобщее собрание, называется парламент Исландии.

манускриптов. От эпохи до 930 г. дошли только фрагменты «саг об исландцах», датирующиеся примерно серединой XIII в.²

Скальдическая поэзия довольно часто включалась в текст саги, одновременно являясь как вполне независимой от прозаического текста поэтической его составляющей, так и дополнительным подтверждением подлинности описываемых в саге событий. В XIII–XIV вв. сага не воспринималась как авторское произведение, и переписчики саг могли вольно относиться к пересказу их содержания. Скальдические стихи были произведениями исключительно авторскими, и их текст запоминался и пересказывался, практически не претерпевая изменений.

Вот как высказывался по этому поводу С. Стурлусон, исландский ученый, поэт и политический деятель XIII в.: «А песни скальдов, как мне кажется, всего меньше искажены, если они правильно сложены и разумно истолкованы»³. Согласно с ним и современные исследователи, в частности О. А. Смирницкая, писавшая: «...насквозь регламентированная скальдическая форма способствовала фиксации скальдических стихов в устной традиции... содержание стихов ограждалось от искажений не только сложностью и регулярностью скальдической формы, но и ее условностью»⁴. Обязательным условием понимания произведений скальдической поэзии является знание правил их построения. На сегодняшний день сборники таких произведений издаются с соответствующими пояснениями, подробнее об этом речь пойдет ниже. Безусловно, следует говорить не о дословной передаче стихотворных произведений в устной традиции из поколения в поколение, но о достаточно высокой степени их сохранности на момент прихода в страну письменности и фиксации скальдической поэзии в виде литературных произведений.

«Саги об исландцах» и поэзия скальдов представляют широкое поле для исследований в различных областях гуманитарного знания. На сегодняшний день существует несколько основных подходов к данному вопросу.

Большинство ученых рассматривает эти литературные произведения в контексте устной традиции, предшествовавшей их письменной фиксации. Данный подход является частью традиции исследования мирового эпического наследия.

² Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971. С. 127.

³ Стурлусон С. Круг Земной. М., 1995. С. 10.

⁴ Смирницкая О. А. Древнегерманская поэзия. Каноны и толкования. М., 2005. С. 9.

Так, В.Я. Пропп в работе «Русский героический эпос»⁵ отмечал, что содержанием эпоса всегда является борьба и победа, причем в разные исторические эпохи содержание борьбы было различно. При этом на всех ступенях развития эпоса борьба ведется не за узкие, мелкие цели, не за личное благопоручие героя, а за самые высокие идеалы народа в данную эпоху. В то же время в своем труде «Тюркский героический эпос» В.М. Жирмунский подчеркивал: «... эпос — это живое прошлое народа в масштабах героической идеализации. Отсюда его научная историческая ценность и большое общественное, культурно-воспитательное значение»⁶.

А.Я. Гуревич в трудах «Средневековый мир»⁷ и «Норвежское общество»⁸ рассматривает «саги об исландцах» в контексте мировой литературы и, опираясь на приведенное выше определение эпоса, противопоставляет их эпическим произведениям на основании того, что персонажи и события, в них описываемые, максимально близки к той среде, в которой сага возникла и бытовала. При наличии в сагах борьбы в качестве основного лейтмотива, причины ее, помимо высоких идеалов, могут быть различны, начиная от права обладания собственностью и заканчивая личной мезтью. Практически отсутствует в них также и идеализация героев.

Г. Сигурдссон⁹ подчеркивает значимость труда А.Б. Лорда «Сказитель»¹⁰, посвященного изучению живой эпической традиции в Югославии, которые дают путь к пониманию способа сложения и бытования исландского литературного наследия в устной традиции до момента ее письменной фиксации. В этом контексте важно упомянуть труд К. Райхля «Тюркский эпос. Традиции, формы, поэтическая структура»¹¹, в котором отмечается, что для того, чтобы понять эпический текст, необходимо знать традицию, в рамках которой он был создан, и законы, по которым он функционирует, что справедливо и для изучения исландской литературной традиции.

К мотивам действий героев «саг об исландцах» также применяются основополагающие принципы исследования мотивов в эпосе:

⁵ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.

⁶ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 7.

⁷ Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. М.; СПб., 2014.

⁸ Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009.

⁹ Sigurdsson G. The Vikings Age, poems and the Icelandic sagas // Sagalands. The Icelandic Sagas and Oral Tradition in the Nordic world / Ed. by D. Cooper, R. Gundmundsson, T. Muir. Reykjavik, 2005.

¹⁰ Лорд А.Б. Сказитель. М., 1994.

¹¹ Райхль К. Тюркский эпос. Традиции, формы, поэтическая структура. М., 2008.

«...мотив может быть изучаем только в системе сюжета, сюжеты могут изучаться только в их связях относительно друг друга»¹².

Г. Сигурдссон отмечает, что первоначально «саги об исландцах» воспринимались их исследователями как достоверное отражение действительности и тех событий, которые в них описаны. С этой точки зрения считалось, что чем более древним является манускрипт, тем большего доверия он заслуживает. При этом не учитывалось, что устная традиция при переносе ее в письменную форму, так же как в процессе ее бытования в устной, могла искажаться и изменяться. Для понимания этого существенную роль играют труды Б.Н. Путилова¹³, в которых значительное внимание уделяется процессу обучения сказителей, освоению ими «эпического мира», овладению «эпическим знанием». Автор подтверждает теорию Пэри–Лорда, согласно которой эпические певцы не держали в памяти заученные тексты, а каждый раз воссоздавали их, опираясь на специфическую технику поэтики эпоса.

Во второй половине XX в. в изучении «саг об исландцах» сформировалась теория, в основу которой легло отрицание возможности передавать события и факты без искажений в устной традиции в течение столь длительного периода времени (с X по XIII в.). Таким образом, «саги об исландцах» стали воспринимать как вымысел, созданный их непосредственными авторами в XIII в. Одним из основоположников данной теории явился С. Нордаль¹⁴, благодаря которому она приобрела значительную популярность в научных кругах.

На сегодняшний день (с конца XX в.) преобладающей является теория, согласно которой социальная и историческая память народов и этнических групп способна на протяжении 300-летнего и даже более длительного периода сохранять в устной традиции информацию о «живом прошлом народа», с определенными оговорками, касающимися имен и фактов. В ее основе лежит подход, сформировавшийся в ходе изучения мирового эпического наследия¹⁵.

¹² Пронн В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 115.

¹³ См., например: Путилов Б.Н. Эпическое сказительство. Типология и этническая специфика. М., 1997.

¹⁴ Nordal S. The Historical Element in the Icelandic Family Sagas. — URL: <https://catalog.princeton.edu/catalog/1339059> (дата обращения: 10.01.2018).

¹⁵ Sigurdsson G. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method. The Milman Parry Collection of Oral Literature. Harvard University, 2004. P. 17–45.

«Саги об исландцах» и скальдическая поэзия изучаются и с литературоведческой точки зрения, что представляет определенный интерес в рамках настоящего исследования. Один из первых советских исследователей средневековой скандинавской литературы М.И. Стеблин-Каменский на основании глубокого анализа текстов саг в труде «Мир саги»¹⁶, выделил наиболее самобытные аспекты средневековой исландской литературы как сферы культурного наследия, в которой исландский народ более всего себя проявил.

О.А. Смирницкая¹⁷ и ее ученицы Е.А. Гуревич и И.Г. Матюшина¹⁸ рассматривают различия в восприятии средневековыми исландцами прозаических текстов, авторы которых часто напрямую не указывали своего авторства, подобно эпическим сказителям, и поэтических — скальдических стихов, признававшихся авторскими.

А.В. Циммерлинг¹⁹ в изучении средневековой скандинавской литературы продолжает линию своих предшественников и рассматривает значимость скальдической поэзии для общественной жизни того времени, а также ее место в текстах саг.

Несомненно, литературная традиция Исландии является важнейшим источником для изучения средневековой истории этого региона, как культурной (А.Я. Гуревич), так и социальной (Дж.Л. Байок²⁰, Э. Ольгейрссон²¹, И.Б. Губанов²²).

Тем не менее, для нас больший интерес представляют исследования взаимосвязи средневековой литературной традиции и пробуждения национального самосознания исландского общества. Эта идея присутствует в работах Дж.Л. Байока, Йоуна Р. Хьяульмарссона²³, Г. Сигурдссона²⁴ и др.

¹⁶ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч.

¹⁷ Смирницкая О.А. Литературное сознание исландцев XII–XIII вв. и проблемы становления жанровых форм // Смирницкая О.А. Избранные статьи по германской филологии / Под ред. Е.Г. Домогацкой. М., 2008.

¹⁸ Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 1999.

¹⁹ Циммерлинг А.В. Сага: рассказ для будущего и взгляд в прошлое // Исландские саги Т. 2 / Под ред. А.В. Циммерлинга. М., 2004.

²⁰ Байок Д.Л. Исландия эпохи викингов. М., 2012.

²¹ Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. М., 1957.

²² Губанов И.Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. — URL: <http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-306-4/978-5-88431-306-4.pdf> (дата обращения: 05.04.2018).

²³ Хьяульмарссон Й.Р. История Исландии. М., 2003.

²⁴ Sigurdsson G. The Vikings Age, poems and the Icelandic sagas.

Г. Сигурдссон также отмечает особое значение саг для выделения основных сфер экономической деятельности, подпадающих под протекционистскую политику правительства в качестве «исконно исландских». Г. Сигурдссон, Х. Стефанссон, С. Гудмундсдоттир и П. Йонссон занимаются изучением ряда музейных комплексов и местных праздников, посвященных наиболее известным «сагам об исландцах» и их главным героям. Кроме того, в последнее время появляются исследования взаимосвязи современной общественной жизни и саговой литературы. Так, И. А. Кучерова в недавней статье²⁵ рассматривает воздвижение сегодняшними исландцами шеста нида на основании средневекового ритуала, описанного в «Саге об Эгиле», как способа протеста против нарушения их интересов.

Как видно из изложенного выше, большинство исследователей «саг об исландцах» и поэзии скальдов рассматривают их в историческом, культурном и литературном контексте того периода, к которому они относятся хронологически. Только в недавнее время стали появляться работы, посвященные частным случаям влияния исландского литературного наследия на отдельные аспекты жизни страны в XXI в. При этом возникает вопрос: возможно ли, чтобы средневековая исландская литературная традиция играла значимую роль во всей совокупности различных сфер жизни страны сегодня?

Для того чтобы получить ответ на этот общий вопрос, представляется необходимым разбить его на ряд частных. А именно:

Из каких источников современные исландцы получают знания о своей средневековой литературной традиции? Какую роль в этом процессе играет система образования?

Каким образом и насколько значимо присутствует данная традиция в сегодняшней общественной и культурной жизни страны?

На какие сферы жизни современной Исландии оказывают влияние средневековые тексты?

Поиску ответов на поставленные вопросы посвящена данная статья.

В качестве источников использовались материалы интервью, проведенных во время полевой работы в Исландии в сентябре–октябре 2014 г. и мае–июне 2017 г., личные наблюдения, топонимика, музейные экспозиции, научные и публицистические издания, интер-

²⁵ Кучерова И.А. По стопам Эгиля: шест нида в современной Исландии (вторая половина XX – начало XXI в.) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 52–72.

нет-ресурсы и туристические буклеты. Исследование проводилось с использованием отдельных элементов метода включенного наблюдения, прямого и косвенного наблюдения, групповой невероятностной выборки, опроса ключевых информантов и культурно-специализированных информантов, а также методов факторного, качественного и количественного анализа.

Изучение средневековой литературной традиции в учебных заведениях Исландии

Правительство страны уделяет большое внимание сохранению и популяризации средневековой литературной традиции среди населения. Так, по закону об образовании 1990 г. обучение детей в школах современной Исландии начинается с шести лет, но первое знакомство с содержанием одной из наиболее известных «саг об исландцах» происходит уже в старших группах детских садов. В большинстве случаев это сага, место действия или главные герои которой связаны с тем районом страны, в котором живет маленький исландец. Фольклорист Торун Кьяртансдоттир (ее назвали в честь дочери Эгиля) рассказала, что ее сын в 2017 г. посещал старшую группу детского сада в Боргарнесе, где происходили основные события «Саги об Эгиле». На празднике, посвященном окончанию детского сада, он участвовал в театрализованной постановке по «Саге об Эгиле», которую воспитатели разбирали с детьми в течение года. «При этом он играл самого Эгиля и рассказывал наизусть скальдическое стихотворение, написанное главным героем саги в детстве. Такие праздники являются традицией в большинстве детских садов Исландии» (полевые материалы автора (ПМА) 2017: Þórunn Kjartansdóttir).

С шести до шестнадцати лет дети посещают начальную и среднюю школу, с шестнадцати до двадцати — гимназию. В 4–5-м классах школы ученики начинают знакомиться с «сагами об исландцах» на уроках исландского языка и литературы. В школах происходит знакомство с наиболее значимыми событиями и личностями, связанными с историей исландской литературы. Как рассказал Йон Тордарсон (Jón Þórðarson), фармацевт, живущий и работающий в поселке Утли (Úthlíð), предыдущей зимой он посетил вместе с дочерью, ученицей 5-го класса, музей Снорри Стурлусона в поселке Рейкхольт, городок Одди и расположенную в нем церковь. Элин, настоятельница церкви, с удовольствием рассказала им историю жизни этого известного писателя и политика. «Меня это так заинтересовало, что я изучил всё, что возможно, о жизни и творчестве этого деятеля, так как помогал

дочери готовиться к занятиям, когда они проходили по школьной программе жизнь и творчество Снорри Стурлусона» (ПМА 2017: Jón Þórðarson).

В возрасте 12–13 лет исландские школьники начинают самостоятельно читать тексты саг в сокращенном варианте. С 14–15 лет, обучаясь в старших классах средней школы, в рамках стандартной программы по литературе ученики разбирают одну или несколько «саг об исландцах», иногда в сокращенном варианте, и анализируют их с литературной точки зрения. В разных школах изучают разные саги, в некоторых — в небольшом объеме, во многом это зависит от конкретного учителя литературы. Скальдические *висы* (поэтические строфы) присутствуют в текстах саг в ограниченном количестве, и, так как они достаточно трудны для понимания, их всегда печатают с разъяснениями. В это же время ученики начинают читать «Младшую Эдду» Снорри Стурлусона и другие прозаические тексты для того, чтобы почувствовать, как исландская литература развивалась в течение времени (ПМА 2017: Þórunn Kjartansdóttir). Параллельно учащиеся получают информацию о сагах на уроках истории и географии. Нередко родители или учителя посещают вместе со школьниками места, непосредственно связанные с ключевыми событиями самых известных саг. В таких местах всегда находятся люди, готовые рассказать юным исландцам, их родителям и преподавателям о событиях саги, происходивших в данном месте. Они показывают, где именно находился тот или иной дом, где произошло решающее сражение, упоминающееся в тексте, и т.д. Как правило, это местные служители церкви, смотрители музеев или же просто исландцы, живущие в данной местности. Как рассказала Гудрун, гид, работающая в комплексе, посвященном событиям «Саги о Ньяле», к ним часто приезжают большие группы школьников или студентов из Рейкьявика со своими преподавателями, которые рассказывают саги, часто вовлекая учеников в процесс повествования. Гудрун считает, что для детей очень важна возможность не просто посетить место, где происходили события изучаемой ими саги, но и послушать и постараться воспроизвести ее текст в соответствующей исторической обстановке. По ее словам, большинство детей восторженно воспринимает происходящее, чему персонал комплекса старается максимально содействовать (ПМА 2017: Guðrun).

В гимназиях учащиеся с 16 до 20 лет изучают саги в большем объеме. Существуют специальные издания саг для учащихся гимназий, по которым они пишут эссе и сочинения. Тексты саг анализируют на

занятиях, разбираются основные сюжеты и проблемы. В большинстве гимназий учащиеся читают по одной большой саге, отдельные фрагменты из других саг, а также несколько «прядей об исландцах»²⁶.

Изучение скальдической поэзии также входит в общеобразовательную школьную программу. Скальдическую поэзию в старших классах подробно разбирают на уроках литературы, ученикам разъясняют основные принципы построения вис, объясняют, что порядок слов в них может быть достаточно запутанным. Степень глубины анализа этого непростого жанра зависит от подхода конкретного педагога. В начальных классах гимназии продолжается изучение скальдической поэзии. В существующих наряду с гимназиями среднеспециальных учебных заведениях (наподобие наших колледжей) учащиеся также изучают «саги об исландцах», но в сокращенном по сравнению с гимназиями варианте.

По окончании гимназии, в возрасте двадцати лет исландцы продолжают образование в ВУЗах. Основным государственным высшим учебным заведением Исландии является Университет Исландии (*Háskóli Íslands*), открывшийся в 1911 г. В его состав входят шесть отдельных дисциплинарных школ, подразделяющихся на 26 факультетов, на каждом из которых студенты подробно изучают какую-либо одну из «саг об исландцах». Глубоким изучением саг и скальдической поэзии в Университете Исландии занимаются на факультете иностранных языков, литературы и лингвистики — на отделении общей литературы, и на факультете исландистики и сравнительной культурологии — на отделении исландистики. Студентов остальных факультетов, а также других высших учебных заведений, желающих более глубоко ознакомиться со средневековой исландской литературной традицией, направляют в институт Арни Магнуссона университета Исландии, где хранятся и изучаются древние манускрипты, которые содержат в виде саг и поэм историю Скандинавии эпохи викингов.

Выпускники университета, занятые в различных сферах деятельности, рассказывают: «С несколькими “сагами об исландцах” в кратком изложении я познакомился еще в школе, потом в университете подробно изучал “Сагу об Эгиле”, с тех пор это мой любимый литературный герой», — Арни Тордарсон, врач-ортодонт (ПМА 2014: *Árni Þórðarson*). «Я приехал в Исландию из Германии 10 лет назад, чтобы продолжить обучение в сфере туризма в Университете Исландии. На занятиях мы подробно разбирали “Сагу о Ньяле”, после

²⁶ Короткие литературные произведения, записанные в Исландии в XIII–XIV вв. и повествующие об истории скандинавских народов в период с 930 по 1030 г.

чего я посчитал необходимым прочитать все исландские саги, чтобы лучше понять менталитет жителей Исландии — страны, в которой я решил остаться жить и работать», — Харальд Скаллер, менеджер по туризму (ПМА 2017: Harald Schaller).

Можно заключить, что современная система образования в Исландии построена таким образом, чтобы подрастающее поколение получало разносторонние и глубокие знания о национальной литературной традиции как части культурного и исторического наследия на всех этапах обучения.

Проявления средневековой литературной традиции в современной общественной и культурной жизни Исландии

Средневековая литературная традиция пронизывает всё культурное пространство современной Исландии, является ее основой. В школах и ВУЗах младшее поколение учат уважать и воспринимать эту традицию, однако было бы безосновательно полагать, что столь глубокое принятие, какое можно наблюдать в современном исландском обществе, возможно только на основании образовательной программы.

В Исландии присутствуют и другие источники информации о средневековой литературной традиции, которые способствуют ее органичному восприятию детьми и взрослыми.

Средневековые литературные произведения в виде печатной продукции являются весьма востребованными и доступными. В любом книжном магазине, как в Рейкьявике, так и в небольших городах, представлен значительный ассортимент изданий «саг об исландцах» и сборников исландских народных сказок на исландском, английском и немецком языках. Красочные издания наиболее известных «саг об исландцах», в переводе на английский и немецкий языки, в большом количестве имеются во всех туристических и сувенирных магазинах.

Достаточно большой популярностью в современной Исландии пользуются стихи средневековых исландских скальдов, периодически переиздающиеся в виде сборников. В таких сборниках скальдическая поэзия печатается в оригинале — на древнеисландском. В классических изданиях после поэтического текста помещается «развёртка»: содержание вис раскрывается в прозаической форме, при этом особо выделяются кеннинги (иносказания). Отдельная глава обычно посвящается разъяснению кеннингов и необычных слов. Так как в отношении лексики современный и древний исландский

языки имеют весьма существенное сходство, то смысл некоторых вис после «развертки» и разъяснений становится понятным, и такие висы не переводятся. В остальных случаях в сборниках дается перевод скальдических вис на современный исландский, а кеннинги разъясняются дополнительно. Подобные сборники поэзии редко переводятся на иностранные языки и практически не встречаются среди популярных изданий в магазинах для туристов, так как данный раздел литературного наследия представляет существенно больший интерес для исландскоязычной аудитории.

Поэтическая традиция сохраняется и остается весьма востребованной в современном исландском обществе. Начиная со второй половины XX в. вновь стал популярным жанр, использующий аллитерацию. В комментариях к новостям в интернете сразу же появляются по несколько четверостиший, так же часто это происходит в социальных сетях. Маленькие четверостишия на все случаи жизни очень популярны, и их можно услышать от каждого исландца.

Исландские сказки на протяжении многих веков жили в национальном фольклоре. Множество сказок навеяно самой природой Исландии, в них рассказывается о горных троллях и эльфах, населявших скалы и утесы, в то время как другие, вызванные к жизни силой воображения, повествуют об ужасных привидениях и мифических животных, обитавших на земле и в море. Основным собранием исландских народных сказок на сегодняшний день является шеститомное издание, обязанное своим появлением исландскому ученому Йону Арнасону (*Jón Arnason*) (1819–1888). «Под впечатлением сказок Братьев Гримм, он собрал истории, которые исландские крестьяне рассказывали друг другу в течение столетий»²⁷. Два тома его коллекции были изданы в Лейпциге в 1862–1864 гг. В Рейкьявике собрание исландских народных сказок Йона Арнасона было полностью издано в 1954–1961 гг.

Современные жители Исландии хорошо знают и любят исландские народные сказки, рассказывают и читают их своим детям. Небольшие сборники, включающие в себя по несколько десятков сказок, регулярно переиздаются и пользуются спросом. В книжных магазинах также имеются издания исландских сказок на английском и немецком языках.

Существуют также специальные издания сказок, например “Trunt, Trunt. Folktales of Trolls, Elves and People”²⁸, нацеленные на

²⁷ The Trolls in The Knolls. 35 Icelandic folk and fairy tales. Reykjavik, 2016, P. 10.

²⁸ Trunt, Trunt. Folktales of Trolls, Elves and People. Slovenia, 2015.

привлечение интереса туристов, приезжающих в страну в поисках экзотики. Они продаются в туристических магазинах наряду с открытками и сувенирами. Подобные издания отличаются весьма эпатажным содержанием, в них включается достаточно необычная подборка сказок и иллюстраций к ним. «Нам практически не знакома большая часть сказок в подобных сборниках, и мы не стали бы читать их своим детям, по крайней мере, до определенного возраста», — утверждают опрошенные мной исландцы (ПМА 2017: J. T., T. K., A. T., G. T.).

О популярности средневековой литературных произведений говорит и тот факт, что выдержки из них часто цитируются в быту взрослыми. Исландские дети растут в обществе, разговорная речь которого буквально пропитана пословицами и поговорками из различных «саг об исландцах». «Только из одной “Саги о Греттире” исландцами часто употребляется 387 крылатых выражений» (ПМА 2017: Hilmar Örn Hilmarsson).

Кроме того, у исландцев большой популярностью пользуется составление генеалогии своей семьи. Примечательно, что нередко она возводится к первопоселенцам, чьи имена упоминаются в «сагах об исландцах».

Помимо отражения в литературе и языке, большое значение для актуализации информации, которую можно почерпнуть в текстах саг, имеют места памяти. Рассмотрим наиболее показательные примеры.

По всей стране в местах, где происходили самые известные события «саг об исландцах», установлены памятные таблички с подробным их описанием, указанием времени событий и основных их участников, а также с названием саги, в которой они упоминаются. Такая информация способствует сохранению культурной памяти исландцев. Исходя из того, что в большинстве случаев таблички содержат текст только на исландском языке, можно сделать вывод, что ориентированы они на местное население.

Одним из наиболее эффективных и наглядных способов сохранить память об историческом литературном наследии являются музейные комплексы. Как правило, они посвящены известным историческим событиям и личностям, упоминаемым в «сагах об исландцах».

Так, например, в городе Боргарнес (Borgarnes), в окрестностях которого происходили основные события «Саги об Эгиле», находится музей, посвященный исландским первопоселенцам (Icelandic Settlement Centre). Комплекс разделен на две части, одна повествует о заселении Исландии, другая полностью посвящена саге об извест-

нейшем исландском скальде Эгиле Скаллаgrimсоне. Обширная экспозиция выстроена в соответствии с хронологией развития сюжета саги и отражает все основные эпизоды «Саги об Эгиле». Комплекс знакомит посетителей с процессом заселения страны и событиями одной из наиболее известных исландских саг на том уровне, на котором их знают исландские школьники младших классов. «Исландский Центр заселения страны рассчитан не столько на исландцев, сколько на туристов. Что касается “саги об Эгиле” — аудиогид неплохо рассказывает историю, но уж чересчур руководит: “переходим сюда.., теперь туда...” (ПМА 2017: Þórunn Kjartansdóttir)

В фамильном имении рода Стурлунгов в поселке Рейкхольт построен музейный комплекс, посвященный самому влиятельному представителю этого рода — Снорри Стурлусону (1179– 1241). Он был историком, писателем, выдающимся политическим деятелем своей эпохи, в 1215–1218 гг. и 1222–1231 гг. занимал должность законодателя²⁹ и фактически управлял страной в период с 1220 по 1235 г.³⁰

Этот комплекс рассчитан на исландцев, в том числе школьников и студентов, а также иностранных исследователей, занимающихся изучением истории страны и исландской литературы. В музее есть библиотека с читальным залом, где представлены издания по истории, филологии и фольклористике на разных языках, опубликованные в различных странах начиная с XVI в. В комплексе имеются жилые помещения, предназначенные для исследователей, желающих задержаться на несколько дней.

Значимым в качестве места памяти является также музейно-фольклорный комплекс, посвященный «Саге о Ньяле» (Njál's saga Centre), расположенный в небольшом городке Хвольсвёдлюр (Hvolsvollur) в 110 км от Рейкьявика. Комплекс представляет собой большое одноэтажное здание сложной архитектуры, внутри которого расположены две экспозиции. Одна посвящена исландскому быту середины прошлого века, другая подробно иллюстрирует события «Саги о Ньяле».

В комплексе расположена мастерская, в которой коллектив местных женщин из 15-ти человек на протяжении последних полутора лет вышивает картины, иллюстрирующие события саги. Предполагается, что по завершении полотна займет центральное место в экспозиции. При ширине полотна около 80 см длина его составляет

²⁹ Человек, оглашавший законы со Скалы Закона на Альтингге (должность, появившаяся в бесписьменный период, продолжала существовать и после введения в стране письменности).

³⁰ Хьяульмарссон Й. Р. История Исландии. М., 2003, С. 60.

на сегодняшний день более 60 м, и работа над ним, по словам гида, близится к завершению. Таким образом, можно отметить еще один наглядный пример актуализации литературного прошлого.

В самом центре комплекса находится огромный, построенный в виде длинного дома, зал, стилизованный под старинное жилище викингов, по всей длине которого расставлены столы, рассчитанные на 20 человек каждый, и лавки, покрытые лошадиными шкурами. Зал используется как место, где исландские студенты и школьники, а также иностранные туристы могут слушать и рассказывать саги. Гид центра Гудрун сообщила, что комплекс пользуется большой популярностью среди исландских студентов и школьников, и, несмотря на существенный рост посещаемости его иностранными туристами, в общем потоке посетителей их доля не превышает половины (ПМА 2017: Guðrun)

Неподалеку от Хвольсвёлюра расположен небольшой городок Одди (Oddi), который привлекает множество исландцев, изучающих литературную традицию: в нем происходили события «Саги о Ньяле», а также здесь вырос Снорри Стурлусон. Но наибольший интерес представляет церковь, построенная в начале XX в. на том же месте, на котором одно здание церкви сменяет другое непрерывно с 1500 г. Настоятельница церкви Элина Хрюнд Кристиансдоттир (Elina Hrund Kristiansdottir) рассказала, что церковь в этом местечке впервые была построена в 1000 г., в год принятия христианства в Исландии. С тех пор здесь непрерывно проводятся церковные службы.

В церкви представлен список всех священников, бывших здесь настоятелями за весь этот период. Особое место, в том числе в контексте актуализации литературного наследия, принадлежит второму настоятелю церкви, с 1078 г., — Сэмунду Мудрому. Он является автором «Латинской хроники норвежских королей» и героем известной саги о противостоянии дьяволу, по мотивам которой был создан памятник работы исландского скульптора Аусмундура Свейнссона: Сэмунд Мудрый верхом на тюлене (копия памятника установлена недалеко от церкви).

По словам Элины, церковь является хорошо посещаемым местом, хотя она находится в малонаселенной местности. На воскресные службы приходит в среднем от 30 до 50 прихожан. Регулярными посетителями церкви являются студенты и школьники, большими группами приезжающие вместе со своими преподавателями и родителями. Иностранные туристы приезжают сюда практически со всего света. В этом можно убедиться, пролистав гостевую книгу, которая

находится при входе в церковь. Здесь часто проводятся церемонии венчания иностранных туристов, даже в зимний период по две-три церемонии в месяц (ПМА 2017: Elina Hrund Kristiansdottir).

В повседневной жизни напоминания о событиях и героях «саг об исландцах» встречаются буквально на каждом шагу. Улицы многих городов носят имена известных героев саг. Так, например, в городе Боргарнес улицы названы именами главных героев «Саги об Эгиле», а центральный парк называется парк Скаллагрима (отец Эгиля).

Посвященные героям «саг об исландцах» и эпохе заселения страны ежегодные летние праздники и фестивали, как музыкальные, поэтические, так и спортивно-исторические, пользуются большой популярностью среди местных жителей и туристов.

Фольклорный фестиваль, который ежегодно проводится в городе Боргарнес в последнюю субботу июня, носит название в честь Торгерд Брак (няня Эгиля). В программу фестиваля входят детские игровые постановки по мотивам событий эпохи викингов, описанных в «сагах об исландцах», в том числе «саге об Эгиле». В парке Скаллагрима общества исторической реконструкции представляют фрагменты сражений викингов в полном боевом вооружении. Завершает мероприятие концерт исландской народной музыки, в котором участвуют как профессиональные, так и любительские музыкальные коллективы округа (ПМА 2017: Þórunn Kjartansdóttir).

Подобные фестивали являются традицией во многих городах. Как правило, они связаны с событиями саги, происходившими в данной местности, и проводятся ежегодно в летний период.

Помимо этого в стране строятся комплексы, специально предназначенные для проведения летних фестивалей. Так, в 2004 г. в деревне Синггейри в Западных фьордах построен комплекс, где проводятся различные фольклорные фестивали. Он расположен в историческом месте, вблизи которого происходили основные действия «Саги о Гисли» и представляет собой ряд сооружений, в том числе реконструированные средневековые постройки и специально оборудованное место для костра, вокруг которого одновременно могут сидеть до трехсот человек. «Это место хорошо подходит для рассказывания саг, пения и совместного отдыха большого числа людей»³¹. Фестиваль Лейва Эйрикссона Счастливого («Сага о людях из Лососьей Долины») ежегодно проводится во вторые выходные июля в Эйрикстадире, в Даласюсле, в музейно-археологическом

³¹ Gudmundsson T.O., Lubecki D. The Saga of Gisli Surrsson.// Sagalands. The Icelandic Sagas and Oral Tradition in the Nordic world. Reykjavik, 2005. P. 68.

комплексе, который представляет собой группу реконструированных средневековых построек. Ежегодный фестиваль Греттира («Сага о Греттире») проводится в Бьярге — месте рождения главного героя саги и сопровождается соревнованиями в поднимании тяжестей (Греттир был легендарным силачом).

На протяжении большей части XX в. все виды искусства Исландии — архитектура, изобразительное искусство, музыка и театр — обязаны были быть исландскими по духу, отражая националистическое «триединство»: географическое положение страны, ее разговорный язык и культурное наследие. «Построение основ национальной идентичности на базе этих основных факторов было столь успешным, что практически не вызывал сомнения факт, что именно они и являются главными составляющими исландской культуры»³².

В архитектуре развивались стили, отсылающие к наиболее типичным элементам ландшафта: скальным группам, холмам, поросшим травой, фермерским постройкам XIX в. Традиционные фермерские постройки были фактически частью земли, состоящими, как и она, из камня и торфа, стены и крыши были продолжением природного пейзажа. Характерным примером такой постройки служит реконструированная средневековая ферма в Тьёрсардалуре (Thjorsardalur), включающая в себя единый комплекс жилых и хозяйственных помещений и отдельно стоящую небольшую церковь. Согласно «сагам об исландцах», такие постройки соответствуют периоду конца «века саг» — началу XIX столетия. Ферма реконструирована во всех подробностях, включая интерьер помещения, хозяйственную утварь и даже ключи от входных дверей. Небольшие постройки такого типа присутствуют в сельской местности и на сегодняшний день используются фермерами для хозяйственных нужд.

Данный тип архитектуры нашел отражение и в современном строительстве: городские жители, строящие дачные дома в сельской местности, придерживаясь традиций, покрывают их крыши, поверх кровельного материала, торфом, на котором растет трава, в то время как стены обычно красят в традиционный черный или темно-коричневый цвета. Стремление подчеркнуть принадлежность к древнеисландской культуре нашло свое проявление и в городской архитектуре. Здания в национальном стиле, такие как Университет Исландии и Национальный театр, по своей форме и использованным

³² Sigurdsson G. Icelandic National Identity From Romanticism to Tourism. P. 44.

строительным материалам «повторяют» характерные для ландшафта страны скалы и утесы. Основой оформления их интерьера стали шестиугольные колонны из базальта.

В изобразительном искусстве распространено направление классического исландского пейзажа, также пронизанного «саговой» тематикой. Наиболее популярные театральные постановки строятся на сюжетах из исландских саг и сказок — в гораздо большей степени, нежели на проблемах повседневной жизни.

Многие современные рок-группы обращаются в своем творчестве к средневековой тематике. Относительно недавно появилось музыкальное направление, последователи которого кладут на музыку и исполняют древнеисландскую скальдическую поэзию, способствуя таким образом популяризации этого жанра.

В «сагах об исландцах», которые были написаны через два века после принятия христианства, основой мировоззрения действующих лиц являются языческие верования, частично, но весьма ярко присутствующие и в сегодняшней повседневной жизни исландцев. На гербе республики изображены четыре мифологических существа, каждое из которых относится к одной из четырех «четвертей» страны, упоминающихся в «Круге Земном» и «сагах об исландцах» и почитаемых в качестве духов — хранителей Исландии.

Живущие на молодом с геологической точки зрения острове, где весьма часто бывают землетрясения и извержения вулканов, практически в любом месте ощущается первобытность никогда не подвергавшейся воздействию человека природы, исландцы, включая многих городских жителей, сохраняют верования в существование духов земли. Два года назад неподалеку от поселка *Bústaðir* в Южной четверти Исландии планировалось построить дорожную развязку и расширить дорогу, проходящую через живописную долину, пользуясь, по местным поверьям, особой любовью у духов страны. Несмотря на протесты местных жителей, строительство было начато, но с первого дня возникли неполадки в работе техники. Приблизительно на третий день проведения дорожно-строительных работ тяжелая техника, в них задействованная, полностью вышла из строя, и, по согласованию с вышестоящими организациями, в течение недели всё строительство в этом месте было свернуто и более не возобновлялось (ПМА 2014: *Árni Þórðarson*).

Данный пример явно перекликается с основными постулатами, регулировавшими общественную жизнь исландцев в Средние века: «В «Книге о заселении страны» сообщается, что первый исландский

закон, принятый еще в языческое время, предписывал снимать с корабельного носа драконью голову с разинутой пастью, подплывая к берегу, чтобы не испугать духов страны»³³.

Таким образом, упоминания и отсылки к «сагам об исландцах» наполняют повседневную жизнь исландцев и встречаются практически повсеместно, дополняя информацию, получаемую подрастающим поколением посредством системы образования. Можно констатировать, что современная общественная и культурная жизнь Исландии в значительной степени опирается на средневековую литературную традицию, в частности, на «саги об исландцах».

Влияние саг на общественно-экономическую и политическую жизнь современной Исландии

Большинство фермеров, живущих и работающих сегодня в сельской местности, являются потомственными собственниками своих хозяйств, и владение землей для них – своеобразный критерий, отличающий их от всех остальных. Будучи земледельцами и пастухами, они продолжают традиции своих предков и таким образом «представляют собой живую связь с прошлым. Порой они буквально ожившие музейные экспонаты, но в то же время — это возможность для остальной части исландской нации воссоединиться со своими корнями, просто посетив одну из ферм»³⁴. При этом их связь с прошлым, будучи подтверждена документально, может сыграть существенную роль в борьбе за права собственности на землю и ресурсы, которые могли бы быть нарушены в связи с государственными планами развития. С 2007 г. в стране началась кампания по национализации земель фермерских хозяйств, собственность на которые владельцы не могут подтвердить документально. Особое недовольство у фермерских семей, на протяжении многих поколений владеющих фермой и участком земли, вызвало требование доказать право собственности на землю, опираясь на письменные документы и другие законодательно значимые бумаги. В большинстве таких случаев речь идет о землях, расположенных в горах и используемых для выпаса скота. Наиболее легко и быстро подобные споры решались, если у фермера сохранились достаточно старые письменные свидетельства, в которых обозначены границы земельного участка,

³³ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч. С. 21.

³⁴ Ögmundardóttir H. The Shepherds of Þjórsárver: Traditional Use and Hydropower Development in the Commons of the Icelandic Highland. Uppsala, 2011, P. 265.

принадлежащего ему, а лучше всего, если данная ферма упоминалась в сагах (ПМА 2017: Helga Ögmundardóttir)

Несколько лет назад с подобной проблемой столкнулись владельцы фермы Úthlíð. В результате разбирательства, земля была окончательно законодательно закреплена за их семьей после того, как была предоставлена в качестве свидетельства копия древнего манускрипта (сама копия 500-летней давности), в котором были четко прописаны границы земельного участка. Этот документ явился достаточным доказательством для судебных органов в качестве подтверждения законности прав на землю (ПМА 2017: Úthlíð).

При этом необходимо признать, что многие сферы экономической деятельности переживают упадок вследствие приверженности идее, в соответствии с которой всё, создающееся в Исландии, обязательно должно быть «исконно исландским». «Непосредственно до сегодняшнего дня исландцы не могут включить квалифицированных рабочих в свое понимание исландской культуры»³⁵. Среднеспециальные учебные заведения относительно слабо оснащены и не пользуются популярностью среди выпускников школ в обществе, считающем книгу своим национальным символом. Промышленность в Исландии вынуждена бороться за общественное признание, вероятно, вследствие того, что она не имеет связи с «традиционным» исландским стилем жизни, включающим в себя разведение овец, производство молока и рыболовство. В результате «на душу населения в Исландии приходится значительно меньший процент квалифицированных специалистов в сфере производства, чем в соседних странах»³⁶.

Кроме того, эффективность сельского хозяйства могла бы быть значительно выше, если бы минимизация отклонений от традиционной системы ведения хозяйства не являлась официальной политикой государства. Около 20 лет назад исландские фермеры планировали заменить свое поголовье довольно некрупных коров на датскую породу, дающую на 30–35% больше молока. Данный проект не был одобрен правительством и ветеринарными службами. Исландские фермеры согласились с целесообразностью отказа из-за двух основных аргументов: появление на острове животных из иной микробиологической среды может пагубно сказаться на эпидемиологической ситуации на острове; разведение местной породы коров является

³⁵ Sigurdsson G. Icelandic National Identity From Romanticism to Tourism. P. 50.

³⁶ Ibidem.

традиционным для Исландии. Было принято решение, что исландцы, как нация, придерживаясь исторически сложившихся традиций во всех сферах жизни и хозяйствования, должны отказаться от внедрения данного новшества, невзирая на экономическую выгоду. Согласие было достигнуто, исландские фермеры по-прежнему продолжают разводить своих «традиционно-исландских» коров (ПМА 2017: Spóastaðir).

Жизнь в сельской местности и занятие рыбной ловлей признаются неотъемлемыми элементами исландского быта и активно поддерживаются государством, но выделение этих факторов оказывает негативное воздействие на темпы экономического развития и уровень образования в стране. В отношении исконно исландских сфер деятельности, таких как фермерство и рыболовство, правительством проводится протекционистская политика. Разведение овец, коров и лошадей исландской породы, уходящее корнями в эпоху заселения страны и упоминающееся в «сагах об исландцах», широко распространено и на сегодняшний день. Это является основным занятием небольших фермерских хозяйств, во множестве встречающихся по всей стране, традиционно весьма удаленных друг от друга, но объединенных в фермерские округа.

Весьма популярен как среди жителей сельской местности, так и среди городского населения традиционный фермерский праздник Рэттир, посвященный осеннему сбору животных для перевода их в стойла или на зимние пастбища. Праздник традиционно проводится во вторые выходные сентября, в специально оборудованных местах, в каждом крупном фермерском округе и привлекает огромное количество зрителей. Так как данный праздник не предназначен для посещения туристов и не афишируется туристическими фирмами, абсолютное большинство его посетителей составляет местное сельское и городское население. В течение нескольких дней до проведения праздника фермеры верхом на лошадях собирают по пастбищам округа лошадей и овец и сгоняют их в специально отведенное место. В день праздника собранных животных отдельными группами, по несколько сотен голов, загоняют в специальный круглый загон, по периметру которого находятся отдельные загоны для каждого фермерского хозяйства. Фермеры по характерным меткам на ушах животных отбирают своих и разводят их по загонам. Принимают участие в этом празднике исландцы всех возрастов, включая детей четырех–пяти лет. В ряде исландских округов Рэттир проводится на одном и том же месте уже несколько сотен лет. Продолжается

праздник целый день, а вечером действие перемещается в специальное помещение, совмещающее по функциям клуб и ресторан, где проходит торжественная часть мероприятия. Здесь вручаются награды наиболее успешным фермерам, обсуждаются важнейшие события прошедшего лета и планируются мероприятия на будущее. Основным праздничным блюдом Рэттира является традиционный густой суп из баранины с острыми приправами. В финальной части праздника фермеры поют народные исландские песни под аккомпанемент аккордеона и других музыкальных инструментов (ПМА 2014: Úthlíð). При этом в целом ряде областей Исландии, в местах, не имеющих ничего общего с традицией, проводится праздник, подобный Рэттиру, специально для развлечения иностранных туристов. Лошадей для этого праздника пригоняют с ближайших ферм округа, организуют катания и всевозможные увеселительные мероприятия (ПМА 2017: Helga Ögmundardóttir).

Современный исландский парламент Альтинг называется тем же словом, что и всеисландское вече, собиравшееся ежегодно с 930 г. на Полях Тинга в юго-западной части острова, временно прервавшее свое существование в 1800 г. и вновь начавшее собираться с 1845 г. Это важнейшее для жизни страны собрание проводилось в течение двух июньских недель и выполняло функции управления страной, но не только. «На Альтинг собирались как на всенародный праздник. На нем знакомились, заключали торговые сделки и браки, учились законам и судебной процедуре, состязались в играх, слушали рассказы о путешествиях в дальние страны, рассказывали саги, исполняли стихи»³⁷. Поля Тинга — широкое лавовое поле, изборожденное трещинами и расположенное между горами на берегу большого озера, — одно из самых красивых мест Исландии, и каждое лето оно на две недели превращалось в столицу острова.

Конечно, сегодняшний парламент совершенно не похож на древнеисландский Альтинг. Но для современных исландцев это — то же самое, вероятно поэтому они называют свой парламент «древнейшим парламентом Европы». Исландский парламент на сегодняшний день заседает в Рейкьявике, а на Полях Тинга исландцы собираются по поводу наиболее знаменательных событий в жизни страны. В 1930 г. на Полях Тинга проводились широкомасштабные празднования тысячелетия со дня учреждения Альтинга. Провозглашение республики

³⁷ Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии // Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 21.

Исландия 17 июня 1944 г. и праздник, посвященный 1100-летию с начала заселения страны, также состоялись на этом историческом, освященном древней традицией месте. Отдельные местные тинги упоминаются во всех «сагах об исландцах», и во многих из них упоминается Альтинг. Здесь обсуждались и принимались законы страны с древнейших времен.

Таким образом, становится понятно, что литературная традиция в Исландии сегодня — это не только уроки литературы в школе или музейные комплексы. Ее уникальность состоит в том, что она органично присутствует во всех сферах жизни общества, от культуры и искусства до экономики и законотворчества.

* * *

Мы убедились, что на сегодняшний день средневековая литературная традиция продолжает играть весьма существенную роль в жизни и культуре исландского общества. Исландские дети растут в атмосфере, способствующей близкому знакомству с «сагами об исландцах» и восприятию их как неотъемлемой и органичной части жизни. Скальдическая поэзия, при всей ее сложности, также не является для исландцев просто памятником прошлого, но в том или ином виде присутствует в повседневной реальности. В высших учебных заведениях страны саги об исландцах в различном объеме изучаются на всех факультетах, независимо от основного направления обучения студентов.

Музейные комплексы и другие места памяти, которые пользуются большой популярностью у населения Исландии, свидетельствуют о значительной глубине проникновения средневекового литературного наследия в современную жизнь страны.

Средневековая литературная традиция нашла отражение в большинстве сфер культурной и общественной жизни Исландии. Это относится к архитектуре, музыке, живописи, литературе, большей части фермерской деятельности, рыболовству, а также судебной практике и даже законодательной деятельности. Значимость исландского литературного наследия подчеркивается на всех уровнях, от школьного и семейного до правительственного.

Исландцы стараются сохранять свои древние традиции, на сегодняшний день в исландском обществе ярко присутствует «связь времён», ощущение которой старшее поколение стремится передать своим детям.

References

- Bayok D.L. *Islandiya epokhi vikingov* [Viking Age Iceland]. Moscow: Astrel', 2012. 912 p.
- Gubanov I.B. *Islandskiy rodovyye sagi kak istochnik po istorii kul'tury i obshchestva Drevney Skandinavii. Issledovaniye, teksty i perevody* [Icelandic Family Sagas as a Source of the History of Culture and Society of Old Scandinavia. Research, Texts and Translations]. Saint Petersburg: Kunstkamera, 2016. 229 p.
- Gudmundsson T.O., Lubecki D. *The Saga of Gisli Sursson // Sagalands. The Icelandic Sagas and Oral Tradition in the Nordic world / Ed. by D. Cooper, R. G. Gudmundsson, T. Muir*. Reykjavik: Destination Viking, 2005, pp. 62–72.
- Gurevich A.Ya. *Izbrannyye trudy. Norvezhskoye obshchestvo* [Selected Works. The Norwegian Society]. Moscow: Traditsiya, 2009. 470 p.
- Gurevich A.Ya. *Izbrannyye trudy. Srednevekovyy mir* [Selected Works. The Medieval World]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 560 p.
- Gurevich E.A., Matyushina I.G. *Poeziya skal'dov* [The Poetry of the Skalds]. Moscow: RGGU, 1999. 752 p.
- Hjalmarsson J.R. *Istoriya Islandii* [History of Iceland]. Moscow: Ves' mir, 2003. 240 p.
- Kucherova I.A. *Po stopam Egilla: shest nida v sovremennoy Islandii (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.)* [In the Footsteps of Egill: The Niðstöng in Present-Day Iceland (the Second Half of the 20th — Early 21st Century)] // *Sibirskiy istoricheskiye issledovaniya*. 2017. № 1, pp. 52–72.
- Lord A.B. *Skazitel'* [Storyteller]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994. 368 p.
- Nordal S. *The Historical Element in the Icelandic Family Sagas*. — URL: <https://catalog.princeton.edu/catalog/1339059>
- Ógmundardóttir H. *The Shepherds of Þjórsárver. Traditional Use and Hydropower Development in the Commons of the Icelandic Highland*. Uppsala: Uppsala University, 2011. 320 p.
- Olgeirsson E. *Iz proshlogo islandskogo naroda* [From the Past of the Icelandic People]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1957. 332 p.
- Propp V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Leningrad: LGU Press, 1986, 299 p.
- Propp V.Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [The Russian Heroic Epic]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1958. 602 p.
- Putilov B.N. *Epicheskoye skazitel'stvo. Tipologiya i etnicheskaya spetsifika* [Epic Storytelling. Typology and Ethnic Specificity]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997. 296 p.
- Reichl K. *Tyurkskiy epos. Traditsii, formy, poeticheskaya struktura* [The Turkic Epic. Traditions, Forms and Poetic Structure]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008. 383 p.
- Sigurdsson G. *Icelandic National Identity from Romanticism to Torism // Making Europe in Nordic Contexts / Ed. by P.J. Anttonen*. Finland: Nordic Institute of Folklore, 1996, pp. 41–77.

Þigurdsson G. *The Vikings Age, poems and the Icelandic sagas // Sagalands. The Icelandic Sagas and Oral Tradition in the Nordic world* / Ed. by D. Cooper, R. Gundmundsson, T. Muir. Reykjavik: Destination Viking, 2005, pp. 19–31.

Þigurdsson G. *The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method. The Milman Parry Collection of Oral Literature*. London: Harvard University Press, 2004. 392 p.

Smirnitskaya O.A. *Drevnegermanskaya poeziya. Kanony i tolkovaniya* [Old German Poetry. Canons and Interpretations]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 175 p.

Smirnitskaya O.A. *Literaturnoye soznaniye islandtsev XII–XIII vv. i problemy stanovleniya zhanrovoykh form* [Literary Identity of the 12th–13th-century Icelanders and the Problems of the Formation of Genre Conventions] // Smirnitskaya O.A. *Izbrannyye stat'i po germanskoy filologii* [Selected Articles on Germanic Philology] / Ed. by E.G. Domogatskaya. Moscow: MAKSS Press, 2008. 472 p.

Steblyn-Kamenskiy M.I. *Kul'tura Islandii* [The Culture of Iceland] // Steblin-Kamenskiy M.I. *Trudy po filologii* [The Philological Works] / Ed. by Yu.A. Kleyner. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003, pp. 7–125.

Steblyn-Kamenskiy M.I. *Mir sagi* [The World of the Saga]. Leningrad: Nauka, 1971. 139 p.

Sturluson S. *Krug zemnoy* [Heimskringla]. Moscow: Nauka, 1995. 687 p.

Tsimmerling A.V. *Saga: rasskaz dlya budushchego i vzglyad v proshloye* [The Saga: A Story for the Future and a Look into the Past] // *Islandskiye sagi* [Icelandic Sagas]. Vol. 2 / Ed. by A.V. Tsimmerling. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, pp. 3–9.

Zhirmunskiy V.M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [The Turkic Heroic Epic]. Leningrad: Nauka, 1974. 728 p.

Поступила в редакцию
23 мая 2018 г.

С.А. Дородных*

ОБРАЗ ЛОШАДИ В ТАГАРСКОМ ИСКУССТВЕ

S.A. Dorodnykh

THE HORSE IMAGE IN TAGAR ART

Аннотация. В статье рассматриваются изображения лошадей и «ко-неподобных» животных на предметах из археологических памятников тагарской культуры, а также синхронных памятников из соседних регионов (Тувы и Томской области), представленных в данной работе по возможности максимально полно. Историографический обзор по теме исследования выявил отсутствие специальных работ, посвященных стилистическому анализу образа лошади в тагарском искусстве, учитывающих весь накопленный к настоящему моменту материал, что было восполнено в данной статье. Для исследования использованы изображения, опубликованные в археологической литературе, а также предметы, изученные и зарисованные автором непосредственно в фондах ГИМ и ИИМК РАН. Таких изображений не очень много, но все они достаточно разнообразны в своем исполнении и представлены на самых различных категориях предметов. Стоит отметить, что большая часть выборки относится к категории случайных находок, а изображения «конеподобных» заметно преобладают над изображениями собственно лошадей. В работе представлен опыт систематизации и стилистического анализа изображений, которые были разделены на две крупные категории (полнофигурные изображения и редуцированные изображения) с дальнейшим выделением групп и типов в каждой категории. На основе проведенного анализа были предложены новые интерпретации уже введенных в научный оборот изображений, соотносимых ранее с образом лошади. Прделанная работа позволила выявить динамику развития образа лошади в тагарском искусстве. Стилистически выделяются две хронологические группы изображений: ранняя, выполненная в «минусинском стиле» (связанная с карасукской изобразительной традицией), и поздняя, в «алтайском стиле», с непродолжительным периодом сосуществования этих групп. На основе проведенного анализа изображений сделаны выводы о связи стилистических изменений в тагарском искусстве с проникновением

* Дородных Светлана Александровна, аспирант кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Dorodnykh Svetlana Aleksandrovna, PhD student, Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
+7-977-532-97-46; archo.svet@yandex.ru

в Минусинскую котловину новых этнических групп. В целом можно говорить о вполне заметном влиянии в жизни тагарского оседлого населения коневодческой культуры.

Ключевые слова: тагарская культура, Южная Сибирь, ранний железный век, скифо-сибирский звериный стиль, образ лошади, зооморфное изображение.

Abstract. The article deals with the images of horses and “horse-like” animals on items from the archaeological sites of the Tagar culture, as well as from the sites of the same period from neighbouring regions (Tuva and Tomsk region), represented in this work as fully as possible. A historiographic review of the research topic has revealed the lack of stylistic analysis of the image of a horse in Tagar art that would take into account all the up-to-date data. This study purpose is to fill the gap. It involves the images published in literature, as well as the objects studied and sketched by the author directly in the funds of the State Historical Museum and the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. These images are not numerous, but quite stylistically diverse and made on a wide variety of items. It should be noted that most of the samples belong to the category of random finds, and the “horse-like” images noticeably prevail over the ones of horses. The article is an attempt at systematization and stylistic analysis of the images that were divided into two large categories (full-figure and reduced representations) with further identification of groups and types within each category. The analysis allows new interpretations of already known images, previously correlated with the horse representation. It also allows revealing the dynamics of the development of the horse image in Tagar art. The two chronological stylistic groups of images, very shortly overlapping, have been distinguished. The early group is performed in the “Minusinsk style” (related to the Karasuk pictorial tradition), and the later one is represented by the “Altai style” images. Their analysis allows to conclude that stylistic changes in Tagar art were linked with the penetration of new ethnic groups into the Minusinsk hollow. In general, the influence of horse-breeding culture on the life of the settled Tagar population is quite noticeable.

Keywords: Tagar culture, South Siberia, the early Iron Age, Scythian-Siberian animal style, horse image, zoomorphic image.

* * *

Тагарское искусство представляет собой самобытную изобразительную традицию оседлого населения, гармонично вписавшуюся в общую концепцию кочевнического скифо-сибирского звериного стиля. Образы копытных (особенно оленя) обнаруживаются на подавляющем большинстве предметов искусства. Изображения лошади, которым посвящена данная статья, занимают незначительную часть среди всего звериного пантеона, представленного в тагарском искус-

стве, и, будучи почти обделены вниманием исследователей, требуют более пристального рассмотрения.

В данной работе по возможности максимально полно были рассмотрены все известные в тагарской культуре изображения лошадей, а также изображения копытных, которых невозможно однозначно интерпретировать как лошадей, но которые максимально приближены к этому образу.

Изучению образа лошади в искусстве круга скифо-сибирских культур посвящено немало работ. Особняком же стоит изучение этого образа среди предметов тагарской культуры. Первую краткую характеристику изображениям лошадей на тагарских находках дал С.В. Киселев в своем монументальном труде «Древняя история Южной Сибири». В частности, С.В. Киселев подметил, что «тагарский художник... обязательно подчеркивает все отличительные черты своей натуры. Его лошади не могут быть смешаны с лосихами»¹.

Детальное описание тагарского изобразительного стиля впервые представила Н.Л. Членова². Она разделила изображения на два типа звериного стиля в тагарском искусстве: «минусинский» и «алтайский». Н.Л. Членовой же впервые была предложена типология тагарских изображений лошадей: она разделила их по группам, основываясь на экстерьере изображенного животного, его пропорциях, т.е. это была практически первая попытка выявить разные породы лошадей в рамках одной культуры, опираясь на данные изобразительных памятников³.

Чуть позже М.П. Завитухина, публикуя хранящуюся в Эрмитаже коллекцию тагарских древностей, классифицировала тагарское искусство по мотивам изображений (темам)⁴. К теме «лошадь» ею было отнесено всего два изображения, отдельно была выделена тема «крупные копытные животные (тип не определен)»⁵, в которой были собраны все изображения крупных копытных животных, не поддающиеся однозначной интерпретации.

¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 233.

² Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М., 1967.

³ Членова Н.Л. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981. С. 80–94.

⁴ Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время // Публикация одной коллекции. Л., 1983.

⁵ Завитухина М.П. Указ. соч. С. 15.

В монографии А.И. Мартынова о лесостепной тагарской культуре изображения лошадей (в отличие от изображений оленей) на предметах тагарского искусства практически не упоминаются ввиду их небольшого количества⁶. Автор особо подчеркнул, что образ оленя уступает место образу коня только в период крушения тагарской культуры, с распространением кочевого и полукочевого быта в Южной Сибири⁷.

Таким образом, специальных исследований, посвященных стилистическому анализу образа лошади в тагарском искусстве, учитывающих весь накопленный к настоящему моменту материал, до сих пор нет. Данная статья призвана восполнить этот пробел. В ходе подготовки статьи были изучены археологические коллекции, относящиеся к тагарской культуре и синхронным культурам из соседних регионов, хранящиеся в фондах Государственного исторического музея (ГИМ)⁸ и Институте истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН). В данной выборке рассматриваются 20 изображений лошади, относящихся к тагарской культуре. Большинство предметов изготовлено из бронзы, часть находок вырезаны из кости и рога. Большая часть выборки относится к категории случайных находок и только четыре из них происходят из погребальных комплексов. Все изображения лошадей сгруппированы в две категории: 1) полнофигурные изображения, 2) редуцированные изображения. Изображения внутри категории разделены на группы по композиционному признаку (поза лошади), а уже внутри группы выделены типы — на основе особенностей передачи отдельных деталей изображения (анатомических особенностей). Также в работе анализируется серия предметов тагарской культуры с изображениями головы крупного копытного животного, которые могут быть сопоставлены с образом лошади. Всего таких «конеподобных» изображений, представленных на двух категориях предметов (навершия ножей и «змеевидно-изогнутые предметы»), собрано 76 экземпляров. В работе не рассматриваются изображения конского копыта, которые в значительном количестве представлены в тагарской культуре, так как такие изображения можно считать лишь «особым знаком», который мог быть не связан с природным прототипом. К тому же существуют работы, посвященные специальному изучению мотива ноги лошади и кон-

⁶ Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. С. 126.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Выражаю огромную благодарность Юрию Викторовичу Демиденко за возможность изучить коллекции в фондах ГИМ.

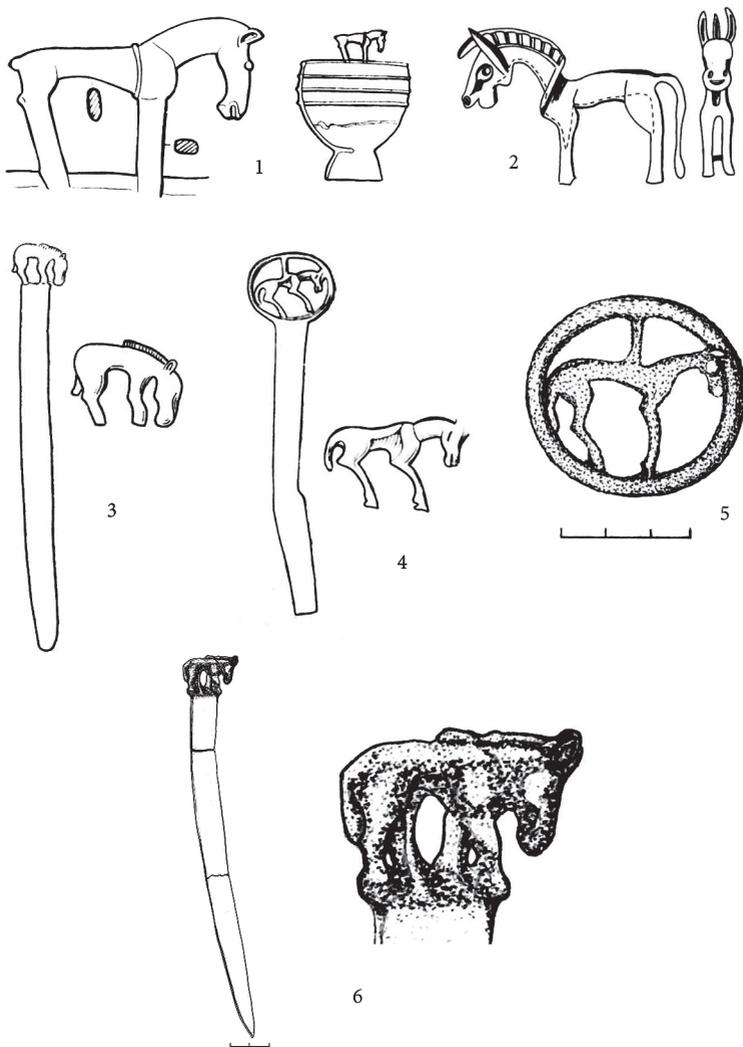

Рис. 1. Изображения лошади в тагарской культуре и их аналогии
 1–4, 6 — тагарская культура (1, 2 — по: Членова, 1967, табл. 25, 1,
 табл. 28, 28, 4, 4а; 3, 4 — по: Членова, 1981, рис. 2, 7,7а, рис. 3, 4, 4а;
 6 — рисунок автора); 5 — шеломокская культура
 (по: Плетнева, 2012, с. 14)

ского копыта⁹. Также в работе не учтены наскальные изображения лошадей, ввиду их принадлежности к другому виду изобразительной деятельности.

Самые ранние в тагарской культуре находки с изображениями лошадей относятся к VII — началу VI в. до н.э.¹⁰ Основной массив тагарских изображений лошадей датируется V–IV вв. до н.э.¹¹ Стоит отметить, что за последние два десятилетия наметилась тенденция к удревнению тагарской культуры, что стало возможно благодаря методу радиоуглеродного датирования¹². В данной работе датировки приводятся в рамках общепринятой хронологии тагарской культуры, приведенной в трудах С.В. Киселева и М.П. Грязнова и дополненной в работах Н.Л. Членовой¹³.

Изображения лошадей

Категория 1. Полнофигурные изображения

Группа 1. Изображения стоящих/идущих лошадей

Тип 1. К этому типу относится одно скульптурное изображение стоящей лошади на ручках котла — случайная находка у с. Тигрицкое Минусинского края (рис. 1, 1). Голова животного на длинной изящной шее опущена вниз, ухо передано полукругом, тщательно проработан рот, глаз обозначен в виде выпуклого кружка. Мускулатура передана условно, хвост практически отсутствует. Тем не менее, не возникает сомнений, что изображена именно лошадь.

Бронзовые котлы скифского типа весьма широко распространены на территории степной и лесостепной зон Евразии. В настоящее время с территории Сибири и Алтая происходят пять котлов, ручки которых оформлены в виде фигурок коней, включая котел из с. Тигрицкое, и еще одна ручка от котла в виде скульптуры коня¹⁴.

⁹ Членова Н.Л. Следы копыт «скифских» коней // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул. 1999. С.231–234; Кисель В.А. Мотив ноги лошади в скифо-сибирском зверином стиле // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань, 2014. С. 46–48.

¹⁰ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история ... С. 113.

¹¹ Членова Н. Л. Тагарские лошади... С. 82, 86.

¹² Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 36.

¹³ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 101.

¹⁴ Мец Ф.И. «Скифский» котел с зооморфными ручками из Томского Приобья // Российская археология. 2000. № 4. С. 130.

Исследователи считают, что датировать эти котлы можно на основании стиля, в котором изображены животные, и на основе аналогий из других районов¹⁵. Н.Л. Членова датировала котел из с. Тигрицкое VI в. до н.э.¹⁶ Другие котлы датируются авторами исследований в пределах VI–III вв. до н.э.

Тип 2. К данному типу относится одна скульптурная бронзовая фигурка лошади — случайная находка у с. Усть-Есь Минусинского края (рис. 1, 2). Фигурка выполнена довольно схематично, голова непропорционально большая, ноги и туловище животного детально не моделированы, хвост длинный. Однако голова животного передает все признаки лошади: стриженная грива и челка, вертикально поставленное ухо, изящный абрис головы с подчеркнутым ганашем (нижней челюстью). Н.Л. Членова относит это изображение к числу самых ранних образцов тагарского искусства и датирует VII–VI вв. до н.э.¹⁷ Достаточно схожая манера передачи уха и морды в целом наблюдается на скульптурных подвесках в виде головы лошади, происходящих из Степановской коллекции Томской области, которые датируются автором раскопок в пределах V–IV вв. до н.э.¹⁸

Тип 3. К этому типу относится скульптурное изображение стоящей лошади на навершии бронзового ножа — случайная находка из Минусинской котловины (рис. 1, 3). Голова лошади опущена, хвост укорочен, передана коротко подстриженная грива, ухо скругленное. Изображение относится, возможно, уже к началу V в. до н.э., судя по сходству с лошадкой из Малой Ини и другими изображениями V в. до н.э.¹⁹

Тип 4. К данному типу относится одно изображение — фигурка лошади, вписанная в кольцо, которым увенчано окончание бронзового ножа, найденного в Минусинском крае. Животное изображено с миниатюрной опущенной вниз головой, с длинными тонкими ногами и укороченным хвостом (рис. 1, 4). Практически идентичное кольцо, с фигурой лошади, вписанной в него, обнаружено на поселении Шеломок II Томской области (рис. 1, 5). Минусинское изделие датируется началом V в. до н.э.²⁰ Л.М. Плетнева дает более широкую датировку для шеломокского изображения: V–III вв. до н.э.²¹

¹⁵ Мец Ф.И. Указ. соч. С. 133.

¹⁶ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история ... С. 97, 98.

¹⁷ Там же. С. 113.

¹⁸ Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск, 1977. С. 87.

¹⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история ... С. 117.

²⁰ Там же.

²¹ Плетнева Л.М. Указ. соч. С. 38, 43.

Тип 5. К нему относятся четыре изображения. Одно из них представляет собой скульптурную фигурку идущей лошади на навершии бронзового ножа — случайная находка из Минусинской котловины (рис. 1, б). Два других — это бронзовые бляшки, одна из которых происходит из кургана № 3 у с. Малая Иня (рис. 2, 1), а вторая является случайной находкой из Минусинской котловины (рис. 2, 2). И, наконец, четвертое изображение — скульптурное изображение стоящей лошади на бронзовом навершии — случайная находка из Минусинской котловины (рис. 2, 9). Все эти изображения объединяет схожая манера передачи характерных признаков образа лошади: опущенная вниз голова, обозначенная валиком грива, выделенный загривок над холкой, хохолок-челка, скругленное ухо, рельефная передача мускулатуры.

Бронзовый нож датируется началом V в. до н.э.²² Бронзовые бляшки имеют прямые аналогии среди находок V–IV вв. до н.э. на территории Томского Приобья и Тувы (рис 2, 3–6) и могут быть датированы этим же временем²³. Прямых аналогий изображению на бронзовом навершии нет. Подобное по форме исполнения бронзовое навершие, но с фигуркой козла, происходит из Июсского клада, датированного исследователями «скифским временем», но не позднее середины I тыс. до н.э.²⁴ Также есть находки подобных бронзовых наверший с фигурками стоящей и лежащей лошадей из Северного Китая²⁵.

Тип 6. Представлен четырьмя изображениями. Два из них — на бронзовых бляшках, являющихся случайными находками из Минусинской котловины (рис. 2, 7, 8). Они были интерпретированы Н.Л. Членовой как изображения куланов или ослов. Однако следует отметить, что подобная трактовка была обоснована автором исключительно фактом близости к ордосским изображениям и мнением зоологов о происхождении сибирских лошадей от диких лошадей, близких к тарпану и джигетаю²⁶. По-видимому, эти изображения

²² Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история ... С. 117.

²³ Плетнева Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. Томск, 2012. С. 169, 182; Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл-Курагино // Бюллетень ИИМК РАН. № 3. СПб., 2013. С. 199.

²⁴ Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Предметный комплекс Июсского клада // Вестник НГУ. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск, 2011. С. 207.

²⁵ Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006. Табл. 15, 6, 7.

²⁶ Членова Н.Л. Тагарские лошади... С. 82.

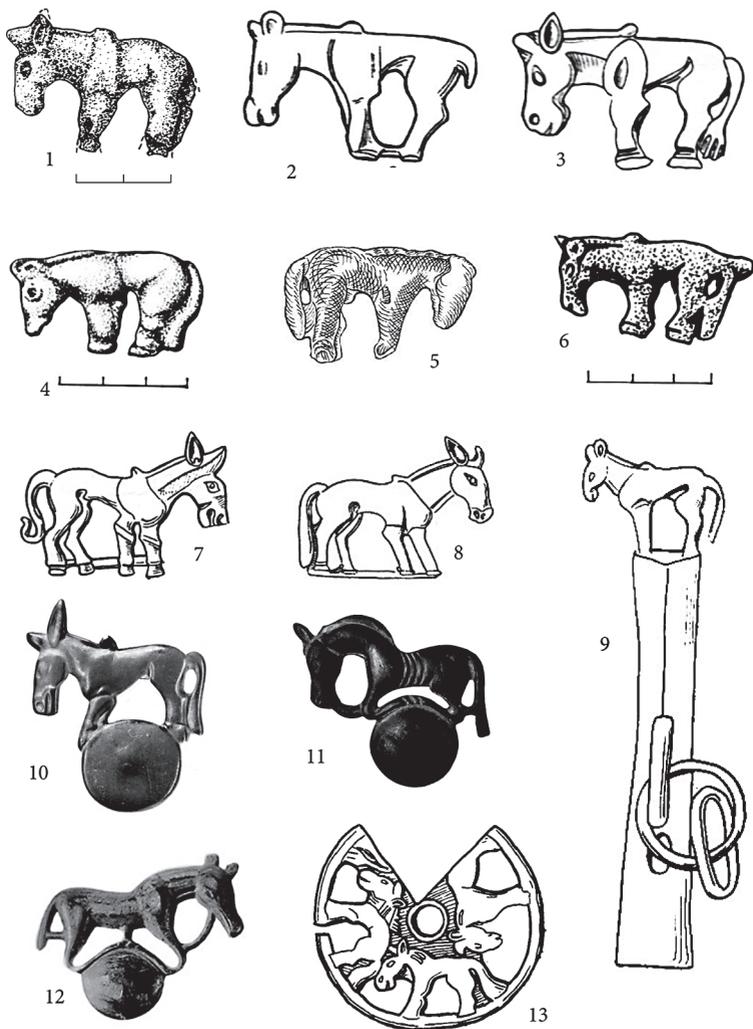

Рис. 2. Изображения лошади в тагарской культуре и их аналогии
 1, 2, 7–10, 13 — тагарская культура (1 — рисунок автора; 2, 7, 9, 13 — по: Членова, 1981: рис. 2, 2, 12, 8, 9; рис. 8 — по: Членова, 1967, табл. 17, 4; рис. 10 — по: Завитухина, 1983, кат. 156); 3 — находка из Томской области (по: Членова, 1981, рис. 2, 14); 4, 6 — шелонокская культура (по: Плетнева, 2012, с. 18, 20); 5 — находка из Тувы (по: Килуновская, Семенов, 2013, рис. 3, 9); 11 — находка из Айдашинской пещеры (по: Конь и всадник, 2003, кат. 72); 12 — находка из Ишимской коллекции (по: Ермолаев, 1914, табл. V, 1)

также можно считать изображениями лошадей, так как переданы все признаки лошади — челка, загривок, длинный хвост. Возможно, увеличенное ухо могло бы служить критерием отнесения этого образа к образу кулана, но преувеличенные части тела животного в скифосибирском зверином стиле не являются, как правило, признаком видовой идентификации изображенного животного. Преувеличение глаза, уха, копыта — отличительная черта скифского звериного стиля в целом.

Третье изображение, относящееся к типу 6, — стоящая лошадь на круглом диске — бронзовая бляшка, случайная находка из Минусинской котловины (рис 2, 10). М.П. Завитухина и Н.Л. Членова интерпретировали эту фигурку как кулана²⁷, однако она обладает всеми признаками образа лошади, описанными выше, к тому же имеет аналогии с бляшками из Айдашинской пещеры (две бляшки) и Ишимского клада (одна бляшка), где изображены бесспорно лошади, хотя и лежащие (рис 2, 11, 12)²⁸. К сожалению, проблема культурной и хронологической принадлежности айдашинских и ишимской бляшек до сих пор не решена²⁹.

И, наконец, четвертое изображение 6 типа представлено на бронзовой ворворке — сцена идущих по кругу трех лошадей — случайная находка у с. Шушь (рис. 2, 13). Прямых аналогий этой композиции пока нет.

Все эти изображения объединяет не только сходство в передаче характерных признаков образа лошади (опущенная вниз голова, обозначенная валиком грива, выделенный загривок над холкой, хохолок-челка, заостренное ухо, выделенная рельефно лопатка), но и тщательная проработка мелких деталей (ноздрей, глаз, ушей, копыт, хвоста).

Все изображения данного типа датируются V–IV вв. до н.э.³⁰

Тип 7. К нему относится одно гравированное изображение стоящей лошади с выставленными вперед ногами на бронзовом кельге — случайная находка из Минусинской котловины (рис. 3, 1). Отличительная особенность данного изображения состоит в обильном заполнении контура фигуры орнаментом в виде вертикальных

²⁷ Там же; Завитухина М.П. Указ. соч. С. 15.

²⁸ Молодин В.И. Меч каролингов. Новосибирск, 2006. С. 56. На основании стилистического анализа автор предполагает отнесение всех трех бляшек к позднетагарскому — раннетагаштыкскому времени.

²⁹ Молодин В.И. Указ. соч. С. 56.

³⁰ Членова Н.Л. Тагарские лошади... С. 82.

Рис. 3. Изображения лошади в тагарской культуре и их аналогии
 1, 3, 4, 7–11 — тагарская культура (рис. 1 — по: Tallgren, 1917, Pl. II, 1;
 рис. 3, 4, 11 — по: Членова, 1981, рис. 2, 4, 3, рис. 3, 1; рис. 7 — по: Завитухина,
 1983, кат. 153; рис. 8, 9 — по: Членова, 1967, табл. 28, 3, 3а, табл. 48, 25(2);
 рис. 10 — рисунок автора); 2 — наскальное изображение на петроглифах,
 Акпашев улус (по: Членова, 1981, рис. 6, 1); 5 — находка из Томской области
 (по: Членова, 1981, рис. 2, 21); 6 — находка из Тувы
 (по: Королькова, 2006, табл. 16, 7)

полос и солярного знака на крупе, что сближает его с изображениями коней на петроглифах Оглахты и Акпашев улус: орнамент, заполняющий все внутреннее пространство фигуры, солярные знаки и поза «внезапной остановки» с выставленными вперед ногами (рис. 3, 2). В соответствии с формой кельта изображение датируется концом VI — началом V в. до н.э.³¹

Группа 2. Изображения лежащих лошадей

Тип 1. К данному типу относятся две бронзовые бляшки, являющиеся случайными находками из Минусинской котловины (рис. 3, 3, 4). Похожие бронзовые бляшки имеются среди находок в томском могильнике Лысая гора (рис. 3, 5)³² и в уюкской культуре Тувы из могильника Кош-Пей-1 (рис. 3, 6)³³. Отличительная особенность «лежащих» изображений — опущенная вниз голова (что не характерно, например, для изображений оленей), переданная валиком грива, выделенная челка и загривок. Ноги лошадей подогнуты, но не заходят одна на другую, упираясь друг в друга копытами. Датируются эти изображения V–IV вв. до н.э.³⁴

Тип 2. К данному типу относится одна бронзовая бляшка, являющаяся случайной находкой из Минусинской котловины (рис. 3, 7). Часть изделия — морда лошади — была утрачена еще в древности. Однако нетрудно заметить, что данное изображение отличается от двух других этой группы более изящным силуэтом, плавностью линий и большей реалистичностью. Еще одной отличительной чертой является положение ног лошади — они подогнуты таким образом, что задние ноги перекрывают передние. Датируется это изображение, по мнению Н.Л. Членовой, V–IV вв. до н.э.³⁵, в то время как М.П. Завитухина относит это изделие к более раннему времени — VII в. до н.э., аргументируя это близостью к стилю аржанских художественных изделий³⁶.

³¹ Там же. С. 87.

³² Членова Н. Л. Тагарские лошади... С. 82.

³³ Семенов Вл.А. Элитные погребения уюкской культуры у горы Кош-Пей (Тува) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. Иркутск, 2015. С. 180.

³⁴ Членова Н. Л. Тагарские лошади... С. 82.

³⁵ Там же.

³⁶ Завитухина М.П. Указ. соч. С. 14, 63.

Категория 2. Редуцированные изображения

Группа 1. Изображения головы лошади

Тип 1. К данному типу относится одно изображение: навершие в виде головы лошади на бронзовом заостренном с одного конца предмете — случайная находка у с. Курагино Красноярского края (рис. 3, 8). Ухо животного передано полукругом, глаз круглый, морда сужается к носу, обозначен рот, шея скругленная, тонкая. По манере передачи уха и глаза животного это изображение близко к уже рассмотренному выше раннему изображению (ручка котла в виде фигуры стоящего коня). Курагинская находка датируется VII–VI вв. до н.э.³⁷

Тип 2. К этому типу относится одно изделие — костяная орнаментированная поделка (ножичек?) с головкой коня на конце из кургана 2 у с. Усть-Тесь (рис. 3, 9). У животного обозначено вертикально стоящее ухо, подчеркнут ганаши, грива передана зубчиками, средняя часть предмета орнаментирована треугольниками. Среди предметов тагарской культуры VI–V в. до н.э. наиболее близки костяной поделке серия бронзовых ножей с головой копытного животного на конце³⁸ (рис. 4, 4, 5), где поверхность ножа также орнаментирована насечками и треугольниками, но ухо на таких изображениях всегда прижато, грива не обозначена, что не позволяет интерпретировать их однозначно как конские. Датируется костяная поделка VI в. до н.э.³⁹

Тип 3. К данному типу относятся два изображения. Первое — скульптурная приставная головка коня из рога, обнаруженная в кургане 1 могильника у оз. Кызыл-Куль (рис. 3, 11). Искусно вырезанное изделие являлось, по-видимому, частью сосуда. Такие сосуды, но деревянные, происходят из памятников скифского времени с территории Тувы, также известны приставные скульптурные головки коней, выполненные из золота, из кургана 1 Филипповского могильника⁴⁰. Кызыл-кульское изображение датируется концом VI — началом V в. до н.э. по инвентарю погребения⁴¹.

Второе изображение — головка коня, вырезанная из костяной пластины, обнаруженная в том же кургане 1 могильника у оз. Кызыл-Куль (рис. 3, 10). Она выполнена в низком рельефе, имеет сквозные

³⁷ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история ... С. 120–121.

³⁸ Членова Н.Л. Тагарские лошади... Рис. 3, 16, 18–20.

³⁹ Там же. С. 86.

⁴⁰ Кисель В.А. Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном обиходе древних кочевников // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 52, 54.

⁴¹ Членова Н.Л. Тагарские лошади... С. 86; Завитухина М.П. Указ. соч. С. 63.

отверстия, расположенные равномерно по всей поверхности и предназначенные, по-видимому, для крепления к некой поверхности. Стоит отметить, что, хотя изображения этого типа выполнены в разной технике, их можно объединить в один тип, т.к. второе изображение полностью повторяет контуры первого, и его стиль исполнения полностью подчинен функциональной форме предмета и материалу, из которого он был изготовлен. Датируется курган 1, как было указано выше, концом VI — началом V в. до н.э.

В ходе написания этой статьи удалось выяснить, что изображение на навершии бронзового ножа, которое было отнесено Н.Л. Членовой к образу лошади и опубликовано в виде прорисовки (рис. 4, 2), сложно интерпретировать как конское. При визуальном изучении оригинала ножа (представлен на экспозиции в ГИМ) стало очевидно, что прорисовка искажает оригинальное изображение, которое более всего похоже на протомы кабанов (рис. 4, 1).

Теперь несколько слов о двух опубликованных в 2012 г. изображениях на тагарских бронзовых ножах⁴² (одно скульптурное, а второе гравированное), идентифицируемых автором статьи П.Б. Амзараковым как образы коня. При более детальном анализе интерпретация их как образов лошади вызывает сомнения. Так, на скульптурном изображении голова животного поднята высоко, что не характерно для изображений лошадей, а скорее напоминает оленя с утраченными рогами, так же, как и характерная поза с вытянутыми, как бы «повисшими в воздухе» ногами. Гравированное изображение на втором ноже хотя и имеет аналогии с изображениями коней на петроглифах (передние ноги, как и задние, вытянуты вперед), но, как справедливо отметила Н.Н. Моор, «такие признаки, как открытая, как бы оскалившаяся пасть, плавность линий тела, округлость лап, поза “припавшего к земле хищника”, позволяют нам утверждать, что на ноже изображен хищник»⁴³. Таким образом, данные изображения не были включены в предложенную выше типологическую схему ввиду сложности идентификации конкретного образа животного.

Изображения головы «конеподобных» животных

Следующая серия изображений, имеющих отношение к исследуемой теме, содержит мотив, обозначенный М.П. Завитухиной, как «крупные копытные животные (тип не определен)» (рис. 4, 3–9). Все

⁴² Амзараков П.Б. Изображения лошади на двух бронзовых ножах тагарской культуры // Научное обозрение Саяно Алтая. 2012. № 1(3). С. 48–50.

⁴³ Моор Н.Н. Изображения зверей на рукояти тагарских ножей // Вестник КемГУ. 2015. № 1–3. С. 69.

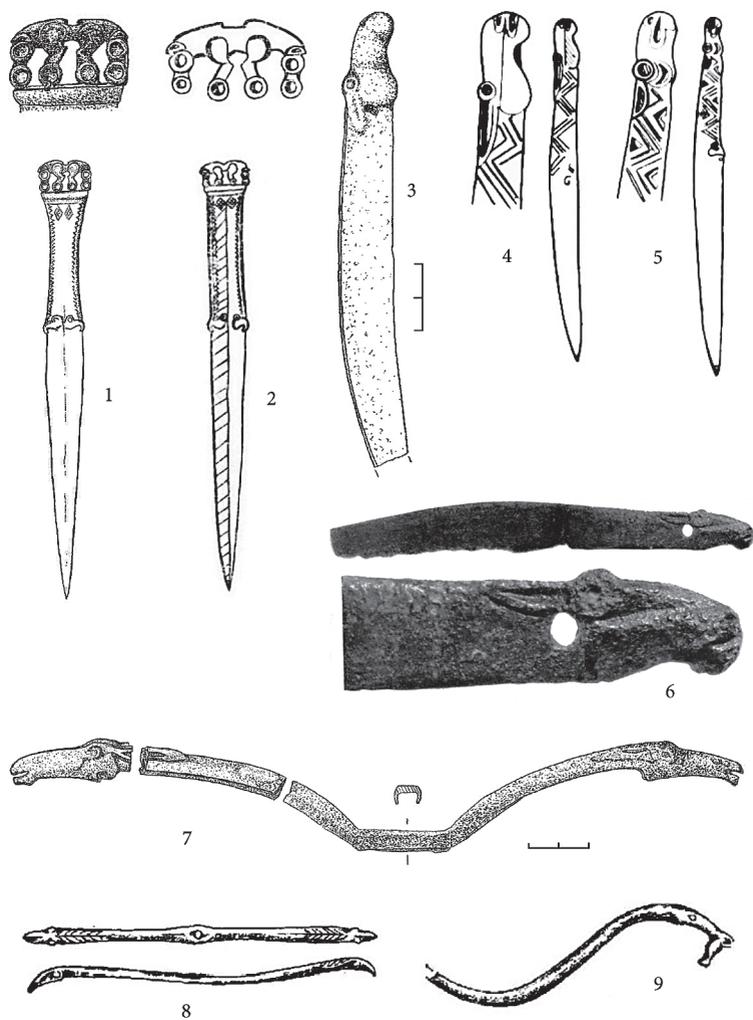

Рис. 4. Изображения «конеподобных» в тагарской культуре
 1, 3, 7 — рисунки автора; 2 — по: Членова, 1967, табл. 25, 15, 15а;
 4, 5 — по: Членова, 1981, рис. 3, 19, 18; 6 — по: Завитухина, 1983,
 кат. 159, 159а; 8, 9 — по: Мартынов, 1979, табл. 18.

они относятся к категории редуцированных и представлены только головой животного. Их можно разделить на две группы по категориям предметов, на которых они размещены: ножи и «змеевидно-изогнутые предметы»⁴⁴, или предметы неизвестного назначения (ПНН)⁴⁵.

Первая группа — изображения головы неопределенного копытного животного на навершиях ножей (бронзовых, костяных), представлена 14 экз. (рис. 4, 3-6). Все они бытуют в промежуток с VII по IV вв. до н.э.⁴⁶ Отличительная особенность всех данных изображений — прижатое ухо, что не характерно в целом для изображений лошадей в тагарском искусстве, хотя данная особенность могла быть продиктована исключительно функциональным назначением предмета. Также на головах не обозначены грива и челка. Всё это вместе взятое не позволяет безоговорочно отнести обозначенные изображения к образу лошади.

Больше всего изображений головы «конеподобных» представлено во второй группе — ПНН (62 экз.) (рис. 4, 7-9) — самой своеобразной категории бронзовых вещей с изображением головы животного на двух концах, чаще всего эти изделия интерпретируют как ритуальные символы⁴⁷. Данные предметы в тагарской культуре датируются широко, от V до III вв. до н.э., хотя наиболее ранние образцы ПНН появляются в Китае в XI–VIII вв. до н.э.⁴⁸ На подавляющем большинстве экземпляров голова животного оформлена весьма условно, мастер, как правило, передавал выразительно только глаз и прижатое к голове ухо. Большинство копытных имеют «висающую» на конце морду, что позволяет интерпретировать данные изображения как конские, так и как лосиные, или даже как птичьи (голова грифона); некоторые же находки настолько стилизованы, что возможно различить только очертания головы с вытянутой мордой. Особо интересны два ПНН: на одном нанесен орнамент косыми насечками, который можно интерпретировать как изображение гривы лошади (рис. 4, 8); на втором изображении ухо животного поставлено вертикально, что делает его более всего похожим на голову лошади (рис. 4, 9). В целом, категория ПНН является сложным явлением и

⁴⁴ Мартынов А.И. Указ. соч. С. 55.

⁴⁵ Завитухина М.П. Указ. соч. С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 65–66; Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история ... С. 133–134.

⁴⁷ Савинов Д.Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 57.

⁴⁸ Там же. С. 61, 64; Завитухина М.П. Указ. соч. С. 66–69.

требует более пристального внимания исследователей, особенно в свете новых материалов последних лет⁴⁹.

Таким образом, удалось рассмотреть и проанализировать 20 изображений лошади и 76 изображений «конеподобных» животных в тагарской культуре. Изображения лошадей делятся на 2 крупные категории: полнофигурные и редуцированные. Самая крупная категория — полнофигурные изображения — представлена на таких предметах, как ручки котла, навершия ножей, мелкая скульптура, бляшки, навершие культового предмета, ворворка, кельт. Голова лошади помещена на заостренных предметах, по функциональному назначению схожих с ножами, и на декоративных деталях (по всей видимости, деревянных сосудов). «Конеподобные» изображения представлены только изображениями головы и встречаются на двух категориях предметов: ножи и предметы неизвестного назначения.

Как видно из проведенного анализа, изображения лошадей в тагарском искусстве очень разнообразны. Выделяются две стилистически различные группы. Наиболее ранняя первая группа, связанная с карасукской изобразительной традицией, относится к «минусинскому» стилю, который бытует в тагарской культуре с VII в. до н.э. и не встречается позже V в. до н.э. Стиль этот отличается условностью передачи основных деталей, использованием геометрических форм (например, изображение уха в виде полукруга) (рис. 1, 1–2, рис. 3, 8). Вторая группа изображений — более поздняя, отличается иной стилистикой воспроизведения, относится к «алтайскому стилю», появляется в тагарской культуре не раньше конца VI — начала V в. до н.э. и существует включительно до сарагашенского этапа тагарской культуры (рис. 1, 3, 4, 6, рис. 2, 1, 2, 7–10, 13, рис. 3, 3, 4, 10, 11). Данная группа изображений характеризуется реалистичностью, плавностью линий, большей детализацией и вниманием к отличительным особенностям образа коня. Прямые аналогии таких изображений происходят с территории Томской области и Тувы. Появление иного стиля в тагарском искусстве, вероятно, свидетельствовало о проникновении в Минусинскую котловину новых этнических групп. Стоит отметить, что подобная ситуация, с бытованием двух хронологически обособленных групп изображений, отличающихся по стилю, сложилась и в шеломокской культуре Томской области. Особняком здесь стоит изображение лошади на бляшке из коллекции Эрмита-

⁴⁹ Савельева А.С., Герман П.В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник ТомГУ. История. 2015. № 6 (38). С. 108–118.

жа (рис. 3, 7). Возможно, была права М.П. Завитухина, отнеся его к раннему времени — VII в. до н.э., так как самое большое сходство этого изображения наблюдается с нашивными золотыми бляшками в форме лежащей лошади из кургана Аржан-2, датированными второй половиной VII в. до н.э.⁵⁰

Что касается «конепоподобных» изображений, то воспроизведение их на навершиях бронзовых ножей в целом вписывается в общую концепцию развития скифо-сибирского звериного стиля VII–V вв. до н.э. А вот изображения на ПНН, появляясь только с V в. до н.э. и бытующая вплоть до III в. до н.э., являются абсолютно самобытным явлением только тагарской культуры, которое, по всей видимости, в последующих культурах Минусинской котловины перерождается здесь в формы бифигурных подвесок-амулетов.

Подводя итог, можно сказать, что образ лошади бытовал в искусстве тагарской культуры на всем протяжении ее существования, причем два стиля — «минусинский» и «алтайский» — соседствовали на непродолжительном этапе. Не ставя под сомнение оседлый образ жизни тагарского населения в лесостепной зоне культуры, стоит отметить заметное влияние коневодческой культуры в их жизни. Тагарцы прекрасно знали лошадь, о чем свидетельствует умелое воспроизведение этого животного на различных предметах.

References

Amzarakov P.B. *Izobrazheniya loshadi na dvukh bronzovykh nozhakh tagarskoy kul'tury* [The Horse Images on the Two Tagar Bronze Knives] // *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya*. 2012. № 1 (3), pp. 48–50.

Borodovskiy A.P., Larichev V.E. *Predmetnyy kompleks Iyusskogo klada* [The Object Complex of the Iyus Hoard] // *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya*. 2011. № 7, pp. 196–208.

Chlenova N.L. *Proiskhozhdeniye i rannyyaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury* [The Origin and Early History of the Tribes of the Tagar Culture]. Moscow: Nauka, 1967. 300 p.

Chlenova N.L. *Sledy kopyt "skifskikh" koney* [Traces of Hooves of "Scythian" Horses] // *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [The Results of Research on the Scythian Era in Altai and Adjacent Territories] / Ed. by Yu.F. Kiryushin, A.A. Tishkin. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 1999, pp. 231–234.

Chlenova N.L. *Tagarskiye loshadi (O svyazyakh plemen Yuzhnoy Sibiri i Sredney Azii v skifskuyu epokhu)* [Tagar Horses (On the Relations of the Tribes of South Siberia and Central Asia in the Scythian Era)] // *Kavkaz i Srednyaya*

⁵⁰ Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // *Европейская Сарматия*. СПб., 2011. С. 40, рис. 2, 2-3.

Aziya v drevnosti i srednevekov'ye (istoriya i kul'tura) [Caucasus and Central Asia in Antiquity and the Middle Ages (History and Culture)] / Ed. by B.A. Litvinsky. Moscow: Nauka, 1981, pp. 80–94.

Chugunov K.V. *Iskusstvo Arzhana-2: stilistika, kompozitsiya, ikonografiya, ornamental'nyye motivy* [The Art of Arzhan-2: Stylistics, Composition, Iconography, Ornamental Motifs] // *Yevropeyskaya Sarmatiya: Sbornik, posvyashchennyy M.B. Shchukinu* [European Sarmatia: Collection Dedicated to M. B Shchukin] / Ed. by D.A. Machinsky. Saint Petersburg: Nestor–Istoriya, 2011, pp. 39–60.

Kilunovskaya M.E., Semenov V.A. *Issledovaniya Tuvinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii po trasse zheleznoy dorogi Kyzyl–Kuragino* [The Tuva Archaeological Expedition's Excavations along the Kyzyl–Kuragino Railway Route] // *Byulleten' IIMK RAN*. 2013. № 3, pp. 197–222.

Kisel' V.A. *Derevyannyye kovshi s zoomorfnymi ruchkami v pogrebal'nom nabore drevnikh kochevnikov* [Wooden Drinking Vessels with Zoomorphic Handles in the Burial Set of Ancient Nomads] // *Radlovskiy sbornik: Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye projekty MAE RAN v 2012 g.* [Radlov Collection: Academic Research and Museum Projects in the Museum of Anthropology and Ethnography in 2012] / Ed. by Yu.K. Chistov. Saint Petersburg: MAE RAN, 2013, pp. 51–64.

Kisel' V.A. *Motiv nogi loshadi v skifo-sibirskom zverinom stile* [The Motive of the Horse Leg in the Scythian-Siberian Animal Style] // *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani* [Transactions of IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan']. Vol. IV / Ed. by A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, A.G. Sitdikov. Kazan': Otechestvo, 2014, pp. 46–48.

Kiselev S.V. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. 643 p.

Kon' i vsadnik. *Vzglyad skvoz' veka: Vystavka, 21 marta — 29 sentyabrya 2003 g.: K 100-letiyu nachala raboty V.A. Gorodtsova v GIM* [Horse and Rider. A Look through the Centuries: Exhibition, March 21 – September 29, 2003: Celebrating the 100th Anniversary of the Start of V.A. Gorodtsov's Employment in the State Historical Museum]. Moscow: GIM, 2003. 63 p.

Korol'kova E.F. *Zverinyy stil' Yevrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinadlezhnosti* [The Animal Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga and Southern Cisurals in the Scythian Era in the Seventh — Fourth Centuries BCE. The Issues of Style and Ethnocultural Affiliation]. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2006. 272 p.

Martynov A.I. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The Forest–Steppe Tagar Culture]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 208 p.

Mets F.I. *"Skifskiy" kotel s zoomorfnymi ruchkami iz Tomskogo Priob'ya* [The "Scythian" Cauldron with Zoomorphic Handles from the Tomsk–Ob' Region] // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2000. № 4, pp. 128–136.

Molodin V.I. *Mech karolingov* [The Carolingian Sword]. Novosibirsk: INFOLIO, 2006. 144 p.

Moor N.N. *Izobrazheniya zverey na rukoyati tagarskikh nozhey* [Images of Animals on the Handle of Tagar Knives] // *Vestnik KemGU*. 2015. № 1–3, pp. 66–70.

Pletneva L.M. *Predmety skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz Tomskogo Priob'ya* [The Scythian-Siberian Animal Style Items from the Tomsk-Ob' Region]. Tomsk: TGPU, 2012. 190 s.

Pletneva L.M. *Tomskoye Priob'ye v kontse VIII – III vv. do n.e.* [Tomsk-Ob' Region at the End of the Eighth-Third Centuries BCE]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1977. 138 p.

Polyakov A.V., Svyatko S.V. *Radiouglerodnoye datirovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov neolita — nachala zheleznogo veka Srednego Yeniseya: obzor rezul'tatov i novyye dannyye* [Radiocarbon Dating of the Middle Yenisei Archaeological Sites in the Neolithic Period – the Early Iron Age: A Review of the Results and New Data] // *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2009. Is. 5, pp. 20–56.

Savel'yeva A.S., German P.V. *Bronzy iz kurgannogo mogil'nika tagarskoy kul'tury Nekrasovo II (po materialam raskopok 1970 g.)* [Bronzes from the Tagar Burial Mound in Nekrasovo II (from the 1970 Excavations)] // *Vestnik TomGU. Istoriya*. 2015. № 6 (38), pp. 108–118.

Savinov D.G. *PNN: novyye materialy i nablyudeniya* [Unknown Items: New Material and Observations] // *Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Southern Siberia in Antiquity] / Ed. by D.G. Savinov. Saint Petersburg: IIMK RAN, 1995, pp. 57–66.

Semenov V.A. *Elitnyye pogrebeniya uyukskoy kul'tury u gory Kosh-Pey (Tuva)* [The Elite Burials of the Uyük Culture near the Mount Kosh Pei (Tuva)] // *Aktual'nyye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ulan-Ude, 7–8 aprelya 2015 g.* [Relevant Issues of Archeology and Ethnology of Central Asia. The Acts of the International Academic Conference. Ulan-Ude, April 7–8, 2015] / Ed. by B.V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2015, pp. 178–187.

Tallgren A.M. *Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk*. Helsingfors: K.F. Puromiehen kirjapaino, 1917. 93 p. XII pl.

Vadetskaya E.B. *Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseya* [Archaeological Sites in the Middle Yenisei Steppes]. Leningrad: Nauka, 1986. 180 p.

Yermolayev A. *Ishimskaya kolleksiya* [The Ishim Collection]. Krasnoyarsk: Tipografiya b. M.I. Abalakova, 1914. 19 p. 8 l. tabl.

Zavitukhina M.P. *Drevneye iskusstvo na Yeniseye. Skifskoye vremya. Publikatsiya odnoy kolleksii* [Ancient Art on the Yenisei in the Scythian Period. Publication of a Collection]. Leningrad: Iskusstvo, 1983. 192 p.

Поступила в редакцию
14 марта 2018 г.

О.С. Белявская*

**«НИКОЛЬСКИЕ НАХОДКИ» III–VII ВВ.
В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРЕДУРАЛЬЕ**

O.S. Beljavskaya

**THE THIRD–SEVENTH-CENTURY
«FINDS FROM NIKOL'SKOYE»
AT FOREST-STEPPE CISURALS**

Аннотация. В статье рассмотрены металлические изделия, обнаруженные в начале XX в. вблизи с. Никольское Нуримановского района Республики Башкортостан, в размытом берегу р. Уфа. Исследователи неоднократно обращались к материалам коллекции, но до сих пор не сложилось единой точки зрения относительно ее происхождения. По мнению А.В. Шмидта, данные артефакты свидетельствуют о существовании в этой местности некрополя, который, наряду с Новиковским, Бахмутинским и Бирским могильниками, ученый отнес к поздним памятникам выделенной им бахмутинской культуры. А.П. Смирнов, в свою очередь, определял обнаруженные изделия как клад, принадлежавший представителям родовой знати «позднебахмутинского или послебахмутинского периода». В настоящей работе все находки были впервые проанализированы с точки зрения морфологии, типологии, хронологии, функционального назначения и генезиса. По функциональному назначению эти изделия можно разделить на следующие группы: 1) украшения головы, головного убора (височная подвеска); 2) шейно-нагрудные украшения (обломки гривен, бусы, застежки-сюльгамы, бляшки, пронизи, подвески); 3) наручные украшения (браслет); 4) ременная гарнитура (пряжки, псевдопряжки, накладка). Выделенные типы вещей представлены как изделиями местного происхождения, так и предметами, отражающими культурные контакты бахмутинских племен с населением сопредельных территорий. Вслед за А.В. Шмидтом автором статьи было выдвинуто предположение о существовании на территории Уфимско-Бельского междуречья еще не выявленного могильника, отдельные погребения которого могли быть разрушены водными потоками р. Уфа. Судя по обнаруженным артефактам, Никольский могильник мог функционировать в III–VII вв. В аналогичные хронологические рамки по-

* *Белявская Ольга Сергеевна*, аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Beljavskaja Olga Sergeevna, PhD Student, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center RAN

+7-963-899-07-07; krapacheva.olya@mail.ru

падают и комплексы Бахмутинского могильника, которые, по сравнению с погребениями Бирского могильника, были менее подвержены инокультурному влиянию. Представленные выводы остаются пока на уровне гипотезы. Для уточнения сведений о существовании Никольского могильника в дальнейшем должны быть проведены соответствующие археологические изыскания.

Ключевые слова: Южное Предуралье, археология раннего Средневековья, бахмутинская культура, костюмный комплекс, ременная гарнитура, культурные контакты.

Abstract. The article deals with metal items discovered at the beginning of the 20th century near the village Nikol'skoye in the Nurimanovsky district of the Republic of Bashkortostan, in the eroded bank of the Ufa River. Scholars have repeatedly turned to the material of the collection, but there has been so far no consensus regarding its origin. According to A.V. Shmidt, these artifacts point to the existence of a necropolis in this area, which, along with the Novikovskiy, Bakhmutino and Birk burial grounds, can be attributed to the late sites of the Bakhmutino culture identified by Shmidt. A.P. Smirnov defined the discovered items as a hoard belonging to representatives of the clan nobility of the "late Bakhmutino or post-Bakhmutino period". The author of the present article analyzes the finds in terms of morphology, typology, chronology, functional purpose, and genesis. In regard of functionality, these objects can be divided into the following groups: 1) head and headgear ornaments (temporal pendant); 2) neck and chest decorations (fragments of torques, beads, *sulgam fibulae*, plaques, pendants); 3) arm jewelry (bracelet); 4) belt fitting (buckles, false buckles, pad). These types are represented both by items of local origin and objects produced in other places in different cultural settings that evidence the variety of the Bakhmutino tribes' contacts with neighbouring population. The author accepts A.V. Shmidt's hypothesis of the existence of an unfound burial ground in the Ufa-Belaya interfluvium area, whose separate burials could have been destroyed by water flows of the Ufa River. Judging by the discovered artifacts, the Nikol'skoye burial ground could be used in the III–VII centuries. The complexes of the Bakhmutino burial ground can be fitted into the same chronological framework, and, in comparison with the burials of the Birk burial ground, they were less susceptible to foreign cultural influence. These conclusions remain hypothetical. The relevant archaeological surveys have to be conducted to clarify whether the Nikol'skoye burial ground really existed.

Keywords: Southern Cisurals, archaeology of the early Middle Ages, Bakhmutino culture, costume complex, belt fitting, cultural contacts.

* * *

По сообщению известного дореволюционного археолога и краеведа Н.И. Булычова, вблизи с. Никольское Уфимского уезда Уфимской губернии (современное с. Никольское Нуримановского района

Республики Башкортостан), в размытом берегу р. Уфа было обнаружено большое количество украшений, относящихся к эпохе раннего Средневековья¹. Судя по заметкам исследователя, данная коллекция предметов была передана графом А.П. Толстым в Императорский исторический музей (ныне — ГИМ), скорее всего, при активном содействии самого Николая Ивановича. Об этом косвенно сообщает запись в книге поступлений музея, по которой находки приняты на хранение в фонды 7 мая 1904 г., источник же поступления указан как «дар Н.И. Булычова»². К сожалению, иные детали, касающиеся обнаружения «Никольских находок», неизвестны.

Исследователи неоднократно обращались к материалам коллекции³, но до сих пор не сложилось единой точки зрения о ее происхождении. По мнению А.В. Шмидта, данные артефакты свидетельствуют о существовании в этой местности некрополя, который, наряду с Новиковским, Бахмутинским и Бирским могильниками, ученый отнес к поздним памятникам выделенной им бахмутинской культуры. А.П. Смирнов, в свою очередь, определял обнаруженные изделия как клад, принадлежавший представителям родовой знати «позднебахмутинского или послебахмутинского периода»⁴. Осмотр В.В. Овсянниковым и Ф.А. Сунгатовым окрестностей с. Никольское, предпринятый в 2002 г. с целью обнаружения следов могильника, не дал никаких результатов⁵.

Все «Никольские находки» являлись украшениями костюмного комплекса. По функциональному назначению эти изделия можно разделить на следующие группы: 1) украшения головы, головного убора (височная подвеска); 2) шейно-нагрудные украшения (обломки гривен, бусы, застежки-сюльгамы, бляшки, пронизи и подвески); 3) наручные украшения (браслет); 4) ременная гарнитура (пряжки, псевдопряжки, накладка).

¹ Булычов Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М., 1902. С. 8; Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8–9. С. 25.

² Выражаю благодарность к.и.н., научному сотруднику Государственного исторического музея Ирине Васильевне Белоцерковской за возможность ознакомления с коллекцией находок.

³ Шмидт А.В. Указ. соч. С. 16–27; Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА СССР. 1957. № 58; Гавриутхин И.О. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 198–199. Рис. 1, 36; Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 218–240.

⁴ Шмидт А.В. Указ. соч. С. 25; Смирнов А.П. Железный век Башкирии. С. 70.

⁵ Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Указ. соч. С. 230.

Несмотря на то что обнаруженные предметы в силу своего происхождения депаспортизированы и не «привязаны» к какому-либо «закрытому» комплексу, изучение данных артефактов с точки зрения морфологии, типологии, хронологии, функционального назначения и генезиса является актуальной темой для исследования. В то же время в статье не рассмотрены бусы, т.к. данная категория находок должна быть изучена с позиций технолого-морфологического, типологического и хронологического анализа в рамках отдельного исследования.

Описание находок, аналогии, датировка и функция

Среди находок у с. Никольское в единственном экземпляре обнаружена **височная подвеска** (рис. 1, б) *мазунинского типа/бахмутинского типа в виде «знака вопроса*. Она изготовлена из бронзового стержня, на котором зафиксированы остатки навитой проволоки. Крючок для крепления у подвески обломан. Данный тип — как территориально, так и хронологически — широко представлен в памятниках мазунинской/бахмутинской и азелинской культур (*височная подвеска (тип Останина-3), (тип Лецинская-3-1-д)*)⁶. Подобные височные подвески, не являясь самостоятельным видом украшений женского костюмного комплекса, всегда имели основу для прикрепления в виде шапочки или ленты⁷. В то же время они могли выполнять и иную функцию. Так, в Старо-Муштинском могильнике (курган 17, тайник) зафиксировано использование пары строенных височных подвесок, украшенных напусчными бусинами, уже в качестве составной части конского оголовья⁸.

Также единичными являются находки **браслета** (рис. 1, 4) из круглого в сечении дрота, с прямыми концами, расположенными параллельно друг другу ((тип *Голдина-1-а*), (тип *Останина-3*), (тип *Лецинская-1-а*)) и плоской **подвески** (рис. 1, 8) неправильной подтрапециевидной формы, с круглым отверстием в верхней части

⁶ *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. С. 34–35; *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск, 2014. Т. 27. С. 62.

⁷ *Красноперов А.А.* Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э.–V в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 47.

⁸ *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа, 2004. С. 57.

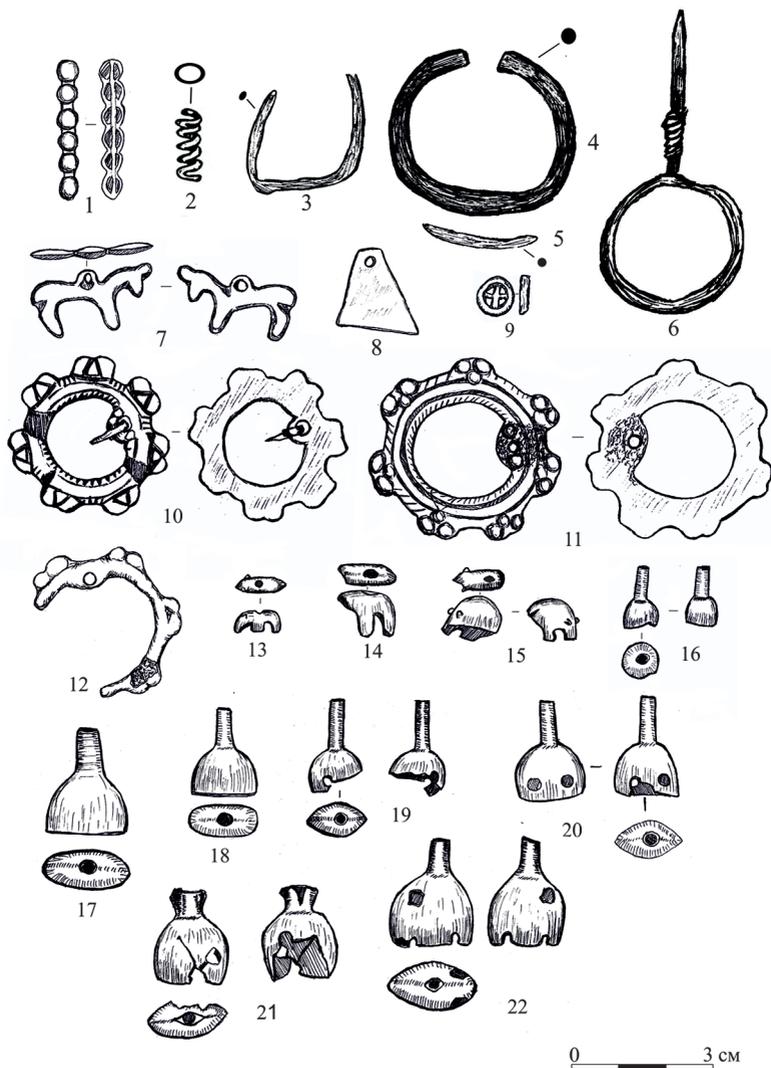

Рис. 1

для крепления ((тип *Останина-2*), (тип *Лещинская-17*))⁹. Более многочисленны фрагменты **спиральновитых пронизей** (10 экз., рис. 1, 2) из слегка подграненной проволоки ((тип *Голдина-Г-2*), (тип

⁹ *Останина Т.И.* Указ. соч. С. 48; *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Указ. соч. С. 84; *Лещинская Н.А.* Указ. соч. С. 63.

Останина-2))¹⁰ и обломки *гривен* (?) из круглого в сечении дрота (2 экз., рис. 1, 3, 5). По мнению одних исследователей, трапецевидные подвески изготавливались из бронзовых дисковидных зеркал¹¹, в то время как другие считают первоосновой этих подвесок бронзовые бляхи¹². В целом же стоит отметить, что браслеты, пронизи, подвески и гривны указанных типов были широко распространены на территории Предуралья в первой половине I тыс. н.э.¹³

Пронизям в виде стилизованного изображения медведя (3 экз., рис. 1, 13–15) (*подвески-пронизи (тип Останина-4); пронизи (тип Голдина-5-в), (тип Лецинская-Е-5), (тип (Перескоков-6))*¹⁴ обнаружены аналогии в Югомашевском (п. 10, п. 15, п. 24, п. 38, п. 51 (раскоп II), п. 9 (раскоп III), Старо-Муштинском (раскоп V, ПМ), Мало-Качакском (ПМ, раскопки С.М. Васюткина, 1970 г.), Бахмутинском (раскопки В.В. Гольмстен, 1915 г.; п. 2, п. 5, раскопки Н.А. Мажитова, 1960 г.), Кара-Тамакском, Бирском (п. 25, п. 28, п. 39, п. 59, п. 78, п. 105 и др.) могильниках, среди материалов городищ Уфа-II и Каменная гора (Башкортостан), Нивском, Тарасовском (Удмуртия), в Первомайском (Кировская область) в Красноярском и Кудашевском могильниках, на Гляденовском костыше (Пермский край), а также в бескурганной части Тураевского могильника и среди материалов Именьковского I городища (Татарстан)¹⁵. Их появление одни исследователи от-

¹⁰ Останина Т.И. Указ. соч. С. 39; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Указ. соч. С. 78, С. 84.

¹¹ Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. С. 23.

¹² Останина Т.И. Указ. соч. С. 51; Лецинская Н.А. Указ. соч. С. 64; Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангазякского грунтового могильника // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6–7. С. 97.

¹³ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968; Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 47–72; Перескоков М.С. Пермское Предуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018. С. 250. Рис. 34, 27–31.

¹⁴ Останина Т.И. Указ. соч. С. 51; Лецинская Н.А. Указ. соч. С. 65; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Указ. соч. С. 85; Перескоков М.С. Указ. соч. С. 61.

¹⁵ Смирнов А.П. Железный век Башкирии. С. 51–54; Мажитов Н.А. Бахмутинская культура... С. 152. Табл. 30; Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в Бирском, Покровском и Нуримановском районах Башкирской АССР за 1960 год. Уфа, 1960 // Научный архив ИА РАН. Р. 1. № 2105; Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1970 г. Уфа, 1971 // Научный архив ИА РАН. Р. 1. № 4164; Васюткин С.М., Калинин В.К., Обьденнов М.Ф. Экспедиция Башкирского государственного университета // Археологические открытия 1975 г. М., 1976. С. 164–165; Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология.

носят к IV в. н.э.¹⁶, другие же датируют данные изделия концом IV–V вв. н.э.¹⁷ либо только V в. н.э.¹⁸

Более ранние подвески-медведи отличаются наличием отображенных в мелкой пластике основных черт «хозяина леса» (тяжелая, неповоротливая фигура, торчащие уши) (рис. 1, 13), тогда как для поздних вариантов (рис. 1, 14, 15) характерна утрата художественной выразительности и увеличение размеров. Как отмечает Л.И. Липина, пронизы в виде полых фигурок медведей были широко распространены в Прикамье и являлись дополнением к массивным фибулам либо использовались как часть пронизей, свисавших с женского пояса. «Шумящий пояс» у большинства народов Северной Евразии считался необходимым: его надевали на девушку, «чтобы жених услышал» Кроме функции привлечения женихов, пронизки-медведи выполняли роль оберегов, отпугивая свои звоном злых духов¹⁹.

Аналогии **колоколовидным/бутыльчатым пронизям** (7 экз., рис. 1, 16–22) (*подвески-пронизки (тип Останина-7)*; по Р.Д. Голдиной – *пронизы в виде сильно стилизованного стоящего медведя (тип Голдина-Е-5)*), датированным Т.И. Останиной V в., обнаружены в Югомашевском (п. 15 (раскоп II)), Старо-Муштинском (к. 10), Бирском (п. 21, п. 148, п. 381 и др.), Бахмутинском (случайные находки), Верх-Саинском (к. 1/2) могильниках²⁰.

Коньковидная подвеска с ушком (1 экз., рис. 1, 7) (*подвески (тип Останина-4)*; *пронизки (тип Голдина-Е-4)*, (*тип Лещинская-Т-1*), (*тип Перескоков-7*)), имеет аналогии в Бахмутинском (ПМ; раскопки

2016. № 3 (17). С. 39–40; Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Указ. соч. С. 223. Рис. 5, 1; Перескоков М.С. Указ. соч. С. 250. Рис. 34.

¹⁶ Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа, 2004. С. 45.

¹⁷ Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 62. Рис. 9, 64; 2016. № 3 (17). С. 39. Рис. 7, 57.

¹⁸ Останина Т.И. Указ. соч. С. 105.

¹⁹ Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 52–53, С. 82; Останина Т.И. Указ. соч. С. 51.

²⁰ Останина Т.И. Указ. соч. С. 52, С. 109–110; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Указ. соч. С. 85, С. 171; Смирнов А.П. Железный век Башкирии. С. 51–54; Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Указ. соч. С. 37; Мажитов Н.А. Бахмутинская культура... С. 87, С. 106–107; Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет об исследованиях первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1974 г. Уфа, 1975 // Научный архив ИА РАН. Р. 1. № 5415.

В.В. Гольмстен, 1915 г.; раскопки М.С. Смирнова, 1921 г.), Бирском (п. 112, п. 272 и др.), Бродовском (к. 7/1, к. 21/1, к. 3 и др.) и Верх-Саинском могильниках²¹, Данный тип датирован Р.Д, Голдиной IV–V вв.²², по мнению М.С. Перескокова коньковидные подвески появляются в V в. и продолжают бытовать вплоть до первой половины VI в.²³

Аналогии **кольцевым застезкам** (3 экз., рис. 1, 10–12) с выступами на концах в виде двойных или тройных полугорошин и иглой для крепления к одежде (*фибулы-застежки* — по Н.А. Мажитову, *круглые бляхи с игольчатой застежкой тип (Сунгатов-1-а)*) обнаружены в Бирском (п. 148, п. 183, п. 218 и др.), Бахмутинском (сборы; п. 2, раскопки М.С. Смирнова, 1921 г.), Кушнарниковском (п. 4), Коминтерновском (п. 26) могильниках²⁴. Основной функцией кольцевых застежек было закалывание верхней одежды, но, как отмечает Ф.А. Сунгатов, в случае потери иглы данные застежки могли использоваться и в качестве подвесок²⁵. Судя по всему, их появление на территории Уфимско-Бельского междуречья является результатом контактов местных племен с носителями именьковской культуры в середине — второй половине I тыс. н.э.²⁶

Бляшки среди «никольских находок» представлены двумя типами. К первому относятся бронзовые бляшки (2 экз., рис. 1, 1), состоящие из нескольких выпуклых в поперечном сечении кругов и крепившиеся при помощи задней планки (*бляхи тип Лецинская-2-1-в*). Ближайшие аналогии подобным изделиям обнаружены в ком-

²¹ Шмидт А.В. Указ. соч. С. 16–27; Смирнов А.П. Железный век Башкирии. С. 51–54; Лецинская Н.А. Указ. соч. С. 64; Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. С. 100; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Отчет о раскопках Бирского могильника в 1981 г. Уфа, 1982 // Научный архив АЛ БашГУ. Ф. 2. Д. 13; Перескоков М.С. Указ. соч. С. 61, С. 250. Рис. 34.

²² Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Указ. соч. С. 85, С. 171.

²³ Перескоков М.С. Указ. соч. С. 99–101.

²⁴ Смирнов М.С. Отчеты о произведенных раскопках в 1920–1921 гг. близ г. Стерлитамака. Уфа, 1920–1921-А // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. № 190; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Отчет о раскопках Бирского могильника в 1981 г. Уфа, 1982 // НА АЛ БашГУ. Ф. 2. Д. 13; Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнарниково на р. Белой (VI–VII в. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 93. Рис. 3, 41; Мажитов Н.А., Агеев Б.Б. Научный отчет о результатах археологических исследований в 1978 г. Уфа, 1979 // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 8371; Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 137. Рис. 14.

²⁵ Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа, 1998. С. 53.

²⁶ Матвеева Г.И. Указ. соч. С. 62.

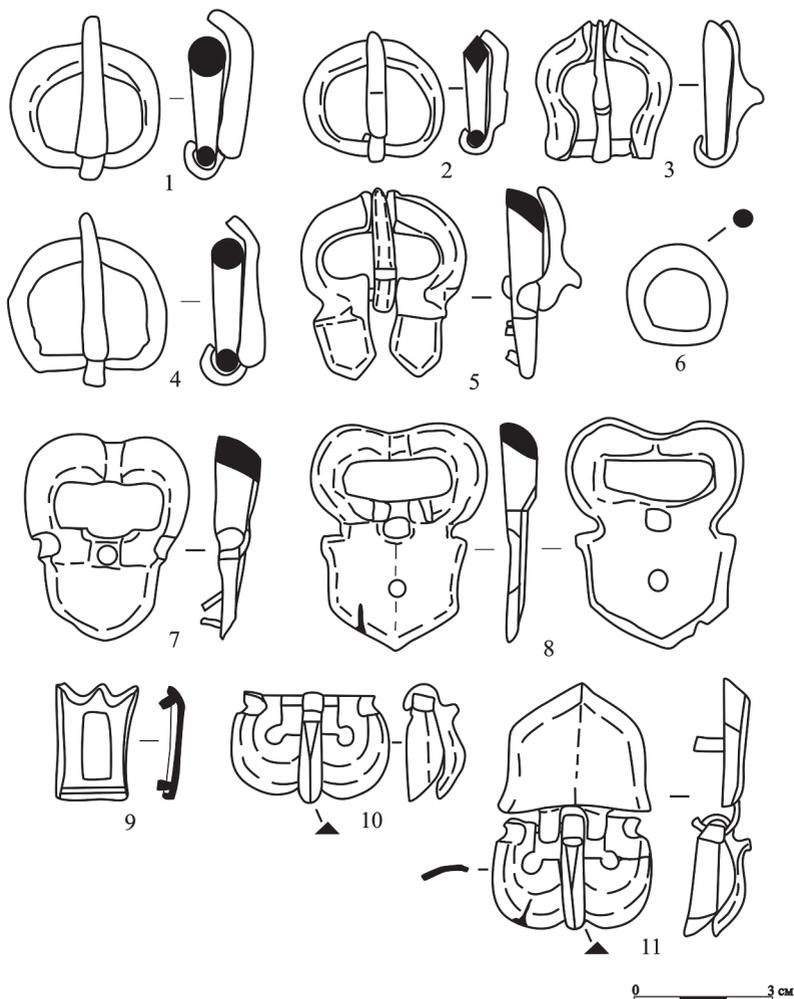

Рис. 2

плексах азелинской культуры, которые датируются концом II — началом III в.²⁷ К более позднему времени (V–VI вв.) относится второй тип — литые колесовидные с 4 спицами бляшки из серебра (14 экз., рис. 1, 9). Аналогии им обнаружены в Бирском могильнике (п. 75, п. 148, п. 166, п. 181, п. 266, п. 282) и среди материалов Улу-Кулевого селища. Судя по расположению изделий на костяке в п. 282 Бирско-

²⁷ Лецинская Н.А. Указ. соч. С. 167. С. 246. Табл. 27, 45–55, 56–65. С. 250. Табл. 31, 9–19, 20–29.

го могильника, бляшками были обшиты края одежды (кафтана?). А.А. Красноперовым на основании анализа погребального инвентаря (пряжкам, наконечникам ремней, серьгам с многогранником, янтарным и коралловым бусы и др.) из комплексов Бирского могильника было уточнено время появления и наибольшего распространения колесовидных бляшек: вторая половина V–VI в.²⁸

Отдельную категорию в коллекции «Никольских находок» составляют **предметы ременной гарнитуры**, представленные следующими типами:

Пряжки с утолщенной спереди с округлой либо овальной рамкой, с длинным хоботковым язычком, имеющим уступчик у основания (2 экз., рис. 2, 1, 4). Как отмечают исследователи, пряжки данного типа, появившись в IV в. на юге, были повсеместно распространены в Европе, Средиземноморском бассейне, на Ближнем и Среднем Востоке более всего в V в., но отдельные экземпляры встречаются и в более поздних комплексах²⁹.

Пряжка с ромбической в сечении, утолщенной спереди, округлой рамкой; с язычком, не выходящим за внешний край рамки и имеющий небольшой выступ-площадку (1 экз., рис. 2, 2). Данное изделие по ряду морфологических признаков (наличие уступа, выступа на язычке; ограниченность рамки) близко пряжкам типа *Малашев-П10* и, судя по всему, может быть датировано не позднее IV в.³⁰

В-образные пряжки с площадками и вырезами в задней части рамки, изготовленные совместно с щитовидной обоймой (1 экз., рис. 2, 7, 8). Наибольшего распространения подобный тип пряжек получил на юге и востоке Восточной Европы: в Причерноморье, на Кавказе и Поволжье. Подобные пряжки наряду с экземплярами из Верхне-Саино, Суук-Су, Борисово, Дюрсо и др., были отнесены И.О. Гавритухиным к черноморско-волжской серии В-образных пряжек и датированы им концом VI — серединой VII в.³¹

Цельнолитая лировидная пряжка с раздвоенным щитком и язычком, имеющим выступ-фиксатор (5-й вариант лировид-

²⁸ Красноперов А.А. Мелкие нашивные украшения из Бирского могильника // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур / Под общ. ред. А.И. Уразовой. Уфа, 2018. С. 87.

²⁹ Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 19–23; Матськова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV–середине VI в. н.э. М., 2009. С. 58. С. 277. Рис. 40.

³⁰ Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 196, 209.

³¹ Гавритухин И.О. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 169–171.

ных пряжек — по А.И. Айбабину) (1 экз., рис. 2, 5) имеет аналоги в кургане 1/7 Бережновки I (Волгоградская область)³², в могильниках Суук-Су и Лучистое (Крым) и может быть датирована третьей четвертью VII в.³³

Бесщитковая лировидная пряжка с язычком, имеющим выступ-фиксатор, и ложе для язычка на рамке (1 экз., рис. 2, 3). Аналогии обнаружены на территории Башкирии в Бахмутинском могильнике (п. 1, п. 5, раскопки М.С. Смирнова, 1921 г.), а также в Предкавказье, в комплексах Мокрой Балки³⁴. Подобный тип пряжек датирован В.Ю. Малашевым и И.О. Гавритухиным второй — третьей четвертью VII в.³⁵

Псевдопряжки (2 экз., рис. 2, 10, 11). В основе выделения ряда ременных принадлежностей в категорию псевдопряжек лежат наблюдения И.О. Гавритухина, подробно изложенные им в отдельном исследовании. Так, изделия, близкие по внешнему облику пряжкам, но с рамкой, малые размеры прорези которой не приспособлены для продевания ремешка, либо же имеющие лишь имитацию язычка, были отнесены исследователем к псевдопряжкам 5-го типа. По своей морфологии николевские экземпляры тяготеют, согласно типологии И.О. Гавритухина, к псевдопряжкам с рамкой варианта «в» и обоймой варианта «Г», происходящих из комплексов Бахмутинского могильника (раскопки В.В. Гольмстен, 1915 г.) и датированных первой половиной VII в. Наиболее близкие прототипы гарнитур с накладками, имеющими подвески, известны в культурах Дальнего Востока. На территорию Европы и Северо-Западной Азии пояса с псевдопряжками могли попасть в эпоху могущества I Тюрского каганата, вместе с дружинами, призванными в рамках даннических или договорных отношений. Впоследствии, по мнению И.О. Гавритухина, после распада этой державы воины каких-то народов сохраняли ставший традиционным состав гарнитур³⁶.

³² Комар А.В. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Сугдейский сборник. 2005. Вып. II. С. 169. Рис. 4, 1.

³³ Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 64. С. 219. Рис. 40, 12, 13.

³⁴ Смирнов М.С. Отчеты о произведенных раскопках в 1920–1921 гг. близ г. Стерлитамака. Уфа, 1920–1921–А // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. №190; Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001. С. 48, С. 148. Рис. 78, 32.

³⁵ Малашев В.Ю. Указ. соч. С. 48, С. 148. Рис. 78, 32.

³⁶ Гавритухин И.О. Эволюция европейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001. С. 49–51, С. 76. Рис. 8, 1.

Накладка с чуть вогнутыми к центру боками, крупной прорезью, волнистым верхним краем и декором из двух горизонтальных линий (1 экз., рис. 2, 9). Имеет аналогии среди материалов Новиковского могильника, в котором обнаружена морфологически близкая накладка, но более вытянутой формы и без декора³⁷. Схожая накладка обнаружена также на территории Верхнего Прикамья и датирована И.О. Гавритухиным первой половиной VII в.³⁸

Могильник или клад?

На территории Предуралья в I тыс. н.э. находки кладов не являются редкостью. Большое их количество «выпадает» на излет существования пьяноборской культуры — конец II–III вв. Как отмечает В.Ф. Генинг, пьяноборцы под давлением пришлых племен были вынуждены бегством покинуть свою территорию. Данный факт археологически отразился в виде следов пожарищ при раскопках поселений, прекращении захоронений на могильниках пьяноборской культуры. Клады той эпохи, зачастую содержавшие полуфабрикаты украшений, были, по мнению В.Ф. Генинга, в спешке оставлены местными мастерами³⁹. Следующий всплеск количества кладов зафиксирован с VII в., когда в рассматриваемый регион начинает поступать художественный импорт, представленный в основном серебряными сосудами, блюдами и кружками сасанидского, постсасанидского, среднеазиатского и византийского происхождения⁴⁰. Их появление в Предуралье связано с продвижением кушнаренковских племен, вовлеченных в военно-политическое противостояние господствующих государств той эпохи⁴¹.

Находки же у с. Никольское, в свою очередь, представляют собой довольно устойчивый для бахмутинской культуры набор готовых

³⁷ Сунгатов Ф.А. Указ. соч. С. 70–71; Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. II. СПб., 1904. С. 9–10.

³⁸ Гавритухин И.О. Эволюция европейских псевдопряжек. С. 37–38. С. 78. Рис. 10, 8.

³⁹ Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. // Вопросы археологии Урала. 1963. Вып. 5. С. 17.

⁴⁰ Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 153; Даркевич В.П. Художественный металл Востока, VIII–XIII вв. М., 1976. С. 15–42.

⁴¹ Чичко Т.В. Восточная торевтика Прикамья и Южного Приуралья как источник изучения военно-политической истории раннесредневековой Евразии // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. — URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13614> (дата обращения: 26.07.2018)

украшений, входивших в состав убранства костюма. Это позволяет нам, вслед за А.В. Шмидтом, сделать предположение о существовании могильника, отдельные погребения которого могли быть разрушены водными потоками р. Уфа. Судя по обнаруженным артефактам, Никольский могильник мог функционировать в III–VII вв. В аналогичные хронологические рамки попадают и комплексы Бахмутинского могильника⁴², которые, в сравнении с погребениями Бирского могильника, были менее подвержены инокультурному влиянию⁴³. Представленные выводы остаются пока на уровне гипотезы, а для уточнения сведений о существовании Никольского могильника в дальнейшем должны быть проведены соответствующие археологические изыскания.

References

Ambroz A.K. *Birskiy mogil'nik i problemy khronologii Priural'ya v IV–VII vv.* [The Birk Burial Ground and Problems of the Cisural Chronology in the Fourth–Seventh Centuries] // *Srednevekovyye drevnosti yevraziyskikh stepey* [Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 3–56.

Aybabin A.I. *Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni* [Chronology of Late Roman and Early Medieval Crimean Burial Grounds] // *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Material on Archeology, History and Ethnography of Tavria]. Simferopol': Tavriya, 1990. Is. 1, pp. 3–86, 174–241.

Azbelev P.P. *Geraldicheskaya triada* [The Heraldic Triad] // *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*. 2012. № 4 (16), pp. 94–108.

Bogachev A.V. *Protsedurno-metodicheskiye aspekty arkheologicheskogo datirovaniya (na materialakh poyasnykh naborov IV–VIII vv. Srednego Povolzh'ya)* [Procedural and Methodological Aspects of Archaeological Dating (Based on the Material of the Fourth–Eighth-Century Belt Sets from the Middle Volga Region)]. Samara: Artefakt, 1992. 208 p.

Bulychov N.I. *Drevnosti iz Vostochnoy Rossii* [Antiquities from Eastern Russia]. Is. I. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1902. 30 p.

Bulychov N.I. *Drevnosti iz Vostochnoy Rossii* [Antiquities from Eastern Russia]. Is. II. Saint Petersburg: Tovarishchestvo khudozhestvennoy pečati, 1904. 15 p.

Chichko T.V. *Vostochnaya torevtika Prikam'ya i Yuzhnogo Priural'ya kak istochnik izucheniya voyenno-politicheskoy istorii rannesrednevekovoy Yevrazii* [Oriental Toreutics in the Kama and Southern Cisural Regions as a Source for Studying the Military–Political History of Early Medieval Eurasia] // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. № 3. — URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13614>

⁴² Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. С. 181.

⁴³ Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Указ. соч. С. 230.

Darkevich V.P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka, VIII–XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoy torevniki na territorii Yevropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [Art Metal of the East in the 8th–13th Centuries: Masterpieces of Oriental Toreutics in the European Part of the USSR and Trans-Urals]. Moscow: Nauka, 1976. 199 p.

Gavritukhin I.O. *Evolutsiya yevropeyskikh psevdopryazhek* [Evolution of European False Buckles] // *Kul'tury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (iz istorii kostyuma)* [Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of the First Millennium CE (from the History of the Costume)] / Ed. by D.A. Stashenkov. Vol. 2. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-krayevedcheskiy muzey, 2001, pp. 31–86.

Gavritukhin I.O. *V-obraznyye pryazhki, izgotovlennyye vmeste s shchitovidnoy oboymoy* [B-shaped Buckles Made Together with a Shield-shaped Girdle] // *Permskiy mir v rannem srednevekov'ye* [Perm' World in the Early Middle Ages]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1999, pp. 160–209.

Gening V.F. *Azelinskaya kul'tura III–V vv.* [Azelino Culture in the Third–Fifth Centuries] // *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Archeology of the Urals] / Ed. by A.F. Medvedev. Is. 5. Izhevsk: Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1963. 161 p.

Gening V.F. *Pamyatniki u s. Kushnarenkovo na r. Beloy (VI–VII v. n.e.)* [The Sites at the Village Kushnarenkovo on the Belaya River in the Sixth–Seventh Centuries CE)] // *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala* [Research on the Archeology of the Southern Urals]. Ufa: Bashkirskiy filial AN SSSR, 1977, pp. 90–135.

Goldina R.D., Bernts V.A. *Khronologiya muzhskikh pogrebeniy III–V vv. Tarasovskogo mogil'nika* [Chronology of Male Burials of the Third–Fifth Centuries in the Tarasovsky Burial Ground] // *Povolzhskaya arkheologiya*. 2016. № 3 (17), pp. 17–58; 2017. № 2 (20), pp. 47–72.

Goldina R.D., Vodolago N.V. *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'ye* [Burial Grounds of the Nevolinsk Culture in the Cisurals]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1990. 176 p.

Komar A.V. *Rangovaya semantika nabornykh poyasov kochevnikov Vostochnoy Yevropy VII – nachala VIII v.* [Rank Semantics of Type-setting Belts of the Nomads in the Seventh — Early–Eighth-Century Eastern Europe] // *Sugdeyskiy sbornik*. Issue II. Kiyev; Sudak: Akademperiodika, 2005, pp. 160–188.

Krasnoperov A.A. *Kostyum naseleniya chegandinskoy kul'tury v Prikam'ye (II v. do n.e. — V v. n.e.)* [Costume of the Population of the Chegandinskaya Culture in the Kama River Region in the II Cent. BCE – V Cent. CE]. PhD Candidate in History Diss. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet, 2006. 273 p.

Krasnoperov A.A. *Melkiye nashivnyye ukrasheniya iz Birskego mogil'nika* [Small Embroidered Ornaments from the Birske Burial Grounds] // *Drevniye i srednevekovyye obshchestva Yevrazii: perekrestok kul'tur* [Ancient and Medieval Societies of Eurasia: A Crossroads of Cultures] / Ed. by A.I. Urazova. Ufa: Mir pechaty, 2018, pp. 85–97.

Leshchinskaya N.A. *Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.)*. *Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy*

arkheologicheskoy ekspeditsii [The Vyatka Region in the P'yany Bor Era (On the Materials from the First–Fifth-Century CE Burial Grounds). Material and Research of the Kama–Vyatka Archaeological Expedition]. Izhevsk: Institut istorii i kul'tury narodov Priural'ya, 2014. Vol. 27. 472 p.

Lipina L.I. *Semantika bronzovykh zoomorfnykh ukrasheniy prikamskogo kostyuma* [Semantics of Zoomorphic Bronze Ornaments of the Kama Region Costume]. PhD Candidate in History Diss. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet, 2006. 207 p.

Malashev V.Yu. *Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka* [Pottery of the Early Medieval Mokraya Balka Burial Ground]. Moscow: IA RAN, 2001. 148 p.

Malashev V.Yu. *Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni* [Periodization of Belt Fitting in the Late Sarmatian Time] // *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [The Sarmatians and Their Neighbours on the Don: Material and Research on the Archeology of the Don]. Vol. 1. Rostov-na-Donu: Terra, 2000, pp. 194–232.

Mastykova A.V. *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV — seredine VI v. n.e.* [Women's Costume of the Central and Western Ciscaucasia in the Late Fourth — Mid-Sixth-Centuries CE]. Moscow: IA RAN, 2009. 500 p.

Matveyeva G.I. *Sredneye Povolzh'ye v IV–VII vv.: Imen'kovskaya kul'tura* [The Middle Volga Region in the Fourth–Seventh Centuries: The Imen'kovo Culture]. Samara: Samarskiy universitet, 2004. 168 p.

Mazhitov N.A. *Bakhmutinskaya kul'tura: etnicheskaya istoriya naseleniya Severnoy Bashkirii serediny pervogo tysyacheletiya nashey ery* [The Bakhmutin Culture: The Ethnic History of the Population of Northern Bashkiria in the Mid-First Millennium CE]. Moscow: Nauka, 1968. 166 p.

Mazhitov N.A. *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Birs'kom, Pokrovskom i Nurimanovskom rayonakh Bashkirskoy ASSR za 1960 god. Ufa, 1960* [Academic Report on Archaeological Research in the Birs'k, Pokrovsky and Nurimanovsky Districts of the Bashkir ASSR in 1960. Ufa, 1960] // *Nauchnyy arkhiv IA RAN. R. 1. № 2105.*

Mazhitov N.A., Ageyev B.B. *Nauchnyy otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy v 1978 g. Ufa, 1979* [Academic Report on the Results of Archaeological Research in 1978. Ufa, 1979] // *Nauchnyy arkhiv IA RAN. R-1. № 8371.*

Mazhitov N.A., Sultanova A.N. *Otchet o raskopkakh Birs'kogo mogil'nika v 1981 g. Ufa, 1982* [Report on the Excavations of the Birs'k Burial Ground in 1981. Ufa, 1982] // *Arkheologicheskaya laboratoriya Bashkirskogo universiteta. F. 2. D. 13.*

Morozov V.Yu. *Puti proniknoveniya sasanidskikh monet i khudozhestvennykh izdeliy v Povolzh'ye i Prikamiye* [The Ways of Penetration of Sasanian Coins and Art Products into the Volga and Kama Regions] // *Kul'tury Yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e.* [Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of the First Millennium CE]. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-krayevedcheskiy muzey, 1996, pp. 148–164.

Ostanina T.I. *Naseleniye Srednego Prikamiya v III–V vv.* [The population of the Middle Kama Region in the Third–Fifth Centuries]. Izhevsk: Udmurtskiy institute istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997. 327 p.

Ovsyannikov V.V., Sungatov F.A. *Gorodishche Kamennaya gora v srednem techenii r. Ufy* [The Ancient Settlement of Kamennaya gora in the Middle Reaches of the Ufa River] // *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*. 2004. Is. 5, pp. 218–240.

Pereskokok M.S. *Permskoye Predural'ye v finale rannego zheleznogo veka* [Perm' Cisurals towards the End of the Early Iron Age]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. 320 p.

Shmidt A.V. *Arkheologicheskiye izyskaniya Bashkirskoy ekspeditsii Akademii nauk (Predvaritel'nyy otchet o rabotakh 1928 g.)* [Archaeological Surveys of the Bashkir Expedition of the Academy of Sciences (The 1928 Preliminary Report)] // *Khozyaystvo Bashkirii*. 1929. № 8–9, pp. 16–27.

Smirnov A.P. *Zheleznyy vek Bashkirii* [The Iron Age in Bashkiria] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1957. № 58, pp. 5–107.

Smirnov M.S. *Otchety o proizvedennykh raskopkakh v 1920–1921 gg. bliz g. Sterlitamaka. Ufa, 1920–1921-A* [Reports on the Excavations near the city of Sterlitamak in 1920–1921. Ufa, 1920–1921-A] // Nauchnyy arkhiv UFITs RAN. F. 3. Op. 12. № 190.

Sultanova A.N. *Birskiy mogil'nik: istoriko-arkheologicheskoye issledovaniye* [The Birk Burial Ground: A Historical and Archaeological Study]. PhD Candidate Degree in History Diss. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, 2000. 203 p.

Sungatov F.A. *Turbaslinskaya kul'tura (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov V–VIII vv. n.e.)* [Turbasly Culture (The Fifth–Eighth-Century Funeral Sites)]. Ufa: Gilem, 1998. 169 p.

Sungatov F.A., Garustovich G.N., Yusupov R.M. *Priural'ye v epokhu velikogo pereseleniya narodov (Staro-Mushtinskiy kurganno-gruntovyy mogil'nik)* [The Cisurals in the Great Migration Era (Staraya Mushta Burial Ground and Mounds)]. Ufa: Glavnoye upravleniye gosudarstvennoy okhrany i ispol'zovaniya nedvizhimykh ob'yektov kul'turnogo naslediya Ministerstva kul'tury i natsional'noy politiki Respubliki Bashkortostan, 2004. 95 p.

Tagirov F.M. *Novyye issledovaniya Angasyakskogo gruntovogo mogil'nika* [New Studies of the Angasyak Burial Ground] // *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*. 2007. Is. 6–7, pp. 89–111.

Vasyutkin S.M. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Bashkirskoy ASSR v 1970 g. Ufa, 1971* [Report on Archaeological Research in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1970. Ufa, 1971] // Nauchnyy arkhiv IA RAN. R. 1. № 4164.

Vasyutkin S.M., Kalinin V.K. *Otchet ob issledovaniyakh pervogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Bashgosuniversiteta v 1974 g. Ufa, 1975* [Report on the Research of the First Party of the Archaeological Expedition of the Bashgosuniversitet in 1974. Ufa, 1975] // Nauchnyy arkhiv IA RAN. R. 1. № 5415.

Vasyutkin S.M., Kalinin V.K., Obydenov M.F. *Ekspeditsiya Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Expedition of the Bashkir State University] // *Arkheologicheskiye otkrytiya 1975 g.* Moscow: Nauka, 1976, pp. 164–165.

Поступила в редакцию
14 февраля 2019 г.

Д.А. Чуркина*

**ДЕКОРАЦИЯ ЗАЛА МЕСЯЦЕВ
ПАЛАЦЦО СКИФАНОИЯ:
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ**

D.A. Churkina

**THE DECORATION OF THE HALL OF THE MONTHS
IN PALAZZO SCHIFANOIA: HISTORY OF RESEARCH
AND PERCEPTION**

Аннотация. Развитие изобразительного искусства итальянского Возрождения представляет собой сложный эволюционный процесс, основные вехи которого представлены выдающимися памятниками станковой и монументальной живописи. Многие из них, в особенности масштабные циклы фресковых росписей, были прославлены еще при жизни их создателей и заказчиков. Впоследствии эти произведения искусства привлекали внимание многих поколений исследователей различных научных школ и направлений. Глубина авторского замысла, новаторство и высокий уровень исполнения — вот те причины, по которым многие «ключевые» памятники итальянского Ренессанса до сих пор не утратили своей актуальности в современной искусствоведческой науке. Настоящая статья посвящена истории изучения и восприятия одного из подобных историографических феноменов. Изучение почти любого аспекта искусства и культуры ренессансной Феррары предполагает обращение к монументальной декорации Зала Месяцев палаццо Скифанойя (1469–1470). Этот памятник феррарской школы живописи стал отправной точкой для ряда направлений в исторических и искусствоведческих исследованиях. В то же время, восприятие ансамбля Зала Месяцев изменялось на протяжении столетий в зависимости от разных факторов — политической ситуации, смены этапов развития научной мысли и эволюции методологии истории искусства. Анализ процесса атрибуции росписей позволяет не только восстановить ход развития искусствоведения во второй половине XIX – начале XX в., но и представить жизнь научного сообщества Феррары этого времени. В XX столетии росписи палаццо Скифанойя окончательно вошли в круг первостепенных памятни-

* Чуркина Дарья Александровна, научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

Churkina Daria Aleksandrovna, Research Fellow, The State Historical and Cultural Museum-Preserve “The Moscow Kremlin”

+7-909-683-36-16; daria-4991@mail.ru

ков эпохи Раннего Возрождения. Непрерывные попытки интерпретации астрологических мотивов декорации Зала Месяцев повлекли за собой рождение иконологии, нового направления в современном искусствознании. Изучение современной историографии декорации Зала Месяцев позволяет выделить актуальные направления изучения искусства Феррары. В статье также приводятся архивные данные, проливающие свет на драматичную историю самого дворца, с которым связаны имена многих выдающихся представителей династии д'Эсте.

Ключевые слова: Феррара, palazzo Скифанойя, Раннее Возрождение, монументальная живопись, астрологические мотивы в живописи, герцог Борсо д'Эсте.

Abstract. The progress of the fine art of the Italian Renaissance is a complex evolutionary process, whose key milestones are represented by outstanding oeuvres of easel and monumental painting. Many of them, especially frescos for large scale mural cycles, were acclaimed during the lifetime of their creators and patrons. For centuries to come, these works of art drew attention of many generations of scholars belonging to various historical schools of thought and representing different trends. The depth of the artist's creative vision, innovation and a high level of execution — these are the reasons why many of the “key” monuments of the Italian Renaissance have still retained their relevance in modern art history. This article presents the history of the study and perception of one of these historiographic phenomena. The analysis of almost any aspect of the art and culture of the Renaissance Ferrara involves discussing the mural decoration of the Hall of the Months of the Palazzo Schifanoia (1469–1470). This monument of the Ferrara school of painting was the starting point for a number of trends in history and art history studies. At the same time, the perception of the ensemble of the Hall of the Months changed over the centuries depending on various factors – the political situation, the change in the stages of development of academic thought and the evolution of the methodology of art history. The analysis of the attribution process of frescoes permits one not only to reconstruct the development of art history in the second half of the 19th – early 20th centuries, but also to comprehend the life of the Ferrarese scholarly community at that time. In the 20th century, the murals of the Palazzo Schifanoia were decisively proclaimed paramount works of the Early Renaissance art. Continuous attempts to interpret the astrological motifs of the decoration of the Hall of the Months entailed the birth of iconology, a new trend in modern art history. Studying the modern historiography devoted to the decoration of the Hall of the Months delineates current trends in the study of the art of Ferrara. The article also provides archival data that shed light on the dramatic history of the palace itself, which is associated with the names of many prominent representatives of the d'Este dynasty.

Keywords: Ferrara, Palazzo Schifanoia, Early Renaissance, monumental painting, astrological motifs in painting, Duke Borso Este.

Живописная декорация Зала Месяцев (*Sala dei Mesi*) палатцо Скифанойя в Ферраре, выполненная в 1469–1470 гг. по заказу герцога Борсо д'Эсте, — один из ключевых памятников изобразительного искусства и культуры Раннего Возрождения в Италии. Этот ансамбль, иллюстрирующий идею «доброго правления» Борсо д'Эсте под покровительством античных богов и небесных светил, не только дает представление о придворной культуре Феррары второй половины XV в., но и воплощает основные идеалы культуры итальянского Ренессанса¹. По своему идейному содержанию он представляет собой сложный, причудливый синтез античной и восточной астрологии, средневековой образности и ренессансного гуманистического мировоззрения.

Переход Феррары в 1598 г. из-под власти династии д'Эсте в юрисдикцию Папской области² положил конец почти двухвековому культурному и экономическому расцвету города. С этого момента Феррара постепенно, но неуклонно утрачивала свое художественное наследие. Наполеоновские завоевания рубежа XVIII–XIX в. окончательно привели в упадок некогда один из самых блестящих центров ренессансной Италии. Уникальные памятники живописи и скульптуры — убранство храмов, многочисленных городских и загородных дворцов — были проданы в частные собрания или утрачены. Вместе с их исчезновением город терял атмосферу герцогского двора и память о многих поколениях местной аристократии. Чарльз Диккенс в 1846 г. в своих «Картинах Италии» называл Феррару самым уединенным, безлюдным и пустынным из виденных им городов³.

¹ Основу живописной декорации Зала Месяцев составляют двенадцать вертикальных сегментов, соответствующих месяцам года. В свою очередь, каждый из сегментов поделен на три горизонтальных яруса: в верхнем ярусе изображены триумфы олимпийских богов, в среднем — аллегорические фигуры знаков зодиака и деканов, заимствованных из восточной астрологии, в нижнем — сцены придворной жизни с участием Борсо д'Эсте. Подобная трехчастная структура была широко распространена в позднесредневековых астрологических трактатах и циклах монументальных декораций.

² Отсутствие прямых наследников у герцога Альфонсо II стало для Папы Климента VIII поводом к возвращению Феррары, юридически бывшей феодем Церкви, в собственность Папского государства. Преемником Альфонсо II стал его двоюродный брат Чезаре д'Эсте, который перенес столицу в Модену.

³ *Dickens C. Pictures from Italy. London, 1846. P. 102.*

Открытие фрескового ансамбля Зала Месяцев в 1820–1840-е гг. стало сенсацией ввиду его большой площади, целостности и глубины смыслового наполнения⁴. Несмотря на хорошую сохранность лишь около пятидесяти процентов росписей, их раскрытие имело ключевое значение для изучения феррарского Ренессанса. Ввиду фрагментарности дошедшего до нас наследия живописи Феррары XV в. этот художественный ансамбль стал важнейшим источником по атрибуции основного корпуса произведений мастеров локальной школы. В частности, изучение творческого пути Франческо дель Косса стало возможным во многом благодаря неоспоримому факту его участия в декорации Зала Месяцев. С этим же памятником связано и имя Козимо Туры, ведущего феррарского художника XV в., который, возможно, координировал работу многочисленных мастеров, трудившихся над росписями. Масштабный фресковый цикл, занимающий самое большое помещение дворца, заслуженно прославил палаццо Скифанойя, сделав его одной из «визитных карточек» Феррары. Вполне естественно, что на протяжении более полутора столетий интерес исследователей к этим росписям не угасает. Несмотря на высокую степень изученности фресок, в наши дни регулярно появляются публикации, посвященные разным аспектам этого живописного ансамбля. Обращение к этому памятнику сегодня представляется актуальным в связи с развитием тенденций к интердисциплинарности искусствоведческой науки. Изучение культуры, философии и общественной мысли ренессансной Феррары невозможно без знания истории фресок Зала Месяцев и их восприятия современниками. Панорама, разворачивающаяся на стенах палаццо Скифанойя, является фактически единственной дошедшей до нас масштабной иллюстрацией придворного мира Феррары второй половины XV в.

Анализ обширной историографии палаццо Скифанойя позволяет проследить, как менялось восприятие памятника в исторической ретроспективе одновременно с развитием методологии искусство-

⁴ Раскрытие росписей, начатое в 1821 г., происходило в несколько этапов вплоть до 1840 г. Спустя два десятилетия, в 1859 г., в палаццо появилась внутренняя лестница, ведущая на *piano nobile* и облегчающая посетителям доступ в Зал Месяцев. При ее сооружении была разобрана личная капелла Борсо, сообщавшаяся с Залом Месяцев через дверь в северо-западном углу, где и сейчас можно видеть замурованный дверной проем. Другие помещения дворца были по-прежнему заняты различными частными учреждениями вплоть до 1898 г.: среди них были областной институт для глухонемых, аудитории Феррарского университета и музыкального лицея (*Il Cosmo incantato di Schifanoia. Aby Warburg e la storia delle immagini astrologiche. Guida alla mostra / A cura di C. Fratucello e C. Knorr. Ferrara, 1998. P. 7*).

ведческой науки в новейшее время. Стоит упомянуть, что этим исследованиям предшествовал значительный корпус литературы «донаучного» периода, в основном состоящий из придворных хроник. Именно на почерпнутые из них фактические сведения опирается большинство современных трудов, посвященных этому памятнику. Кроме того, судьба палаццо Скифанойя, неоднократно менявшего владельцев, не менее интересна и драматична, чем содержание его росписей, и потому небесполезно проследить и основные вехи его существования.

Возведение первоначального, небольшого одноэтажного здания дворца, располагавшегося вблизи крепостных стен на восточной окраине города, связано с именем деда Борсо, маркиза Альберто V д'Эсте, который был единоличным правителем Феррары в 1388–1393 гг. После народного восстания 1385 г. было принято решение о начале строительства в Ферраре новых резиденций д'Эсте, ставших альтернативой древнему *Palazzo di Corte* в центре города: монументального замка Сан Микеле (Кастельвеккьо) и небольших охотничьих дворцов (*palazzine di caccia*) Скифанойя и Бельфьоре. В XIV–XV вв. жилая застройка в этой части города почти отсутствовала. Сам дворец граничил с охотничьими угодьями (некогда *Pratum Bestiarum*⁵). По этой причине палаццо Скифанойя, формально находившееся в черте города, считалось «делицией» (ит. *delizia* — отрада, наслаждение), т. е. загородным придворным поместьем.

Аллегорическое название дворца, «Нескучное» (ит. *schivar la noia* — избегать скуки), свидетельствует о его предназначении для отдыха правителей. Еще до масштабного расширения, предпринятого Борсо д'Эсте в конце 1460-х гг., палаццо Скифанойя имело статус официальной резиденции членов династии и часто использовалось для приема высокопоставленных гостей. Так, во время проведения в Ферраре в 1438 г. первого этапа собора христианских церквей, вошедшего в историю как Ферраро-Флорентийский, дворец был отдан в распоряжение брата деспота Морей Димитрия Палеолога. К этому же времени относится нотариальный документ, где дворец назван жилищем, которое «сверкает, как драгоценный камень, вставленный в кольцо»⁶.

Борсо, предпочитавший палаццо Скифанойя другим «делициями», стремился сделать его не менее представительным, чем знамени-

⁵ Emilia Romagna rinascimentale / A cura di F. Lollini e M. Pigozzi. Milano, 2007. P. 151.

⁶ Biondi G. La letteratura sul Palazzo di Schifanoia // Atlante di Schifanoia / A cura di R. Varese. Modena, 1989. P. 26.

тые виллы д'Эсте Бельфьоре и Бельригуардо, также имевшие статус придворных резиденций. Свидетельство о расширении дворца по велению Борсо в апреле 1469 г. мы находим в *Diario ferrarese*⁷, важном источнике по истории ренессансной Феррары. Впрочем, из дошедших до нас документов известно, что работы по перестройке палаццо были начаты раньше, в 1466 г., под руководством придворного архитектора Пьетро Бенвенути дельи Ордини⁸. Это несоответствие может говорить о том, что к 1469 г. основная стадия строительных работ была уже закончена, с востока к постройке конца XIV в. примыкал новый двухэтажный корпус. Зал Месяцев, занимавший *piano nobile*, выполнял функцию парадного зала для торжественных приемов и празднеств⁹. Как и другие дворцы нобилей того времени, палаццо имело облик крепостного сооружения с увенчанным мерлонами карнизом, примыкающий сад был обнесен стеной. Что касается декорации Зала Месяцев, она должна была быть завершена к марту 1470 г., о чем косвенно свидетельствует письмо художника Франческо дель Косса герцогу Борсо относительно оплаты уже выполненной работы¹⁰. Приближенный ко двору феррарский нотариус Уго Калеффины в «Хрониках» 1471–1494 гг. называет палаццо Скифанойя среди имущества, пожалованного Эрколе I сводному брату Альберто д'Эсте, и особо подчеркивает, что работы, произведенные в нем к 1470 г., стоили более тридцати тысяч золотых дукатов¹¹. Такие огромные расходы на строительство и убранство дворца были одним из проявлений «политики великолепия» (ит. *politica di magnificenza*), активно проводимой Борсо д'Эсте в целях укрепления авторитета

⁷ “fu fornito de rehedificare il palazzo di Schivanoio appresso a sancto Andrea, et incominciato fu ad essere habitato per il prefacto duca Borso” (*Diario ferrarese dall'anno 1409 sino al 1502 di autori incerti / A cura di G. Pardi. Bologna, 1928–1933. P. 58*).

⁸ *Franceschini A. Artisti a Ferrara in età umanistica e rinascimentale. Testimonianze archivistiche. Parte I dal 1341 al 1471. Ferrara, 1993. P. 693.*

⁹ До расширения дворца по приказу Борсо все увеселения, приемы и обеды проходили в большей лоджии первого этажа, выходящей в сад.

¹⁰ Письмо Франческо дель Косса было впервые опубликовано на немецком языке в 1885 г., в том же году его текст был включен в расширенную статью Адольфо Вентури в итальянском издании. *Venturi A. Ein Brief des Francesco del Cossa // Der Kunstfreund. IX. 1885; Venturi A. Gli affreschi del Palazzo Schifanoia in Ferrara secondo recenti pubblicazioni e nuove ricerche // Atti e memorie della Regia Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. III. 1885. P. 384–385.*

¹¹ “lo palacio de Schivanoio da Sant'Andrea, lo quale costò de ducati più de trentamila d'oro a fare, lo quale de l'anno 1470 fu fornito de essere facto etiam fare per el duca Borso, lo quale havea havuto principio del 1385 et era facto basso et non suso la foza che l'è” (*Caleffini U. Croniche: 1471–1494. Deputazione Provinciale Ferrarese di Storia Patria / Serie monumenti; 18. Ferrara, 2006. P. 3*).

династии и легитимизации собственной власти¹². Живописный ансамбль на стенах Зала Месяцев стал визуальным манифестом, прославлявшим блестящее правление Борсо д'Эсте, который в 1471 г. стал первым герцогом Феррары. Вторым памятником подобного масштаба был великолепный манускрипт — Библия Борсо д'Эсте (1458–1461 гг.), создание которой обошлось более чем в две тысячи дукатов¹³. Единственное известное изменение в декоративном ансамбле Зала Месяцев после его завершения произошло в 1473 г., когда придворный портретист Бальдассаре д'Эсте переписал все 36 портретных изображений Борсо (герцог был трижды изображен в каждом из двенадцати сегментов росписи) и некоторые из портретов придворных¹⁴.

Альберто д'Эсте владел дворцом непродолжительное время: в 1474 г. за неповиновение герцогу он был изгнан из Феррары в Неаполь, и всё его имущество было конфисковано в пользу казны¹⁵. Спустя три года после его прощения и возвращения в Феррару в 1484 г. супруга Эрколе I Элеонора Арагонская попросила герцога вернуть палаццо Скифанойя деверю, но получила отказ, так как оно вновь приобрело статус официальной придворной резиденции¹⁶. В *Diario ferrarese* авторства Бернардино Дзамботти, охватывающем период с 1476 по 1509 г., дворец упоминается около двадцати раз, нередко в связи с жизнью двора. Так, 21 июля 1476 г. именно в палаццо Скифанойя произошло важное династическое событие, широко праздновавшееся в городе¹⁷, — рождение наследника у сорокачетырехлетнего герцога Эрколе I, будущего Альфонсо I. В большинстве своем эти

¹² Подробнее о понятии *magnificenza* см.: Brown R.G. The politics of magnificence in Ferrara, 1450–1505. A study in socio-political implications of Renaissance spectacle. PhD. diss. University of Edinburgh, 1982; Lesychyn L.A. The Magnificence of Borso and Ercole d'Este. A thesis submitted to the School of Graduate Studies in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree Master of Arts. McMaster University, 1981.

¹³ Головин В.П. Мир художника раннего итальянского Возрождения. М., 2003. С. 158.

¹⁴ Venturi A. Gli affreschi del Palazzo Schifanoia in Ferrara secondo recenti pubblicazioni e nuove ricerche. P. 409.

¹⁵ Официальной причиной гнева Эрколе был отказ Альберто встретить некоего посла, направлявшегося в Феррару. Однако изгнание было слишком суровым наказанием за подобный проступок; возможно, Альберто попал в опалу за покровительство племяннику Эрколе Никколо ди Леонелло, в 1476 г. поднявшего мятеж против герцога (*Zambotti R. Diario ferrarese dall'anno 1476 sino al 1504 / A cura di G. Pardi. Appendice al Diario ferrarese di autori incerti. Bologna, 1928–1937. P. 159*).

¹⁶ Tuohy T. Herculean Ferrara: Ercole d'Este (1471–1505) and the invention of a ducal capital. Cambridge, 1996. P. 309.

¹⁷ *Zambotti R. Op. cit. P. 12–13.*

упоминания сообщают о почетных гостях герцога, проживавших в палаццо, что говорит о «востребованности» дворца после смерти Борсо. Среди них были послы венгерского и французского королей, братья миланского герцога Сфорца, синьор Болоньи и герцог Урбино. В 1480-е гг. во дворце неоднократно проживал маркиз Мантуи Франческо II Гонзага, будущий супруг дочери герцога Эрколе I Изабеллы д'Эсте. Таким образом, Зал Месяцев продолжал выполнять свою репрезентативную функцию.

На рубеже XV–XVI столетий палаццо было частично реконструировано придворным архитектором Эрколе I Бьяджо Россетти, который в 1460-е гг. был подмастерьем Пьетро Бенвенуто дельи Ордини. В записи, относящейся к 1502 г., дворец назван «первым дворцом города, достойным Императора»¹⁸. Однако к концу XV в. упоминания о нем становятся все реже; так, болонский гуманист Джованни Сабадино дельи Ариенти в своем трактате *De triumphis religionis* 1497 г.¹⁹, важнейшем источнике по архитектуре и декоративному убранству дворцов Бельфьоре и Бельригардо, ни разу не упомянул палаццо Скифаноя.

В течение XVI в. дворец неоднократно менял владельцев: после смерти Эрколе I он перешел в собственность младшего сына герцога, Сиджизмондо д'Эсте, затем его хозяевами были потомки Альфонсо I. Вплоть до конца столетия на содержание дворца регулярно выделялись средства из казны²⁰. Последним представителем династии, владевшим дворцом, стала Марфиза д'Эсте, правнучатая племянница Борсо д'Эсте. После ее брака с Альдерано Чибо-Маласпина в 1580 г. дворец оставался в собственности семьи Чибо, герцогов Массы и Каррары. Однако уже с 1582 г. он сдавался в аренду: одним из его первых временных владельцев стал Джулио Тьене, маркиз Скандиано. Впоследствии именем Скандиано стали называть само палаццо и улицу, на которой оно располагалось²¹. С 1674 г. палаццо, покинутое его последними хозяевами благородного происхождения, древней феррарской семьей Ромеи, постепенно приходило в упа-

¹⁸ “Li ambasciatori del duca Valentino, duca de Romagna, fratello de la spoxa, allozòno in Schivanolgio, primo palazzo de la citade, digno de uno Imperatore, lo quale fece fare la bona memoria del duca Borso; dove niuna cosa desiderata ge manchò” (Ibid. P. 317).

¹⁹ Art and life at the Court of Ercole I d'Este: the “De Triumphis Religionis” of Giovanni Sabadino degli Arienti / Ed. by W.L. Gundersheimer. Genève, 1972.

²⁰ *Marchesi A. Delizie d'archivio. Regesti e documenti per la storia delle residenze estensi nella Ferrara del Cinquecento. T. II. Dimore urbane.* Ferrara, 2015. P. 674–705.

²¹ *Baruffaldi G. Vite de' Pittori e Scultori ferraresi scritte dall' Arciprete Girolamo Baruffaldi con annotazioni. Vol. I [1697–1722].* Ferrara, 1844. P. 69.

док. В начале XVIII в. дворец перешел в постоянную собственность семьи Тассони²², что повлекло за собой необратимые изменения в его облике. Открытая лоджия, выходящая в сад, была заложена; вскоре исчезла и внешняя парадная лестница, ведущая из сада в Зал Месяцев. В течение последующих десятилетий помещения дворца были приспособлены для нужд занимавших его частных учреждений, внутреннее убранство понесло масштабные утраты. В северо-восточном углу Зала Месяцев был сделан проход в соседнее помещение, уничтоживший значительную часть живописного слоя. По свидетельствам современников, уже в начале XVIII в. фрески Зала Месяцев были в плохом состоянии ("*lacerti e guasti*")²³. В 1736 г. помещение зала было отдано в аренду табачной фабрике, а спустя некоторое время росписи скрылись под слоем гипсовой штукатурки на долгие десятилетия.

Вполне закономерно, что на протяжении почти трех веков после смерти Эрколе I дворец и его история постепенно уходили в забвение. В текстах, написанных до 1598 г., местные хронисты изредка упоминали палаццо Скифаноя в связи с предками современных им представителей дома д'Эсте. К примеру, феррарский литератор, придворный секретарь Эрколе II д'Эсте, Джамбаттиста Джиральди Чинцио в посвященном династии д'Эсте сочинении второй половины XVI в. среди благодеяний Борсо упоминает и расширение палаццо Скифаноя²⁴. Стоит отметить, что ни в одном дошедшем до нас источнике XV–XVI вв. не встречаются имена мастеров, исполнивших росписи, что говорит даже не столько о традиции восприятия художника раннего Возрождения как ремесленника, сколько о надындивидуальности придворного искусства Феррары, имевшего основной целью прославление монарха и всей правящей династии.

В этот же период был издан главный труд эпохи Чинквеченто, посвященный итальянскому искусству предшествующего столетия, — «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари²⁵. Этот текст, первое издание которого вышло во Флоренции в 1550 г., является хронологически наиболее близким к рассматриваемому нами периоду историческим источником, пре-

²² Здание было выкуплено Коммуной Феррары у семьи Тассони лишь в 1860 г.

²³ Agnelli G., Giustiniani V. Il Museo di Schifanoja in Ferrara. Notizie. Ferrara, 1898. P. 16.

²⁴ Giraldis G. Commentario delle cose di Ferrara, et de' principi da Este. Venezia, 1597. P. 99.

²⁵ Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих [1568]. М., 2017.

тендующим одновременно и на статус критического исследования, несмотря на обилие вымышленных деталей и субъективизм автора. Полноценными сведениями о феррарских живописцах Вазари, очевидно, не обладал.

Козимо Тура, чье имя впоследствии будет прочно связываться с декорацией палаццо Скифанойя, упоминается в тексте всего единжды, в «жизнеописании» мифического Галассо Галасси. Это может быть объяснено тем обстоятельством, что Вазари, посетивший Феррару в правление Эрколе II д'Эсте (1534–1559 гг.)²⁶, интересовался, по-видимому, лишь современной ему живописью и обошел своим вниманием палаццо Скифанойя.

С переездом двора д'Эсте в Модену в 1598 г. первый, «донаучный» этап в историографии палаццо Скифанойя формально завершился. Однако в связи с тем, что феррарская живопись XV в. долгое время находилась в тени флорентийской школы, с подачи Вазари считавшейся «эталоном» искусства Кватроченто, на протяжении XVII–XVIII вв. искусство Феррары пристально не изучалось. Имена феррарских художников лишь изредка встречались в сочинениях об истории города, по-прежнему основанных на документальных свидетельствах и суждениях современников.

Основу для критического изучения искусства Феррары заложил двухтомный труд феррарского поэта и литератора, аббата Джироламо Баруффальди «Жизнеописания феррарских художников и скульпторов»²⁷, составленный в первой четверти XVIII в., где, в частности, представлены сведения о мастерах XV в. — Козимо Туре и Бальдассаре д'Эсте, с упоминанием некоторых их произведений. Это был уже настоящий свод сведений о феррарских мастерах, начиная с эпохи Раннего Возрождения, основанный отчасти на документальных свидетельствах, но в то же время остающийся в рамках биографической традиции Вазари. Баруффальди был фактически первым историком, уделившим отдельное внимание декорации Зала Месяцев до ее раскрытия и реставрации в середине XIX в. Более того, он приводит весьма подробное описание фрагмента нижнего яруса Марта с изображением Борсо д'Эсте и арочной конструкцией с надписью IVSTITIA, а также отдельных сцен придворной жизни и сельских сезонных занятий. Этот текст интересен и тем, что в нем описываются не дошедшие до нас сцены, к примеру, эпизод с крестьянином, под-

²⁶ *Burckhardt J. Il ritratto nella pittura italiana del Rinascimento* [1898]. Roma, 1993. P. 98.

²⁷ *Baruffaldi G. Vite de' Pittori e Scultori ferraresi scritte dall' Arciprete Girolamo Baruffaldi con annotazioni. Vols. I–II* [1697–1722]. Ferrara, 1844–1846.

носящим Борсо корзину черешни. Автор отмечает плохое состояние росписей и тот факт, что лишь некоторые фрагменты нижнего яруса остались неповрежденными. В то же время сохранность верхних ярусов с изображениями знаков зодиака и триумфов богов была удовлетворительной²⁸. Автором ансамбля Баруффальди с уверенностью определил Козимо Туру, заменившего, по его мнению, Пьеро дела Франческа. В действительности тосканский художник никогда не имел отношения к палаццо Скифанойя; версия Баруффальди, вероятно, была следствием неверного прочтения им текста биографии Пьеро дела Франческа в первом издании «Жизнеописаний» Вазари 1550 г., где автор сообщает, что Борсо д'Эсте поручил художнику расписать ему в *своём* (sic) дворце ряд помещений²⁹. Вазари здесь имел в виду *Palazzo di Corte*, основную резиденцию д'Эсте, которая подверглась масштабной реконструкции при Эрколе I д'Эсте. Примечательно, что во втором издании «Жизнеописаний» 1568 г. указание на принадлежность палаццо Борсо уже отсутствует.

Настоящее «открытие» искусства Кватроченто Северной Италии было связано с эпохой романтизма конца XVIII — начала XIX в., когда европейское общество, последовательно отказываясь от «классических» приоритетов, по-новому взглянуло на искусство Средневековья.

В одном из ключевых трудов этого периода, посвященном истории искусства Италии, «Истории итальянской живописи»³⁰ аббата-иезуита Луиджи Ланци, служившего хранителем музея Уффици во Флоренции, перечислены и описаны известные на тот момент памятники феррарской школы живописи XV в. Автор дает и краткую формальную характеристику некоторых произведений. Важность труда Луиджи Ланци заключается в том, что его автор первым отказывается от «биографического» метода повествования Вазари в пользу деления художественного материала по живописным школам и хронологическим периодам. Тем не менее, текст построен по принципу перечисления художников в хронологическом порядке с кратким описанием их произведений. В разделе о «первой

²⁸ *Baruffaldi G. Vite de' Pittori e Scultori ferraresi scritte dall' Arciprete Girolamo Baruffaldi con annotazioni. Vol. I [1697–1722]. Ferrara, 1844. P. 68–74.*

²⁹ «e però lavorando et in Pesero et in Ancona, venne la fama sua a le orecchie del duca Borso: il quale, chiamatolo a Ferrara, nel suo palazzo gli fece dipignere molte camere, rovinate dipoi dal duca Ercole vecchio per edificarvi a l'uso moderno» (*Vasari G. Le vite de' più eccellenti pittori, scultori e architettori. Vol. III. Firenze, 1550. P. 259.*)

³⁰ *Lanzi L. Storia pittorica della Italia, dal risorgimento delle Belle Arti fin presso al fine del XVIII. secolo. Vol. V [1795–1796]. Firenze, 1834.*

эпохе» феррарской живописи Ланци неоднократно ссылается на труд Баруффальди, очевидно, послуживший для него основным источником. С учетом того, что в конце XVIII в. автор уже не мог видеть росписи палаццо Скифанойя, он ограничивается кратким описанием их структуры, а также предполагает, что идейным источником декорации на астрологическую тематику стал зал палаццо делла Раджоне в Падуе. Характерно, что Ланци повторяет предположение Баруффальди о первоначальном заказе декорации палаццо Скифанойя Пьеро делла Франческа³¹.

В фундаментальных трудах по истории Феррары, составленных местными историками Лудовико Антонио Муратори и Антонио Фрицци, скурые упоминания о палаццо Скифанойя встречаются лишь в связи с его постройкой при Альберто V и расширением при Борсо³². Ко времени создания этих текстов в середине — второй половине XVIII в. фрески Зала Месяцев были уже недоступны для обозрения.

Научный интерес к росписям вновь возник в начале 1820-х гг. благодаря энтузиазму феррарского художника Джузеппе Сароли, обнаружившего фрагменты росписей на восточной стене Зала Месяцев. При содействии профессора Феррарского университета Луиджи Кароли и графа Франческо Авенти Сароли начал работу по раскрытию фресок. Первыми были раскрыты участки нижнего регистра северной и восточной стен зала. Работы замедлялись тем обстоятельством, что дворец по-прежнему находился в частной собственности. Тем временем в научной среде возникла полемика по поводу метода реставрации, который использовал Сароли: в процессе раскрытия росписей из-под слоя гипсовой штукатурки были полностью утрачены декорации западной и южной стен зала. Однако причиной этого был не столько дилетантизм Сароли, сколько тот факт, что они были исполнены не в традиционной технике фрески по сырой штукатурке (*a fresco*), а темперой. Лишь в 1838 г. городские власти под давлением общественности инициировали расчистку всей площади стен. Сароли был отстранен от работ, и на финальном этапе ими руководил болонский художник Алессандро Компаньони.

Реставрация такого масштабного памятника спровоцировала оживленную научную дискуссию относительно датировки и атрибу-

³¹ Ibid. P. 191.

³² *Muratori L.A. Delle antichità estensi ed italiane. Parte II. Modena, 1740. P. 225; Frizzi A. Memorie per la storia di Ferrara. Vol. III [1792]. Ferrara, 1850. P. 387. Vol. IV [1796]. Ferrara, 1848. P. 81.*

ции росписей. К 1840 г. вышло несколько статей, преимущественно описательного характера, авторы которых выдвигали различные гипотезы, ориентируясь лишь на собственный знаточеский опыт. Ситуация осложнялась тем, что к середине XIX в. в распоряжении исследователей по-прежнему не было документов, касающихся жизни и творчества феррарских мастеров Кватроченто. Основными источниками оставались труды Вазари и Баруффальди, не отличавшиеся точностью хронологических данных. Одним из первых о фресках палатцо Скифанойя написал граф Камилло Ладерки³³, чьи труды по изобразительному искусству Феррары привлекли к ней внимание европейских путешественников, для которых этот город ранее был синонимом запустения и упадка³⁴. Юрист по образованию, он первым провел комплексное исследование живописного ансамбля, опираясь на немногочисленные документы по истории дворца и собственные наблюдения. Ладерки справедливо отметил, что фрески были выполнены несколькими мастерами, выделив среди них Козимо Туру, а также Франческо дель Косса и Лоренцо Косту, который, по его мнению, расписал восточную стену Зала Месяцев³⁵. Исходя из сведений о биографии Косты, Ладерки предположил, что росписи были выполнены между 1476 и 1484 гг. по заказу Эрколе I в память о старшем брате. Эту точку зрения поддержал феррарский историк Луиджи Наполеоне Читтаделла³⁶. Однако Авенти и Сароли, руководившие реставрацией на первом этапе, считали, что росписи были выполнены при жизни Борсо, до 1471 г., аргументируя это на-

³³ В 1820-х гг. граф Камилло Ладерки (1800–1867) активно участвовал в деятельности общества карбонариев, за что был осужден и подвергнут тюремному заключению, вскоре замененному ссылкой. Впоследствии отрекся от революционных идеалов, заняв позицию рьяного защитника позиций католической церкви, что помогло ему добиться освобождения по амнистии. С 1824 г. жил и работал в Ферраре, где увлекся местной историей и культурой. С 1850 г. преподавал в Феррарском университете на кафедре гражданского права, одновременно занимая должность советника при городском трибунале.

³⁴ В 1850 г. был издан *Album Estense* — путеводитель по Ферраре на итальянском и французском языках под редакцией Антонио Фрицци, включавший описания фресок палатцо Скифанойя, составленные Камилло Ладерки, а также прорисованные изображения шести компартиментов (*Frizzi A. Album estense: con disegni originali dei rinomati artisti G. Coen, C. Grand Didier e M. Doyen. Ferrara, 1850; Laderchi C. Sopra i dipinti del Palazzo di Schifanoia in Ferrara: lettera del conte Camillo Laderchi al Marchese Pietro Estense Selvatico. Bologna, 1840; Laderchi C. La pittura ferrarese. Memorie del conte Camillo Laderchi. Ferrara, 1856*).

³⁵ *Laderchi C. La pittura ferrarese... P. 43–44.*

³⁶ *Cittadella L.N. Ricordi e documenti intorno alla vita di Cosimo Tura. Ferrara, 1866. P. 24.*

туралистичностью изображений самого герцога и его придворных³⁷. В отличие от Ладерки они полностью исключали участие в работе над декорацией Зала Лоренцо Косты, умершего в 1530 г., апеллируя, таким образом, к Джироламо Баруффальди, который считал основным исполнителем росписей Козимо Туру. Джузеппе Сароли в письме 1840 г., адресованном Камилло Ладерки, высказывал небезосновательные сомнения в компетентности графа как историка искусства³⁸. Резкий, местами даже вызывающий тон письма был спровоцирован, по-видимому, обидой Сароли на пренебрежение его мнением как первооткрывателя и реставратора памятника, а также на критику метода реставрации, повлекшую отстранение его от работ³⁹.

Открытие фресок было воспринято как событие поистине общеевропейского масштаба. Вскоре после раскрытия фресок Зала Месяцев в Феррару направились ведущие представители европейской науки. Одним из первых именитых посетителей палаццо Скифанойя был швейцарский историк Якоб Буркхардт, положивший начало культурно-исторической традиции в изучении эпохи Ренессанса своим трудом 1860 г. «Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования»⁴⁰. В нем Буркхардт уделяет значительное место феномену ренессансных тираний. Озаглавив соответствующий раздел «Государство как произведение искусства», он тем самым устанавливает взаимосвязь между государственным устройством и сферой общественной и культурной жизни. В частности, Буркхардт выделяет правление д'Эсте как самостоятельное цельное явление, при котором изобразительное искусство было одной из неотъемлемых форм прославления двора и правящей династии. Называя росписи Зала Месяцев визуальным воплощением деятельности ренессансного монарха⁴¹, автор, впрочем, не упоминает об их художественных достоинствах.

³⁷ *Avventi F.* Descrizione dei dipinti di Cosimo Turra detto Cosmè ultimamente scoperti nel Palazzo Schifanoja in Ferrara nell'anno 1840. Bologna, 1840.

³⁸ *Saroli G.* Sopra i dipinti del Palazzo di Schivanoia ed altri esistenti in Ferrara. Lettera del C.C. Giuseppe Saroli al Conte Avv. Camillo Laderchi. Ferrara, 1840.

³⁹ Примечательно, что во всех текстах, посвященных палаццо Скифанойя, К. Ладерки называл в связи с реставрацией фресок только имя болонца Алессандро Компаньони, что также задевало профессионализм феррарского художника.

⁴⁰ *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования [1860]. М., 1996.

⁴¹ Там же. С. 42.

Искусству Возрождения Якоб Буркхардт посвятил книгу «Чи-чероне: руководство по наслаждению произведениями искусства Италии» (1855)⁴², выдержанную в типичном для XIX в. жанре путеводителя с собранными воедино фактическими сведениями о памятниках и мастерах. Целый раздел книги посвящен североитальянскому искусству и, в частности, феррарской живописи. Декорацию Зала Месяцев палаццо Скифаноья Буркхардт осторожно датирует 1470-ми гг., называя в числе ее создателей Пьеро делла Франческа или его учеников, Козимо Туру и Эрколе Феррарского. Несмотря на скупое описание, Буркхардт называет росписи Зала Месяцев самым важным историко-культурным памятником своего времени, вслед за Луиджи Ланци сравнивая их с декорацией палаццо делла Раджоне в Падуе⁴³.

Развитие музейного и частного коллекционирования в течение XIX столетия, с одной стороны, затрудняло целостное восприятия феррарской школы из-за того, что памятники, которые некогда составляли единые ансамбли, теперь находились в разных собраниях. В то же время, именно независимые параллельные исследования разных представителей знаточеского метода, приоритетного для искусствознания конца XIX — начала XX в. (в первую очередь, итальянских исследователей Джованни Морелли и Джованни Баттисты Кавальказелле, а также американского искусствоведа Бернарда Бернсона), позволили установить первичные атрибуции многих живописных произведений. Так, в фундаментальном труде «История живописи Северной Италии»⁴⁴, написанном в соавторстве с англичанином Джозефом Арчером Кроу, Дж. Б. Кавальказелле посвятил феррарской живописи достаточно обширную главу. В отличие от многих поколений предыдущих исследователей, продолжавших историческую традицию «Жизнеописаний» Вазари, Дж. Б. Кавальказелле при составлении всех своих трудов опирался исключительно на эмпирический опыт. Его работа изобилует подробными описаниями и стилистическими сравнениями феррарской живописи, в частности, с творчеством Андреа Мантеньи, Пьеро делла Франческа и нидерландских художников. Приводится и весьма подробное описание и

⁴² *Burckhardt J. Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens.* Basel, 1855. Ит. *cicerone* — гид, проводник.

⁴³ *Burckhardt J. Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens* [1855]. Bd. 3. Leipzig, 1869. S. 817.

⁴⁴ *Crowe J.A., Cavalcaselle G.B. A History of Painting in North Italy, Vol. I.* London, 1871.

разбор декорации Зала Месяцев⁴⁵. В целом Кроу и Кавальказелле придерживаются версии Ладерки относительно датировок (1471–1493 гг.) и атрибуции росписей, добавляя к уже известным именам Туры, Коссы и Косты мифического Галассо Галасси и Марко Дзоппо. В отличие от предшествующих исследователей Кроу и Кавальказелле не ограничиваются перечислением имен художников, а проводят сравнительный анализ различных манер письма. Результатом применения этого метода стал вывод о том, что, несмотря на большое количество исполнителей росписи, ее структура была составлена одним мастером.

Постепенно накопление фактов, полученных путем эмпирических наблюдений, способствовало переходу к более глубокому изучению специфики феррарского искусства, хотя основными задачами исследователей на тот момент продолжали оставаться атрибуция и поиск стилистических источников феррарской живописи. Значительных успехов в этом направлении добились Адольфо Вентури и Фриц фон Харк, в 1880-х гг. проводившие исследования независимо друг от друга⁴⁶. Аби Варбург впоследствии отмечал их заслугу как «пионеров стилистической критики» в изучении знакового для феррарской школы памятника XV в.⁴⁷

Немецкому историку искусства Фрицу фон Харку, проводившему скрупулезное сравнение фресок с современными им произведениями станковой живописи, удалось установить, что росписи Зала Месяцев были выполнены между 1467 и 1471 гг. Он также определил, что автором фресок восточной стены был высококлассный художник, находившийся под влиянием живописной манеры Пьеро делла Франческа, а именно Франческо дель Косса (условно обозначенный как Мастер А). Росписи северной стены Харк разделил на участки, выполненные тремя более архаизирующими мастерами — представителями мастерской Козимо Туры (Мастер С), а также Джорджо Скьявоне (Мастер В), который, как и Тура, вышел из падуанской мастерской Франческо Скварчоне. Схема Харка исключала участие в работе Лоренцо Косты и Эрколе де Роберти.

С трудов Адольфо Вентури, одного из основоположников современной итальянской научной школы искусствознания, нача-

⁴⁵ Ibid. P. 534–538.

⁴⁶ *Harck F.* Die Fresken im Palazzo Schifanoja in Ferrara // *Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen*. Bd. 5. 1884. S. 99–127.

⁴⁷ *Bertozi M.* La tirannia degli astri. Gli affreschi astrologici di Palazzo Schifanoia [1985]. Livorno, 1999. P. 26.

лась история изучения искусства Феррары XV в. как самоценного феномена итальянского Возрождения. Метод работы А. Вентури сочетал критический подход к изобразительному материалу и архивные исследования. В течение последних полутора десятилетий XIX в. исследователь выпустил серию публикаций, посвященных различным проблемам феррарского искусства Кватроченто: «Начало художественного Возрождения в Ферраре» «Искусство Феррары времени Борсо д'Эсте», «Искусство Феррары времени Эрколе I д'Эсте» и другие⁴⁸. Эти тексты до сих пор являются отправной точкой для всех исследователей искусства Феррары XV в., при том что долгое время они оставались фактически единственными полноценными научными работами в этой области.

К заслугам Адольфо Вентури относится также открытие и публикация архивных документов, заполнивших ряд лакун в фактологической стороне истории феррарского искусства. В частности, Вентури обнаружил в Городском архиве Модены и опубликовал уже упомянутое письмо Франческо дель Косса герцогу Борсо об оплате его работы над декорацией Зала Месяцев (в статье 1885 г.). Помимо точной датировки, текст письма помог окончательно подтвердить факт участия в работах Франческо дель Косса и, соответственно, исключить имя Лоренцо Косты. В то же время Вентури не согласился с Фрицем фон Харком относительно участия в работе над фресками Джорджо Скьявоне, считая росписи северной стены исключительно работой учеников Козимо Туры. А. Вентури, систематизировав доступный изобразительный материал и соотнеся его с культурно-исторической ситуацией Феррары XV в., сделал вывод, что формирование феррарской школы живописи, т. е. некоего единого художественного языка, произошло в период правления Борсо д'Эсте⁴⁹.

Исследования Адольфо Вентури пользовались авторитетом у современников, в том числе у Джузеппе Кампори⁵⁰ и Гюстава Грюй-

⁴⁸ *Venturi A. I primordi del rinascimento artistico a Ferrara // Rivista di Storia italiana. I. 1884. P. 591–631; Idem. L'arte a Ferrara nel periodo di Borso d'Este // Rivista di Storia italiana. II. 1885. P. 689–749; Idem. L'arte ferrarese nel periodo d'Ercole I d'Este // Atti e memorie della Deputazione di Storia patria per le Province di Romagna. VI. 1888. P. 91–119, 350–422; VII. 1889. P. 368–412; Idem. Gli affreschi del Palazzo Schifanoia in Ferrara secondo recenti pubblicazioni e nuove ricerche // Atti e memorie della Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. III. 1885. P. 381–414; Idem. Les arts à la cour de Ferrare. Francesco del Cossa // L'Art. XIV. 1888; et al.*

⁴⁹ *Toffanello M. Ferrara: the Este Family (1393–1535) // Courts and Courtly Arts in Renaissance Italy: Arts and Politics in the Early Modern Age / Ed. by M. Folin. New York, 2010. P. 190.*

⁵⁰ *Campori G. I pittori degli Estensi nel secolo XV. Modena, 1886.*

ера⁵¹. Грюйер, французский историк искусства и художественный критик, в статье 1883 г.⁵² привел длинный перечень имен художников, по его мнению, участвовавших в росписи, среди которых были Микеле Онгаро (Паннонио), Эрколе де Роберти и Бальдассаре д'Эсте. Но в своей более поздней, двухтомной работе 1897 г., посвященной искусству Феррары эпохи династии д'Эсте, он присоединился к Вентури в вопросе атрибуции и датировки памятника.

Важной вехой в истории изучения палаццо Скифанойя стала музеификация памятника в 1898 г., спустя триста лет после перехода Феррары из-под власти династии д'Эсте в собственность Папского государства. Значительную роль в подготовке этого события сыграли исследования Адольфо Вентури. Первоначально новый Городской музей (*Museo Civico di Palazzo Schifanoia*) занимал двухэтажное крыло дворца, построенное при Борсо д'Эсте⁵³. В нем разместились археологические и художественные собрания, с XVIII в. занимавшие залы палаццо Парадизо. Вместе с Залом Месяцев для публики были открыты Зал Добродетелей (*Sala delle Virtù*, или *Sala degli Stucchi*) и Зал Эмблем (*Sala delle Imprese*). Фактически впервые за пять столетий своего существования дворец и его уникальные росписи стали доступны для широкой публики. Художник и реставратор Джузеппе Маццолани сделал копии фресок, что также способствовало их популяризации. Одним из учредителей проекта нового музея стал директор феррарской библиотеки Ариостеа Джузеппе Аньелли, который вместе с коллекционером, графом Винченцо Джустиниани выпустил одно из первых изданий, полностью посвященных памятнику⁵⁴. Авторы не скупилась на яркие эпитеты, называя дворец «радостным и дивным выражением Возрождения» (*“lieta e meravigliosa espressione del Rinascimento”*)⁵⁵, приводя его историю и краткое описание вместе с собственными предположениями по поводу «аллегорических фигур» Зала Месяцев. Относительно атрибуции росписей Аньелли и Джустиниани ссылаются на результаты исследований Адольфо Вентури и Фрица Харка.

⁵¹ Gruyer G. L'art ferrarais à l'époque des Princes d'Este. Vol. II. Paris, 1897; Gruyer G. Cosimo Tura (1432?-1495) // L'Art. 53. 1892.

⁵² Gruyer G. Le palais de Schifanoia à Ferrare // Revue des Deux Mondes. 01.08. 1883. P. 613-641.

⁵³ Одноэтажное крыло XIV в., будучи значительно перестроенным, долгое время оставалось в ведении различных учреждений и лишь в 1991 г. после проведенной реставрации стало частью музея.

⁵⁴ Agnelli G., Giustiniani V. Il Museo di Schifanoia in Ferrara. Notizie. Ferrara, 1898.

⁵⁵ Ibid. P. 10.

Различные варианты интерпретации росписей Зала Месяцев появились сразу же после завершения реставрации и открытия в 1840 г. семи из двенадцати компартиментов фресок. Как правило, первые исследователи ограничивались лишь упоминаниями об астрологических и философско-аллегорических мотивах и фигурах верхних ярусов росписи, больше внимания уделяя жанровым сценам в нижнем регистре с изображениями придворного быта д'Эсте, портретов Борсо и его приближенных⁵⁶. Верхние ярусы, значение которых было неясно, считались примером традиционной светской живописи позднего Средневековья и раннего Возрождения.

В 1930 г. увидела свет книга крупнейшего американского историка искусства и художественного критика первой половины XX в. Бернарда Бернсона «Живописцы итальянского Возрождения»⁵⁷, обобщающая его работы рубежа XIX–XX вв., среди которых «Североитальянские художники Ренессанса»⁵⁸. Автор особо отмечал уникальность изобразительного языка феррарской живописи XV в., в частности, в отношении стиля Козимо Туры ученый применил меткую характеристику «осязательные ценности» (англ. *“tactile values”*), видя в нем истоки гармонии, присущей произведениям Рафаэля и Корреджо. Бернсон первым ограничил живопись Феррары раннего Возрождения творчеством трех первостепенных мастеров — Козимо Туры, Франческо дель Коссы и Эрколе де Роберти. Краткое упоминание о росписях палаццо Скифанойя служит у него лишь иллюстрацией к рассказу о сюжетном репертуаре и самобытной стилистике Франческо дель Косса. Очевидно, что автор был уверен в выводах Адольфо Вентури и не ставил перед собой цели заново атрибутировать фрески или расшифровывать их программу.

Однако именно уникальная программа живописного ансамбля способствовала широкой известности палаццо Скифанойя. В 1912 г. в Риме на Десятом международном конгрессе по истории искусства немецким ученым Аби Варбургом был прочитан доклад, посвященный новой трактовке фресок Зала Месяцев⁵⁹. Интерес к росписям возник

⁵⁶ *Burckhardt J.* Il ritratto nella pittura italiana del Rinascimento [1898]. Roma, 1993. P. 99.

⁵⁷ *Бернсон Б.* Живописцы итальянского Возрождения [1930]. М., 1965.

⁵⁸ *Berenson B.* North Italian Painters of the Renaissance. New York, 1907.

⁵⁹ *Warburg A.* Italienische Kunst und internationale Astrologie in Palazzo Schifanoia zu Ferrara // Atti del X Congresso di Storia dell'Arte in Roma, 1922, P. 179–193; *Warburg A.* Gesammelte Schriften / Herausg. von G. Bing. Vol. II. Leipzig; Berlin, 1932. P. 465–481. Русское издание: *Варбург А.* Итальянское искусство и мировая астрология в палаццо Скифанойя [1912–1922] // Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб., 2008.

у Варбурга благодаря статьям Фрица Харка и Адольфо Вентури, однако его поездка в Феррару состоялась лишь в 1910 г.⁶⁰ Анализируя систему росписи, ученый пришел к выводу, что таинственные фигуры в среднем ярусе — это изображения так называемых «деканов», согласно восточной астрологической традиции — покровителей декад каждого из двенадцати месяцев года. Таким образом, декорация палатцо Скифанойя, прежде считавшаяся традиционным живописным календарным циклом, предстала наглядной демонстрацией синтеза античной, восточной и европейской культур.

Аби Варбург, предложивший научному сообществу в своем докладе новый метод — иконологический анализ, выступал за расширение исследовательского пространства, прежде ограниченного относительно узкими рамками формально-стилистического анализа конкретного произведения. Он разработал новую концепцию исследования, цели и методы которой характеризовались широким охватом идей и обращением к ряду смежных дисциплин гуманитарного знания, в частности, психологии. А. Варбург утверждал наличие особой культурной памяти человечества, которая проявляется в изобразительной сфере посредством определенных, наследуемых временем форм. Как и Адольфо Вентури, он считал необходимым обращение к архивным материалам, позволяющим воссоздать культурно-историческую ситуацию эпохи. Работы А. Вентури и А. Варбурга, общавшихся между собой в рамках подготовки Конгресса, последовательно преодолевали формализм и «крайний эмпиризм»⁶¹, которые превалировали в науке об искусстве в конце XIX в. Впрочем, Варбург обратил внимание и на особый стиль фресок палатцо Скифанойя: он охарактеризовал их как «своего рода переходный тип от интернационального искусства Средневековья к итальянскому Ренессансу»⁶². Неординарное содержание фресок, вбирающее в себя средневековые и ренессансные традиции, напрямую соотносится и с формально-стилистическим способом их выражения. Так никогда не входивший в когорту признанных «шедевров» искусства Ренессанса феррарский памятник стал экспериментальным полем для открытия неизвестных прежде аспектов искусства и культуры Возрождения.

⁶⁰ Il Cosmo incantato di Schifanoia. Aby Warburg e la storia delle immagini astrologiche. Guida alla mostra / A cura di C. Fratucello e C. Knorr. Ferrara, 1998. P. 8.

⁶¹ Дажина В.Д. Эрвин Панофский и его книга «Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада» // Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада [1960]. СПб., 2006. С. 7.

⁶² Варбург А. Итальянское искусство и мировая астрология... С. 198.

Работа Аби Варбурга в силу новизны используемого метода стала краеугольным камнем, на котором базировались почти все последующие исследования живописи палаццо Скифанойя. Но важно и то, что исследование А. Варбурга обратило внимание научного сообщества на ценность и значимость фресок палаццо Скифанойя, а затем и всего искусства Феррары для эпохи Возрождения. Несмотря на появление ряда работ сугубо описательного характера⁶³, вплоть до 1970-х гг. доклад Варбурга оставался основным исследованием по иконографии и иконологии фресок, в особенности их астрологических сюжетов.

В 1933 г. в феррарском палаццо Диаманти прошла масштабная выставка-ретроспектива искусства Феррары XIV–XVI вв., организованная Нино Барбантини⁶⁴. Реакцией на нее стал вышедший через год монументальный труд Роберто Лонги «Феррарская мастерская» (*“Officina ferrarese”*)⁶⁵. Эта книга была одновременно критической рецензией на прошедшую выставку и первым комплексным исследованием феррарской школы живописи как цельного художественного явления. В отличие от Адольфо Вентури, Роберто Лонги не связывал памятники живописи с тем или иным периодом в истории Феррары, предпочитая проследживать пути развития стиля. Будучи художественным критиком и блестящим знатоком ренессансной живописи, Р. Лонги дал собственные атрибуции многим работам, представленным на выставке и вне ее, привлекая большой объем сравнительного материала. Жермен Базен характеризует метод Р. Лонги как «атрибуцию тех или иных работ по морфологическим и стилистическим критериям»⁶⁶. Разумеется, Лонги не обошел своим вниманием и росписи Зала Месяцев палаццо Скифанойя. Однако он не ставил перед собой задачу дать комплексную характеристику ансамбля, считая его «давно изученным»; отдельные фрагменты фресок он использовал для иллюстрации размышлений о Франческо дель Косса или малых феррарских мастерах. Тем не менее, Лонги внес

⁶³ *Bargellesi G.* Palazzo Schifanoia: gli affreschi nel “Salone dei Mesi” in Ferrara. Bergamo, 1945; *D’Ancona P.* I mesi di Schifanoia in Ferrara. Milano, 1954.

⁶⁴ *Catalogo della esposizione della pittura ferrarese del Rinascimento / A cura di N. Barbantini.* Venezia, 1933.

⁶⁵ *Longhi R.* *Officina Ferrarese [1934] seguita dagli Ampliamenti 1940 e dai Nuovi ampliamenti 1940–1955.* Firenze, 1956 (Edizione delle opere complete di Roberto Longhi. Vol. V). Русское издание: *Лонги Р.* Феррарская школа живописи // От Чимабуэ до Моранди. М., 1984. С. 130–212.

⁶⁶ *Базен Ж.* История истории искусства от Вазари до наших дней [1986]. М., 1995. С. 186.

вклад в изучение памятника, заметив, что дробность росписей северной стены Зала Месяцев обусловлена влиянием искусства книжной миниатюры. Впоследствии это направление исследования развивал итальянский искусствовед Марио Сальми⁶⁷. Также Лонги выдвинул устойчивую впоследствии гипотезу о том, что фреска Сентябрь была одной из первых самостоятельных работ Эрколе де Роберти.

В последние десятилетия наука занимается углубленным рассмотрением частных проблем и аспектов декорации палаццо Скифанойя, причем они не всегда касаются исключительно художественного анализа. К примеру, Стефания Мачоче, проведя сопоставление декорации палаццо Скифанойя и текста эпической поэмы Тито Веспасиано Строцци «Борсиада»⁶⁸, подтвердила тезис о тесной связи изобразительного искусства и литературы в ренессансной Ферраре. Действительно, развитие классической литературной культуры, начавшееся с приезда в Феррару Гуарино да Верона в 1429 г., сыграло ключевую роль в становлении феррарского Ренессанса. С этого момента все без исключения синьоры Феррары рассматривали творчество придворных гуманистов как средство прославления и всей династии, и собственного правления. Борсо д'Эсте, часто представляемый в научной литературе противником гуманизма и классической образованности, также понимал значение нового искусства для политики и высоко оценивал труды Тито Веспасиано Строцци — придворного поэта и ученика Гуарино да Верона.

В 1965 г. началась комплексная реставрация памятника, продлившаяся почти десятилетие⁶⁹. В ходе нее фрески северной стены были сняты с основы для проведения более углубленного исследования, которое показало, что исполнявшие их живописцы пользовались синопиями. Эти исследования сделали возможным публикацию фундаментальных изданий, посвященных палаццо Скифанойя⁷⁰, где акцент переносится с формально-стилистического анализа, сопутствовавшего атрибуции отдельных фрагментов росписи Зала Месяцев, на воссоздание цельной структуры декорации и на исследование некоторых узкоспециальных иконографических

⁶⁷ *Salmi M.* Pittura e miniatura a Ferrara nel primo Rinascimento. Milano, 1961.

⁶⁸ *Macioce S.* La “Borsiade” di Tito Vespasiano Strozzi e la “sala dei mesi” di palazzo Schifanoia // *Annuario dell’ Istituto di storia dell’arte dell’ università di Roma La Sapienza.* 2. 1982–1983. P. 3–13.

⁶⁹ *Art and Life at the Court of Ercole I d’Este...* P. 17.

⁷⁰ *Atlante di Schifanoia / A cura di R. Varese.* Modena, 1989; *Il Palazzo Schifanoia a Ferrara / A cura di S. Settis e W. Cupperi.* Modena, 2007.

и иконологических вопросов⁷¹. В «Атласе Скифанойя», вышедшем в 1989 г., собраны статьи авторитетных исследователей, среди которых можно выделить имена Р. Варезе, Ч. Розенберга, К. Чьери Виа, С. Мачоче, посвященные широкому кругу методологических проблем — иконологии, иконографическому репертуару, культурологическим аспектам, особенностям реставрации памятника. Отдельного внимания заслуживает статья К. Липпинкотт об атрибуции фресок Зала Месяцев⁷², где фактически впервые были рассмотрены в одном контексте существующие точки зрения относительно авторства росписей северной стены. Исследователь делает вывод, что перед художниками стояла четкая задача следовать определенным иконографическим схемам, что крайне затрудняет для нас поиски их творческой индивидуальности.

Помимо атрибуционных штудий в современной историографии активно развивается «варбургянская» линия, т. е. исследования по интерпретации астрологических мотивов. Этой проблеме посвящены работы Марко Бертоцци, который продолжает расшифровку среднего яруса «деканов». Его труд «Тирания звезд» (1985) представляет детальное описание и толкование каждого из сохранившихся изображений деканов Зала Месяцев⁷³. На основе значительного числа литературных и изобразительных источников эпохи Средних веков автор выстраивает иконографические цепочки, впрочем, не всегда стремясь вслед за А. Варбургом проследить процесс «миграции образов». В 1998 г. в честь столетия музея в палаццо Скифанойя были организованы тематическая выставка и конференция, посвященные росписям Зала Месяцев как памятнику ренессансной астрологической мысли⁷⁴.

В последние годы наблюдается возвращение к «историческому» подходу, применявшемуся А. Вентури: масштабная выставка 2007–2008 гг. «Искусство Феррары времени Борсо д'Эсте»⁷⁵ была посвящена яркому периоду в истории герцогства, на который, со-

⁷¹ *Cieri Via C. I trionfi, il mito e l'amore: la fascia superiore dei Mesi negli affreschi di Palazzo Schifanoia // Atlante di Schifanoia / A cura di R. Varese. Modena, 1989. P. 37–55.*

⁷² *Lippincott K. Gli affreschi del Salone dei Mesi e il problema dell'attribuzione // Atlante di Schifanoia. P. 111–135.*

⁷³ *Bertozzi M. La tirannia degli astri. Gli affreschi astrologici di Palazzo Schifanoia [1985]. Livorno, 1999.*

⁷⁴ *Il Cosmo incantato di Schifanoia. Aby Warburg e la storia delle immagini astrologiche.*

⁷⁵ *Cosmè Tura e Francesco del Cossa. L'arte a Ferrara nell'età di Borso d'Este / A cura di M. Natale. Ferrara, 2007.*

гласно Вентури, пришелся расцвет самобытного «придворного» художественного языка. Экспозиция, включившая предметы живописи, скульптуры, книжной миниатюры и декоративно-прикладного искусства, позволила представить особенности художественной среды Феррары, несомненно повлиявшие на ансамбль Зала Месяцев. Статьи каталога выставки посвящены локальным проблемам изучения памятника, к примеру, реставрации фресок или роли художника Бальдассаре д'Эсте в декорации Зала Месяцев⁷⁶. Кураторы выставки предложили ряд собственных атрибуций в отношении как произведений станковой живописи Феррары, так и росписей Зала Месяцев. Так, в очередной раз был поставлен под сомнение факт участия в проекте декорации Козимо Туры.

Вслед за европейской наукой отечественная историография не могла обойти вниманием новооткрытые памятники. Ввиду сравнительно позднего обращения западной науки к искусству Феррары эпохи Кватроченто, интерес представителей отечественного искусствознания, пребывавшего в начале XX в. в стадии становления, был своевременным и обоснованным. Один из самых талантливых русских историков искусства того времени, А.Н. Бенуа посвятил феррарским живописцам небольшой очерк в «Истории живописи всех времен и народов»⁷⁷ 1912 г., демонстрирующий не слишком глубокое знакомство автора с местной школой живописи. Наиболее вероятно, что информационной базой для ученого послужили современные западные исследования. А.Н. Бенуа назвал декорации палатцо Скифаноя «прекрасными», при этом не удержавшись и от весьма вольных характеристик, что, впрочем, свойственно эссеистической стилистике всей работы: «колючий и жесткий пейзаж», «смесь приветливости с кошмарностью».

Лаконичное, но емкое описание особенностей искусства и культуры ренессансной Феррары представлено П.П. Муратовым в книге «Образы Италии», частью которой является историко-художественный очерк, посвященный Ферраре и ее художникам. Автор стремился донести до читателя собственные эмоции и впечатления. Так, он с сожалением отмечал, что «произведения Туры, к несчастью, так же редки, как произведения Коссы»⁷⁸. Вполне вероятно, что П.П. Муратов видел фрески Зала Месяцев, однако не претендовал на полемику с Вентури, чью точку зрения привел в своем тексте.

⁷⁶ *Sassu G. Verso e oltre Schifanoia // Cosmè Tura e Francesco del Cossa. P. 415–425.*

⁷⁷ *Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. Т. 1. СПб., 1912.*

⁷⁸ *Муратов П.П. Образы Италии [1911–1912]. М., 2005. С. 60.*

Следующий этап обращения отечественной науки к искусству и культуре Феррары был связан с именем одного из крупнейших советских историков искусства, специализировавшегося на итальянском Возрождении, В.Н. Лазарева. Ему удалось создать методологию изучения искусства Ренессанса, в основе которой лежала устойчивая периодизация эпохи. В очерке о Козимо Туре, который вошел в авторский сборник 1972 г. «Старые итальянские мастера»⁷⁹, В.Н. Лазарев продолжил методологическую линию П.П. Муратова и Б. Бернсона как художественных критиков, но в то же время сделал акцент на особом положении Туры в искусстве раннего Возрождения как «переходного» мастера, сочетавшего готические и ренессансные тенденции. Анализ произведений Туры обрамляется выразительным повествованием о культуре феррарского двора д'Эсте. К сожалению, автор приводит лишь краткое описание структуры росписей Зала Месяцев, которое служит иллюстрацией к рассказу об увлечении астрологией в придворных кругах.

Один из ведущих советских исследователей итальянского Возрождения, И.Е. Данилова в книге «Итальянская монументальная живопись. Раннее Возрождение»⁸⁰ проводит параллели между светской декорацией XIV — начала XV в. и росписями палаццо Скифанойя, называя их «далеким отголоском» светской придворной готической живописи, свойственной искусству северных регионов Италии в эпоху Кватроченто.

Современный этап изучения росписей Зала Месяцев предполагает их анализ в контексте комплексных исследований, посвященных культуре ренессансной Феррары и двора д'Эсте.

Таким образом, на протяжении нескольких столетий дворец Скифанойя и его росписи привлекали внимание современников своим масштабом, высоким уровнем исполнения и загадочным содержанием. В наши дни палаццо — по-прежнему актуальный в научном отношении памятник, представляющий неисчерпаемый источник сведений об искусстве и культуре Феррары XV в. Его открытие в первой половине XIX столетия, в эпоху зарождения истории искусства как научной дисциплины, сыграло значительную роль в процессе обращения общественного сознания к главной эпохе в истории Феррары — Ренессансу. Развитие научной мысли способствовало изучению всё новых аспектов монументальной декорации Зала Месяцев. Именно анализ этого уникального ансамбля

⁷⁹ Лазарев В.Н. Старые итальянские мастера. М., 1972.

⁸⁰ Данилова И.Е. Итальянская монументальная живопись. Раннее Возрождение. М., 1970.

позволил создать «фундамент», на котором основаны современные представления о феррарской школе живописи XV в. Разнообразие рассмотренных методологических подходов подтверждает важность росписей палаццо Скифаноия как одного из самых сложных циклов монументальных декораций Раннего Возрождения.

References

Agnelli G., Giustiniani V. *Il Museo di Schifanoja in Ferrara*. Notizie. Ferrara: Premiata Tipografia Sociale, 1898. 67 p.

Art and Life at the Court of Ercole I d'Este: the "De Triumphis Religionis" of Giovanni Sabadino degli Arienti / Ed. by W.L. Gundersheimer. Genève: Droz, 1972. 119 p.

Atlante di Schifanoia / A cura di R. Varese. Modena: Panini, 1989. 481 p.

Avventi F. *Descrizione dei dipinti di Cosimo Turra detto Cosmè ultimamente scoperti nel Palazzo Schifanoja in Ferrara nell'anno 1840*. Bologna: Marsigli, 1840. 27 p.

Bargellesi G. *Palazzo Schifanoia: gli affreschi nel "Salone dei Mesi" in Ferrara*. Bergamo: Istituto Italiano d'Arti Grafiche, 1945. 22 p.

Bazin G. *Istoriya istorii iskusstva ot Vazari do nashikh dney* [Histoire de l'histoire de l'art: de Vasari à nos jours, 1986]. Moscow: Progress-Kul'tura, 1995. 524 p.

Benua A.N. *Istoriya zhivopisi vseh vremen i narodov* [The History of Painting of All Times and Peoples]. Vol. 1. Saint Petersburg: Shipovnik, 1912. 542 p.

Berenson B. *North Italian Painters of the Renaissance*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1907. 341 p.

Bernson B. *Zhivopistsy ital'yanskogo Vozrozhdeniya* [The Italian Painters of the Renaissance, 1930]. Moscow: Iskusstvo, 1965. 436 p.

Bertozzi M. *La tirannia degli astri. Gli affreschi astrologici di Palazzo Schifanoia* [1985]. Livorno: Sillabe, 1999. 143 p.

Brown R.G. *The Politics of Magnificence in Ferrara, 1450–1505. A Study in Socio-Political Implications of Renaissance Spectacle*. PhD diss. University of Edinburgh, 1982. 665 p.

Burckhardt J. *Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens*. Basel: Schweighauserische Verlagsbuchhandlung, 1855. 1112 p.

Burckhardt J. *Il ritratto nella pittura italiana del Rinascimento* [1898]. Roma: Bulzoni, 1993. 361 p.

Burckhardt J. *Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii. Opyt issledovaniya* [Die Kultur der Renaissance in Italien, 1860]. Moscow: Yurist, 1996. 591 p.

Campori G. *I pittori degli Estensi nel secolo XV*. Modena, 1886. 85 p.

Cittadella L.N. *Ricordi e documenti intorno alla vita di Cosimo Tura*. Ferrara: Domenico Taddei, 1866. 29 p.

Cosmè Tura e Francesco del Cossa. L'arte a Ferrara nell'età di Borso d'Este / A cura di M. Natale. Ferrara: Ferrara Arte, 2007. 527 p.

Courts and Courtly Arts in Renaissance Italy: Arts and Politics in the Early Modern Age / Ed. by M. Folin. New York: Antique Collector's Club, 2010. 444 p.

- Crowe J.A., Cavalcaselle G.B. *A History of Painting in North Italy*. Vol. I. London: John Murray, 1871. 603 p.
- D'Ancona P. *I mesi di Schifanoia in Ferrara*. Milano: Ed. del Milione, 1954. 103 p.
- Danilova I.E. *Ital'yanskaya monumental'naya zhivopis'. Ranneye Vozrozhdeniye* [Italian Monumental Painting. Early Renaissance]. Moscow: Iskusstvo, 1970. 448 p.
- Dazhina V.D. *Ervin Panofskiy i yego kniga "Renessans i 'renessansy' v iskusstve Zapada"* [Erwin Panofsky and his book "Renaissance and Resuscitations in Western Art"] // Panofsky E. *Renessans i "renessansy" v iskusstve Zapada* [1960]. Saint Petersburg: Azbuka–klassika, 2006, pp. 7–44.
- Emilia Romagna rinascimentale* / A cura di F. Lollini e M. Pigozzi. Milano: Jaca book, 2007. 323 p.
- Franceschini A. *Artisti a Ferrara in età umanistica e rinascimentale. Testimonianze archivistiche*. Parte I dal 1341 al 1471. Ferrara: Corbo, 1993. 656 p.
- Frizzi A. *Album estense: con disegni originali dei rinomati artisti G. Coen, C. Grand Didier e M. Doyen*. Ferrara: Servadio, 1850. 175 p.
- Golovin V.P. *Mir khudozhnika rannego ital'yanskogo Vozrozhdeniya* [The World of the Artist of the Early Italian Renaissance]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2003. 285 p.
- Gruyer G. *L'art ferrarais à l'époque des Princes d'Este*. Vol. II. Paris: Plon, 1897. 676 p.
- Harck F. *Die Fresken im Palazzo Schifanoia in Ferrara // Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen*. Bd. 5. 1884, S. 99–127.
- Il Cosmo incantato di Schifanoia. Aby Warburg e la storia delle immagini astrologiche. Guida alla mostra* / A cura di C. Fratucello, C. Knorr. Ferrara: Istituto di Studi Rinascimentali, 1998. 79 p.
- Il Palazzo Schifanoia a Ferrara* / A cura di S. Settis, W. Cupperi. Vol. I, 311 p.; Vol. II, 356 p. Modena: Panini, 2007.
- Laderchi C. *La pittura ferrarese. Memorie del conte Camillo Laderchi*. Ferrara: Servadio, 1856. 186 p.
- Laderchi C. *Sopra i dipinti del Palazzo di Schifanoia in Ferrara: lettera del conte Camillo Laderchi al Marchese Pietro Estense Selvatico*. Bologna: Tipografia della Volpe, 1840. 49 p.
- Lanzi L. *Storia pittorica della Italia, dal risorgimento delle Belle Arti fin presso al fine del XVIII secolo*. Vol. V [1795–1796]. Firenze: Luigi Piazzini, 1834. 330 p.
- Lazarev V.N. *Staryye ital'yanskiye mastera* [Italian Old Masters]. Moscow: Iskusstvo, 1972. 662 p.
- Lesychyn L.A. *The Magnificence of Borso and Ercole d'Este. A thesis submitted to the School of Graduate Studies in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree Master of Arts*. Hamilton: McMaster University, 1981. 126 p.
- Longhi R. *Ferrarskaya shkola zhivopisi* [Officina Ferrarese] // Longhi R. *Ot Chimabue do Morandi* [Da Cimabue a Morandi, 1978]. Moscow: Raduga, 1984, pp. 130–212.
- Longhi R. *Officina Ferrarese [1934] seguita dagli Ampliamenti 1940 e dai Nuovi ampliamenti 1940–1955*. Firenze: Sansoni, 1956 (Ed. delle opere complete di Roberto Longhi. Vol. V). 271 p.

Macioce S. *La "Borsiade" di Tito Vespasiano Strozzi e la "sala dei mesi" di palazzo Schifanoia // Annuario dell' Istituto di storia dell'arte dell' università di Roma La Sapienza*. 2. 1982–1983, pp. 3–13.

Marchesi A. *Delizie d'archivio. Regesti e documenti per la storia delle residenze estensi nella Ferrara del Cinquecento*. T. II. Dimore urbane. Ferrara: leImmagini ed., 2015. 865 p.

Muratori L.A. *Delle antichità estensi ed italiane*. P. II. Modena: Stamperia Ducale, 1740. 736 p.

Muratov P.P. *Obrazy Italii [1911–1912] [Images of Italy]*. Moscow: Svarog i K, 2005. 463 p.

Salmi M. *Pittura e miniatura a Ferrara nel primo Rinascimento*. Milano: Silvana, 1961. 207 p.

Saroli G. *Sopra i dipinti del Palazzo di Schivanoia ed altri esistenti in Ferrara*. Lettera del C.C. Giuseppe Saroli al Conte Avv. Camillo Laderchi. Ferrara: Negri, 1840. 14 p.

Tuohy T. *Herculean Ferrara: Ercole d'Este (1471–1505) and the Invention of a Ducal Capital*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 534 p.

Venturi A. *Ein Brief des Francesco del Cossa // Der Kunstfreund*. IX. 1885, S. 129–134.

Venturi A. *Gli affreschi del Palazzo Schifanoia in Ferrara secondo recenti pubblicazioni e nuove ricerche // Atti e memorie della Regia Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna*. III. 1885, pp. 381–414.

Venturi A. *I primordi del rinascimento artistico a Ferrara // Rivista di Storia italiana*. I. 1884, pp. 591–631; II. 1885, pp. 689–749.

Venturi A. *L'arte ferrarese nel periodo d'Ercole I d'Este // Atti e memorie della Deputazione di Storia patria per le Province di Romagna*. VI. 1888, pp. 91–119, 350–422; VII. 1889, pp. 368–412.

Warburg A. *Gesammelte Schriften / Herausg. von G. Bing*. Vol. II. Leipzig; Berlin: Teubner, 1932, 509 p.

Warburg A. *Italianische Kunst und internationale Astrologie in Palazzo Schifanoia zu Ferrara // Atti del X Congresso di Storia dell'Arte in Roma*. Roma: s. l, 1922, pp. 179–193.

Warburg A. *Ital'yanskoye iskusstvo i mirovaya astrologiya v palatstso Skifanoyya [Italian Art and International Astrology in the Palazzo Schifanoia, 1912–1922] // Velikoye pereseleniye obrazov. Issledovaniye po istorii i psikhologii vozrozhdeniya antichnosti [The Great Migration of Images. A Study on the History and Psychology of the Revival of Antiquity]*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2008, pp. 191–226.

Поступила в редакцию
16 января 2019 г.

**И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО: ЧЕЛОВЕК. УЧЕНЫЙ. ПРОФЕССОР.
НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

**I.D. KOVALCHENKO: MAN. SCIENTIST. PROFESSOR
SCIENTIFIC READINGS, DEDICATED TO THE 95TH ANIVERSARY**

Научные чтения памяти академика И.Д. Ковальченко (1923–1995) проводятся на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова регулярно, раз в пять лет. Значительный вклад академика в историческую науку, в развитие методологии, источниковедения, историографии, количественной истории признан мировым научным сообществом. На мемориальной конференции, прошедшей уже в шестой раз, традиционно обсуждались состояние разработки и перспективы развития научных направлений, которые находились в сфере научных интересов И.Д. Ковальченко. Она состоялась 3 декабря 2018 г. на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В ее организации, наряду с историческим факультетом МГУ, участвовало также Отделение историко-филологических наук РАН.

Имя И.Д. Ковальченко как ученого прочно закрепилось в отечественной исторической науке. Он был заслуженным профессором Московского университета, действительным членом Академии наук СССР (с 1991 г. — РАН), тридцать лет заведовал кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ (1966–1995), возглавлял в качестве академика-секретаря Отделение истории Академии наук (1988–1995). В 1989 г. ему была присуждена Государственная премия СССР за монографию «Методы исторического исследования». Он был признанным специалистом по экономической истории России XIX — начала XX в., внес значительный вклад в развитие источниковедения, историографии, методологии истории. И.Д. Ковальченко был основоположником нескольких направлений в исторической науке, в том числе отечественной школы количественной истории. Его научная школа принесла и продолжает приносить огромные плоды. Его работы не потеряли актуальности и сегодня, они активно используются в учебном процессе. Его ученики сегодня продолжают и развивают дело учителя в стенах Московского университета, академических научных институтов, многих вузов нашей страны и зарубежных стран. Так, накануне юбилея в Киргизском национальном университете

имени Ж. Баласагына был организован круглый стол «Проблемы современных исторических исследований», посвященный его памяти.

И.Д. Ковальченко был достойным человеком и гражданином, истинным патриотом своей Родины. Он участвовал в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, представлял свою страну в международных научных дискуссиях, был награжден государственными наградами за ратный подвиг и за доблестный труд.

В ходе конференции были заслушаны и обсуждены доклады, развивающие идеи И.Д. Ковальченко в рамках направлений исторической науки, связанных с основными научными интересами ученого.

На **пленарном заседании** выступили известные ученые, которые поделились своими воспоминаниями о совместной работе и общении с И.Д. Ковальченко.

Со вступительным словом выступил бессменный председатель Организационного комитета всех чтений памяти И.Д. Ковальченко, президент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН **С.П. Карпов**. Он подчеркнул, что символом достойного учебного заведения является память ученых, которые работали в нем. По этой причине данные Чтения проводятся именно в стенах МГУ, где И.Д. Ковальченко заведовал кафедрой источниковедения, которой он дал новый импульс для дальнейшего развития, много сделал он и для кафедры исторической информатики, поскольку именно по его инициативе в Академии наук, а затем в МГУ была создана группа, которая занималась изучением этих проблем и переросла в кафедру. Иван Дмитриевич Ковальченко — это один из звездных представителей исторической науки, образец для всех поколений. Та закалка, которую Иван Дмитриевич получил на войне, помогала ему всю последующую жизнь. «Научный инкубатор», сложившийся вокруг И.Д. Ковальченко, позволял сформировать научную личность. Его работа по методологии истории, которая до сих пор является учебником для всех наших студентов, это классический труд. И.Д. Ковальченко заложил прочный фундамент, на этом фундаменте надо строить, надо развивать его идеи.

С.П. Карпов поделился воспоминаниями об учебе в семинаре под руководством Ивана Дмитриевича: преподаватель тщательнейшим образом прослеживал и обращал внимание студентов на то, как историографическое произведение сочетается с источниками. Это была хорошая школа источниковедения, причем Иван Дмитриевич позволял себе критиковать кое-какие устоявшиеся трактовки источников. Академик С.П. Карпов отметил, что пока память о таких ученых жива, жива и сама историческая традиция.

В своем приветственном слове председатель Программного комитета чтений, и.о. декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАО, профессор **Л.С. Белоусов** отметил, что среди известных людей, закончивших исторический факультет МГУ, много талантливых ученых, преподавателей, выдающихся исследователей. Однако лишь единицы стали настоящими титанами исторической науки. По воспоминаниям Л.С. Белоусова, который, обучаясь на историческом факультете, слушал лекции профессора, И.Д. Ковальченко был блестящим лектором, прекрасно «держал зал» и сразу объяснил, что через его экзамен просто так не проскочишь, придется очень интенсивно готовиться. Студент Белоусов в ходе экзамена вступил с профессором в полемику по проблеме альтернативности в истории. Преподаватель, человек с мировым именем, профессор, пригласил студента продолжить дискуссию после экзамена. С того момента, отметил докладчик, он проникся глубочайшим уважением к Ивану Дмитриевичу, хотя правоту и масштаб его мысли понял только спустя несколько лет, когда работал в итальянских архивах с большой базой данных, для изучения которых необходимо было использовать новые подходы, новые методы.

Сегодня, считает Л.С. Белоусов, можно с уверенностью сказать, что идеи И.Д. Ковальченко были революционными. Он умел слышать и слушать оппонентов, готов был критично взглянуть на собственные доводы, в том числе и при осмыслении кризиса методологии, главную причину которого он видел в том, что разные методологии претендуют на абсолютную монополию в исторической науке, убедительно доказывал, что подобная монополия априори не может существовать. Наследие его живет, на факультете есть две мощные кафедры, которые продолжают дело известного ученого. Л.С. Белоусов выразил надежду, что и к 100-летию академика И.Д. Ковальченко будет организована масштабная конференция.

В своем выступлении академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН **В.А. Тишков** рассказал об Иване Дмитриевиче Ковальченко как об историке, профессоре Московского университета, о его роли в академической среде. По мнению В.А. Тишкова, историческая наука для И.Д. Ковальченко всегда была на первом месте. Он был университетским человеком, умел вести занятия, любил кафедру, своих студентов. По свидетельству выступавшего, часто сопровождавшего академика в качестве непрофессионального переводчика, его лекции имели большой успех и за рубежом. Любовь И.Д. Ковальченко к своим ученикам, к своему

делу преподала окружающим большой жизненный урок: если мы не растим преемников, у нас нет будущего. В.А. Тишков подчеркнул, что в наши дни — это очень важный вопрос, поскольку подготовка профессиональных историков в стране на данный момент оставляет желать лучшего. Он отметил важность того факта, что МГУ продолжает традицию классических факультетов и поддерживает их возрождение. В этом важном деле обе организации — МГУ и Отделение Академии наук — должны объединиться.

Выступавший рассказал и о совместной работе с И.Д. Ковальченко, когда тот был руководителем Отделения истории Академии наук. У них сложился хороший коллектив, в том числе и когда была создана подкомиссия вместе с американскими учеными по разработке количественных методов в историческом исследовании, где выступавший выполнял функции секретаря. В.А. Тишков отметил, что в подкомиссии царил очень доброжелательная атмосфера, несмотря на холодную войну между государствами. И результатом продуктивной работы стал ряд семинаров. По мнению В.А. Тишкова, это еще один урок, который преподавал нам академик: надо всегда сохранять научный диалог с коллегами из развитых национальных историографических школ.

Академик остановился на важном вопросе, давно обсуждаемом в историческом сообществе, — необходимости создания своей ассоциации, которой историки до сих пор не имеют, в отличие от социологов, политологов и др. Частым явлением в современной литературе, считает В.А. Тишков, стали ситуации, когда какие-то события выставляются исключительно в выгодном свете, «за правду» берутся только подходящие факты из истории. Нужна профессиональная ассоциация историков, которую можно было бы организовать, например к 100-летию юбилею академика И.Д. Ковальченко. Официальный съезд историков — тот форум, который мог бы обсудить назревшие проблемы: обеспечение стандартов обучения, тему плагиата, ситуацию с пренебрежением исторической наукой, исторической истиной.

В своем выступлении президент РГГУ, заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН **Е.И. Пивовар** поделился воспоминаниями о И.Д. Ковальченко. Знакомство с ним состоялось, когда Е.И. Пивовар был студентом, и появился проект направить нескольких студентов-историков на механико-математический факультет, чтобы они получали сразу два образования. Это было связано с началом активного использования количественных

методов в исторических исследованиях, у истоков которого стоял И.Д. Ковальченко. Но идея эта не была реализована.

Следующий этап их взаимоотношений был связан с совместной работой в журнале «История СССР». Тот период, когда И.Д. Ковальченко руководил журналом, по мнению Е.И. Пивовара, был выдающимся в его истории. Журнал был очень влиятельным, он был центром мыслительной деятельности, вокруг которого группировался исторический актив всей страны. Е.И. Пивовар вспоминает, что Ивану Дмитриевичу несомненно было трудно, он был поглощен мыслями о том, как совместить то, что от него хотят «наверху», с тем, что он считает нужным делать сам. Ивану Дмитриевичу удалось это совместить.

Член-корреспондент отметил четыре главные черты, которые, по его мнению, были присущи И.Д. Ковальченко. Во-первых, — это обращение к междисциплинарности. Во-вторых, — открытость миру. Он специализировался на истории русского крестьянства, однако спектр его научных интересов был очень широк. И.Д. Ковальченко сотрудничал со многими коллегами за рубежом, что несомненно шло на пользу развитию исторической науки. В-третьих, — координация деятельности исторических школ и групп, что является очень важным аспектом в любой сфере. Иван Дмитриевич всегда старался, чтобы коллеги были в курсе деятельности друг друга. В-четвертых, — это поддержка молодежи. Он постоянно читал и редактировал работы молодых специалистов, обсуждал их с коллегами, помогал своим подопечным. Многие известные сегодня историки — бывшие студенты И.Д. Ковальченко.

Теория истории — вот что было на первом месте для академика. Количественные методы — это лишь часть его мыслительной деятельности, которая была масштабнее, чем нам представляется. Восхищает и системность подходов Ивана Дмитриевича. Так, в публичных выступлениях он никогда не говорил ничего лишнего, только основные моменты. Напомнил выступавший и о еще об одном детище Ивана Дмитриевича — «Исторических записках». Именно он способствовал возрождению в 1995 г. этого издания о теоретических и методологических проблемах исторических исследований. Проект этот продолжается.

Е.И. Пивовар отметил в заключение, что выдающийся вклад Ивана Дмитриевича Ковальченко, который навсегда вошел в отечественную историографию, еще полностью не оценен.

Профессор **С.В. Мироненко**, научный руководитель ГАРФ, ведущий кафедрой истории России XIX — начала XX века исто-

рического факультета МГУ, в своем выступлении рассказал о своем общении с И.Д. Ковальченко, когда он был студентом в конце 60-х годов XX в. и позднее, когда он, прослушав курс количественных методов, очень ими заинтересовался. Количественные методы были прорывом, новой вехой в исторической науке. Первый его личный опыт активного использования математических методов (когда путем математических вычислений был составлен социальный портрет высших бюрократов 20-х годов XIX столетия), надолго отпечатался в памяти. И.Д. Ковальченко всегда живо интересовался разными взглядами на исторический процесс. Велика заслуга академика и в организации конференций по актуальным проблемам источниковедения и историческим дисциплинам. Они имели огромное значение для развития исторической науки, в том числе, сформировали молодых ученых, которые также принимали участие в конференциях. Интересно посмотреть на список участников: Милов, Янин, Корецкий, Эйдельман. Великие умы исторической науки. С.В. Мироненко зачитал цитату из вступительного слова И.Д. Ковальченко на IV Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин» в Днепропетровске в 1983 г. И.Д. Ковальченко тогда сказал, что источники — это материальная основа исторической науки, роль источника можно сравнить только с экспериментом в естественных науках. С.В. Мироненко подчеркнул, что эти слова актуальны и сегодня, тем более что ученый предлагал пути введения в оборот источников, которые прежде считались недостоверными или малоинформативными, а в настоящее время эта сфера исторической науки активно развивается.

Профессор **Н.Б. Селунская** озаглавила свой пленарный доклад: «“Не терять высоты!”: академик И.Д. Ковальченко о профессионализме историка». Слова, вынесенные в название, ученица академика И.Д. Ковальченко рассматривает как девиз его жизни, она слышала их от него неоднократно. Эти слова определяли для него и борьбу за соблюдение критериев научного исторического исследования, то есть профессионализм в истории, составляющими которого для Ивана Дмитриевича были источниковедческие и теоретико-методологические аспекты исследования. Внимание к проблеме профессионализма как критерия исторического исследования, отметила выступавшая, усиливается в связи с развернувшейся полемикой в историческом сообществе по поводу угроз профессионализму, ревизий его содержания и многообразия толкований. Высоко оценив статью «Большая история: от Большого взрыва до глобализации. О приоритетах раз-

вития гуманитарных и общественных наук в России» (Независимая газета.1.04.2018) академика А.О. Чубарьяна и А.А. Исэрова, профессор обратила внимание собравшихся на то, что приведенные высказывания являются убедительным доказательством актуальности научного наследия И.Д. Ковальченко. Продолжением дела его жизни стало и вышедшее к 95-летию со дня его рождения учебное пособие «Измерение прошлого» (СПб.: Алетейя, 2018). Далее Н.Б. Селунская остановилась на дискуссиях в связи с выходом монографии известного шведского ученого Рольфа Тоштендаля «Профессионализм историка и историческое знание» (М., 2014).

По ее мнению, И.Д. Ковальченко в своей концепции профессионализма историка отдавал приоритет методу, сердцевина профессионализма для него заключалась в теоретико-методологических основаниях исторического познания, что отчетливо видно в работах, вышедших в последние годы его жизни. Ученый постоянно подчеркивал роль и значимость метода вообще, междисциплинарного подхода и структурно-количественных методов анализа массовых исторических данных в особенности. Важной представляется предложенная ученым классификация методов исторического исследования — разделение их на описательные и количественные. Неслучайно он стал одним из основоположников направления количественной истории в историографии, и в частности отечественной квантификации. В творческом наследии академика И.Д. Ковальченко историк и сегодня может найти ответы на сложнейшие вопросы о роли истории, предназначении историка, его профессиональной ответственности за транслируемое им знание о прошлом.

Пленарный доклад профессора **А.Г. Голикова**, заведующего кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ, был посвящен И.Д. Ковальченко как главе кафедры. И.Д. Ковальченко возглавлял кафедру источниковедения с 1966 по 1995 г. Под его руководством, подчеркнул докладчик, кафедра превратилась в ведущий учебно-научный и методический центр изучения и преподавания источниковедения, историографии и методов исторического исследования. Именно он пригласил на кафедру талантливых ученых и преподавателей, в том числе В.И. Бовыкина. Выпускники и сотрудники кафедры занялись разработкой новых направлений в исторической науке, подготовили и защитили докторские диссертации. Была проведена огромная работа по перестройке преподавания ряда дисциплин, подготовке и изданию новых учебников, учебных пособий, сборников документов, программ курсов по источниковедению, историографии, специальным историческим дисциплинам и т.п.

Несомненна и личная заслуга И.Д. Ковальченко в разработке целого ряда проблем, что способствовало успешной работе кафедры. Именно он предложил использовать основные положения современного учения об информации применительно к проблемам источниковедения. Активно внедрял применение методов математико-статистического анализа в учебный процесс и научную деятельность, подготовил и долгое время читал курс «Количественные методы в исторических исследованиях». Под его руководством и при его непосредственном участии разрабатывалось новое направление — изучение массовых исторических источников, готовились коллективные труды. Заботясь о высоком уровне профессиональной подготовки студентов-историков, профессор разработал и читал фундаментальный лекционный курс «Методологические проблемы исторических исследований». Многолетний опыт преподавания этой дисциплины воплотился в его монографии «Методы исторического исследования» (М., 1987), которая в 1989 г. была удостоена Государственной премии, в 2003 г. была переиздана и до сих пор активно используется в процессе преподавания. Заведующий кафедрой организовывал и проводил научные конференции, семинары, учебно-методические совещания.

А.Г. Голиков отметил, что коллектив кафедры сохраняет благодарную память об Иване Дмитриевиче. Его личный архив был обработан и передан на хранение (Архив МГУ имени М.В. Ломоносова. Ф. 301. Оп. 1-4), были опубликованы его незавершенная монография «Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. (М., 2004) и сборник документов «И.Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика)» (М., 2004), составлена библиография трудов И.Д. Ковальченко и литературы о нем. Раз в пять лет проводятся научные конференции памяти академика, их материалы публикуются.

Л.И. Бородкин, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ, посвятил свой доклад 50-летию отечественной квантитативной истории. Институциональное оформление отечественной квантитативной истории связано с созданием в 1968 г. по инициативе И.Д. Ковальченко Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории Академии наук СССР. Докладчик кратко рассказал о деятельности этой комиссии, руководителем которой в течение четверти века был Иван Дмитриевич, который внес неоценимый вклад в ее работу и в развитие квантитативной истории в целом. Именно он в начале 1960-х гг. одним из первых в нашей стране стал применять статистические методы при

обработке на ЭВМ массовых исторических источников — архивных материалов по аграрной истории России первой половины XIX в. Л.И. Бородин охарактеризовал развитие количественной истории на раннем его этапе, в 1960–1980-х гг. По его мнению, современный этап развития исторической информатики «генетически» связан с достижениями отечественной количественной истории того периода. Именно тогда И.Д. Ковальченко была заложена траектория дальнейшего развития применения математических методов и компьютерных технологий в исторических исследованиях. Выступавший отметил, что это междисциплинарное направление наиболее успешно и результативно развивается в последние десятилетия в нашей стране, где активно действует профессиональное сообщество (Ассоциация «История и компьютер»), регулярно проводятся конференции, выходит единственное периодическое издание в этой области исследований — журнал «Историческая информатика», проводится профильная подготовка кадров, в частности на историческом факультете МГУ, в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре.

Член-корреспондент РАН **В.П. Козлов** выступил с докладом «По следам архивных разысканий И.Д. Ковальченко. Повседневная жизнь оброчной деревни Старая Гать Тульской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.». Поселение, обозначенное в названии, было объектом исследования академика И.Д. Ковальченко в книге «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.» (М., 1967). Докладчик много лет работал с Иваном Дмитриевичем, в том числе и в качестве ученого секретаря Отделения истории РАН. В.П. Козлов родом из тех мест в верховьях Дона, в свое время он неоднократно беседовал с Иваном Дмитриевичем об этом регионе. Уже в XXI в. В.П. Козлов занялся изучением истории Епифанского уезда с конца XVI до середины XX в. и начал знакомиться с архивными документами, в том числе провел сплошной просмотр помещно-вотчинных архивов его землевладельцев. Работа в архиве позволила ученому сделать важное наблюдение о процессе архивных разысканий И.Д. Ковальченко в ходе подготовки им докторской диссертации о русском крепостном крестьянстве. В листах использования архивных дел В.П. Козлов постоянно встречал подпись И.Д. Ковальченко. Причем дела тот всегда смотрел по два раза: первый раз делал выписки, а второй раз проверял точность выписок, что свидетельствует о тщательности, вдумчивости и планомерности исследовательской работы.

Докладчик на основе большого архивного материала РГАДА охарактеризовал историю деревни Старая Гать. Привел интерес-

ные данные об облике этого поселения, смене землевладельцев, о жизни общины, внутриобщинном распределении земли, урожаях, о динамике денежной оброчной политики, рекрутском наборе и т.п. Охарактеризовал автор и политику хозяев, управляющих контор и бурмистров в отношении крестьянской общины, изменение ситуации в связи с реформой 1861 г.

Затем были заслушаны научные выступления ученых, которые были коллегами профессора, его учениками и учениками его учеников. Выступления сопровождались активным обсуждением и научными дискуссиями. В конференции приняли участие более 50 человек, в том числе студенты и аспиранты исторического факультета.

Основная работа проходила в двух секциях: **«Проблемы методологии, источниковедения и историографии»** (председатель — профессор А.Г. Голиков) и **«Проблемы квантитативной истории и исторической информатики»** (председатель — член-корреспондент РАН Л.И. Бородкин), где были заслушаны и обсуждены почти тридцать выступлений ученых из МГУ, МПГУ, РГГУ, ИРИ РАН и других научных и учебных заведений Москвы и других городов. Состав участников и темы их выступлений, перечисленные в прилагаемой программе, свидетельствуют о высоком научном уровне этой конференции. В ходе конференции прошла презентация страницы на сайте исторического факультета, посвященной жизни и научной и преподавательской деятельности академика И.Д. Ковальченко ([www: hist.msu.ru/department/8819/history/IDK](http://www.hist.msu.ru/department/8819/history/IDK)). Собранным рассказали и о коллективной монографии по истории кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которая во время конференции находилась в печати, а в начале 2019 г. вышла в свет в издательстве «Алетейя» (Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета / Под ред. проф. А.Г. Голикова. СПб., 2019 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 142. Сер. II: Исторические исследования, 85). Также было презентовано новое учебно-методическое пособие по курсу «Количественные методы в исторических исследованиях» (Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В. Измерение прошлого: учебно-метод. пособие. СПб.: Алетейя, 2018 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 119. Сер. III. Instrumenta Studiorum, 33). Создателем курса и первым его преподавателем на историческом факультете был И.Д. Ковальченко. Учебное пособие подготовлено коллективом преподавателей кафедры источниковедения исторического факультета МГУ, которые ведут занятия по этому предмету для студентов факультета.

Секция

«Проблемы методологии, источниковедения и историографии»

д.и.н. Юмашева Ю.Ю. (ООО «ДИМИ-ЦЕНТР»). Академик И.Д. Ковальченко и Программы информатизации архивного дела

проф. Минц С.С. (Кубанский ГУ). О трансформации понятия «массовые источники» в современном источниковедении

проф. Лачаева М.Ю. (МППУ). Влияние жизненного опыта В.О. Ключевского на его научные приоритеты, исследовательскую тематику и их трансляцию в обществе

д.и.н. Сидорова Л.А. (ИРИ РАН). Гражданская война в России как фактор формирования личности советских историков-марксистов 1920–1930-х гг.

проф. Дурновцев В.И. (ИАИ РГГУ). Экологическая история как история окружающей среды

проф. Ланской Г.Н. (ИАИ РГГУ) Произведения художественного кинематографа как комплексный источник исторической информации

к.и.н. Дергачева Л.Д. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Модернистский журнал «Аполлон» в революционном 1917 г.

к.и.н. Алексеев В.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Проблемы источниковедческого изучения граффити периода Великой Отечественной войны

д.и.н. Аверьянов К.А. (ИРИ РАН). Княжил ли Иван Калита в Киеве?

д.и.н. Володихин Д.М. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Свияжское сражение 1524 г. в зеркале разрядных и летописных источников

к.и.н. Круглова Т.А. (МГУ имени М.В. Ломоносова). О названии платежного документа «Сколок» (XVII в.) в контексте комплексного источниковедения

к.и.н. Белоусова О.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Заповедные имения в России в конце XIX — начале XX в.: историографический аспект

к.и.н. Пушков В.П. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Уральские статистические справочники 1920-х гг. как источник по истории крестьянского хозяйства Верхоямья первой четверти XX в.

к.и.н. Агейчева Т.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова). От учителя к ученику: идеи И.Д. Ковальченко в практике преподавания курса историографии

к.и.н. Абрамова Н.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Кафедра источниковедения: страницы истории

к.и.н. Воронцова Е.А. (Гос. музей истории российской литературы имени В.И. Даля). «Как слово наше отзовется»: о кафедре источниковедения истфака МГУ периода И.Д. Ковальченко и проекте «Музеи–библиотеки–архивы в информационном обеспечении исторической науки»

Секция

«Проблемы квантитативной истории и исторической информатики»

к.и.н. Гарскова И.М. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Традиции квантитативной истории и отечественная историческая информатика

к.и.н. Карагодин А.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Периодизация истории в наследии академика И.Д. Ковальченко и нобелевского лауреата Р. Фогеля

к.и.н. Саломатина С.А. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Роль коммерческих банков в кредитовании торговли сельскохозяйственной продукцией во второй половине XIX в.: статистический анализ на примере Орловской губернии

к.и.н. Валетов Т.Я. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Структура экспорта России в 1802–1915 гг. по ежегодникам внешней торговли

к.физ.-мат.н. Шпирко С.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Об одной модели пространственного размещения средневекового населения (на примере территории Деревской пятины Новгородской земли)

к.и.н. Володин А.Ю. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Онлайн-ресурсы по социально-экономической истории и новые возможности интернет-эвристики

к.и.н. Петрова О.С. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Источниковедческие проблемы исследования научно-исторического сообщества (опыт создания баз данных «Археологические съезды»)

к.и.н. Шимбирева О.А. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Методологические проблемы формирования базы данных «Письма черносотенцев в СРН»

к.биол.н. Леонов М.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова). Опыт преобразования архивных источников и антикварных справочников в базы данных

Абрамова Надежда Григорьевна,
кандидат ист. наук, доцент кафедры источниковедения

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ. Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный межстрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом;

Текст представляется в редакцию в распечатанном виде и на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — на отдельных листах и в отдельных файлах на usb-накопителе.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом от 250 до 300 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью нужно сопроводить выпиской из протокола заседания профильной кафедры исторического факультета МГУ с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей, в том числе от авторов, не работающих и не обучающихся на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.